Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Родионов Артем Владимирович

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА К ЭЛЕКТРОННОЙ ТРАНСГРАНИЧНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ СДЕЛКЕ

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Терентьева Людмила Вячеславовна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТРАНСГРАНИЧНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ СДЕЛКИ 21

§ 1.1. Понятие и признаки электронной трансграничной коммерческой сделки 21

§ 1.2. Условия признания электронной трансграничной коммерческой сделки заключенной в письменной форме 48

§ 1.3. Нормы негосударственного регулирования, применимые к электронным трансграничным коммерческим сделкам 65

ГЛАВА 2. СОВЕРШЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТРАНСГРАНИЧНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ СДЕЛКИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА 81

§ 2.1. Совершение электронной трансграничной коммерческой сделки посредством обмена электронными сообщениями, click-wrap, browse-wrap и shrink-wrap соглашений 81

§ 2.2. Признание электронных подписей, созданных в соответствии с нормами иностранного права и международными стандартами 101

§ 2.3. Совершение трансграничных коммерческих сделок посредством электронных агентов и применимое к ним право 124

ГЛАВА 3. ОТДЕЛЬНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ И ИСПОЛНЕНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ СДЕЛОК 143

§ 3.1. Определение местонахождения коммерческого предприятия стороны в условиях электронной трансграничной коммерческой сделки 143

§ 3.2. Проблемы применимого права к сделкам, совершаемым на электронных трансграничных аукционах 161

§ 3.3. Определение права, применимого к преддоговорной ответственности сторон (culpa in contrahendo), по совершению электронной трансграничной коммерческой сделки 176

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 192

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 198

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Появление и развитие альтернативных форм ведения трансграничной торговли с использованием электронных средств радикально изменили способы заключения, исполнения и прекращения трансграничных коммерческих сделок. Основной характерной чертой такого рода отношений является то, что все большее количество сделок совершается не путем составления единого документа или обмена документами, а посредством передачи и получения информации в рамках особой информационной среды, предполагающей и допускающей согласование воли контрагентов.

Растущие объемы экспорта и импорта из/в страны Ближнего Востока, Центральной Азии и Африки, а также фактическое сохранение товарооборота с ныне недружественными странами через призму смещения европейских центров коммерции в Казахстан, Турцию, Киргизию и иные государства, в том числе в рамках «параллельного импорта», создают необходимость в правовой определенности в осуществлении электронных трансграничных коммерческих сделок.

Между тем правовое регулирование электронного трансграничного товарооборота национальными законами и международными договорами не в полной мере учитывает современные тенденции его развития. Многие международные конвенции были разработаны до начала массового использования электронных средств связи, а потому не содержат положений, регулирующих электронный документооборот. Национальное законодательство государств в ряде случаев закрепляет лишь презумпцию действительности сделки, заключенной посредством использования электронных средств связи при соблюдении требований о письменной форме сделки, тогда как специальные нормы, регулирующие легитимность отдельных способов совершения электронных трансграничных коммерческих сделок, использование электронных агентов, заключение сделок по результатам электронного аукциона отсутствуют. Данные

обстоятельства создают как теоретические, так и практические проблемы, нуждающиеся в серьезном научном осмыслении.

Большинством государств приняты законы об электронной цифровой подписи, которыми урегулированы вопросы терминологии, видов электронных подписей, средств и условий признания подписей, аккредитации удостоверяющих центров. Однако недостаточность международно-правового регулирования и, как следствие, практические проблемы признания электронных подписей, созданных в соответствии с нормами иностранного права, создают необходимость в разработке системы взаимного признания сертификатов ключей электронной подписи.

Традиционные подходы к определению местонахождения коммерческого предприятия стороны (place of business) через выявление физических признаков осуществления не носящей временного характера коммерческой деятельности являются неэффективными при совершении трансграничной коммерческой сделки с использованием электронных средств связи, а также в отношении деятельности так называемых «виртуальных компаний». Неразрешенными в том числе остаются вопросы совершения электронных трансграничных коммерческих сделок с участием электронных агентов, осмысления института электронного аукциона, определения момента вступления сторон в стадию преддоговорного взаимодействия по заключению трансграничной коммерческой сделки в электронной форме и оснований преддоговорной ответственности электронных торговых площадок и маркетплейсов.

Степень разработанности темы исследования в отечественной и зарубежной доктрине представляется недостаточной, хотя отдельные аспекты электронных сделок и электронной коммерции являются объектом изучения отечественных и зарубежных специалистов.

Частноправовое регулирование сделок в сфере электронной коммерции, в том числе с использованием электронной цифровой подписи, было исследовано в отечественной доктрине, в частности, в работах Ф.Г. Бобрицкого, А.С. Косарева, М.Ю. Моченова и А.В. Красиковой. Однако указанные отношения были рассмотрены исключительно с позиций национального (российского) права.

Отношения в области использования электронных документов в электронной коммерции стали предметом исследования Я.А. Карева. Автором было проанализировано правовое регулирование указанных отношений с позиции внутреннего права (России, США, Германии, Англии, Франции, Австрии). Правовому регулированию совершения сделок в электронных информационных сетях в России, США и Европейском союзе посвящена диссертация П.С. Симоновича. Тем не менее на период проведения данного исследования еще не были приняты множество современных правовых актов и актов негосударственного регулирования, в том числе Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Регламент Рим I, Регламент eIDAS, рекомендательные акты ЮНСИТРАЛ, например, Юридическая таксономия по вопросам, касающимся цифровой экономики 2023 г. и другие.

Некоторые аспекты трансграничных отношений в сфере электронной торговли были исследованы в диссертациях Н.В. Козинца, Д.В. Кофейникова, А.С. Мальцева, Н.В. Миненковой.

Работа А.С. Мальцева посвящена коллизионно-правовому регулированию трансграничных гражданско-правовых отношений, возникающих в процессе электронного взаимодействия, автор, помимо прочего, формулирует коллизионные привязки к форме сделки и договору, заключенному в процессе электронного взаимодействия, а также в отношении обязательств, возникающих вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения. В диссертации Н.В. Миненкова проанализированы сложившиеся на момент проведения исследования модели правового регулирования электронной торговли и соответствующие международно-правовые и национальные (российские, США, Канады, стран СНГ и ЕС) акты.

С точки зрения содержания, исследование Н.В. Козинца преимущественно посвящено анализу эволюции правового регулирования трансграничной электронной торговли на международном уровне, а именно в США, ЕС и СНГ.

Автором сформулировано определение понятия трансграничной электронной торговли, предложены коллизионные привязки в отношении трансграничных договоров с участием потребителей.

Д.В. Кофейников исследует правовую природу объединения БРИКС и международно-правовые основы регулирования электронной торговли в БРИКС, проводит сравнительный анализ законодательства государств БРИКС об электронной торговле.

Смарт-контракты в рамках отечественного гражданского права были рассмотрены в работе Е.В. Зайнутдиновой. Трансграничным преддоговорным отношениям и преддоговорной ответственности посвящены исследования О.В. Сергеевой (О.В. Муратовой) и А.М. Степанищевой.

Вопросы правового регулирования сделок, совершаемых потребителями в рамках электронной коммерции, исследовал Р.С. Резник. Вместе с тем в работе не рассматривалось регулирование коммерческих сделок.

Отдельные аспекты темы диссертационного исследования, в том числе на монографическом уровне, были затронуты в работах Л.Ю. Василевской, И.В. Гетьман-Павловой, Г.К. Дмитриевой, Л.Г. Ефимовой, А.В. Зажигалкина, В.А. Канашевского, М.В. Мажориной, А.И. Савельева, Д.П. Стригуновой, А.А. Тедеева, Л.В. Терентьевой, С.Ю. Филипповой, Ю.С. Харитоновой.

Среди зарубежных авторов, исследующих отношения в сфере электронной коммерции, необходимо отметить P.S. Gary, J. Honnold, L.M. Thomas, E.G. Valenzuela, I. Yasmin. Правовая природа электронного агента, совершение сделок с его использованием рассматриваются в работах J.P. Fischer, A.Z. Huq, J.-F. Lerouge, P.U. Lima, H. Nwana, A. Paiva, E. Rahbari, A. Rezaee, M. Wooldridge. Исследованию становления негосударственного регулирования посвящены работы H. Collins, R. Johnston, A.F.M. Maniruzzaman, R. Michaels, A. Patrikios, P. Polanski, G. Teubner, L.E. Trakman.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с совершением электронной трансграничной

коммерческой сделки и определением применимого к ней права, а также преддоговорные отношения.

Предмет диссертационного исследования составляют нормы международных договоров и национального законодательства, регулирующие общественные отношения в связи с заключением, исполнением и прекращением электронной трансграничной коммерческой сделки и преддоговорных отношений, нормы негосударственного регулирования (lex mercatoria), а также отечественная и иностранная доктрина, судебная и практика международных коммерческих арбитражей (МКА) по вопросам совершения таких сделок.

Целью диссертационного исследования является формирование теоретически обоснованного и практически применимого подхода к определению права, применимого к электронным трансграничным коммерческим сделкам, с учетом особенностей цифровой среды.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **основные задачи диссертационного исследования:**

- сформулировать понятие электронной трансграничной коммерческой сделки и выявить соотношение данного понятия с понятиями «электронная коммерция» и «электронный бизнес»;
- предложить толкование критерия идентификации лица, выразившего волю**,** в целях единообразного применения Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г.;
- обозначить критерии признания легитимности способов совершения электронных трансграничных сделок и разработать рекомендации по обеспечению действительности заключаемых трансграничных соглашений посредством производства команды «Я согласен» («click-wrap»), продолжения пользования сайтом без активного производства команды «Согласен» («browse-wrap») и посредством начала пользования продуктом («shrink-wrap») соглашений;
- сформировать предложения по внедрению механизмов признания электронных подписей, созданных в соответствии с нормами иностранного права и международными стандартами;

- установить особенности порядка определения применимого права к сделкам, совершаемым с использованием электронного агента, и сформировать предложения по применению коллизионных привязок к таким сделкам;
- оценить условия применимости норм негосударственного регулирования к отношениям в сфере совершения электронных трансграничных сделок;
- уточнить содержание традиционного критерия «местонахождение коммерческого предприятия стороны» (place of business) к условиям ведения коммерческих операций в цифровой среде;
- сформулировать определение понятия электронного аукциона и изложить предложения по определению места проведения трансграничного электронного аукциона;
- определить момент наступления преддоговорной ответственности для сторон электронной трансграничной коммерческой сделки и порядок определения применимого права к таким отношениям.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологическая основа исследования включает в себя общенаучные, а также частнонаучные методы познания, применяемые при изучении правового регулирования общественных отношений в международном частном праве.

В настоящем исследовании были использованы общенаучный (диалектический) метод познания, методы формальной логики (анализ и синтез, наблюдение и сравнение, индукция и дедукция), а также частнонаучные методы – системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования. В частности, с использованием системного и методов формальной логики выявлены особенности проявления иностранного элемента при совершении электронной трансграничной коммерческой сделки в субъектном составе, объекте и ином иностранном элементе, обоснован вывод о том, что местонахождение коммерческого предприятия характеризует субъект частноправового отношения. На основе формально-юридического и системного методов были выявлены и обоснованы требования для признания электронной трансграничной коммерческой

сделки, заключенной в письменной форме, предложено толкование критерия идентификации лица, выразившего волю. На основе метода правового моделирования предложены правовые модели внедрения механизма признания иностранных электронных подписей.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют доктринальные теоретические разработки отечественных и зарубежных авторов по общей теории права, международному частному праву, международному праву, гражданскому праву.

При проведении исследования автор опирался на труды отечественных исследователей: Я.О. Алимовой, Л.П. Ануфриевой, А.В. Асоскова, М.М. Богуславского, М.И. Бруна, Л.Ю. Василевской, И.В. Гетьман-Павловой, Г.К. Дмитриевой, Н.Ю. Ерпылевой, Л.Г. Ефимовой, О.Ф. Засемковой, В.А. Канашевского, Л.А. Лунца, М.В. Мажориной, А.В. Минбалеева, М.Г. Розенберга, О.В. Сергеевой (О.В. Муратовой), А.А. Тедеева и других.

В работе использованы труды иностранных авторов: К. Бергер (K. Berger), Х. Коллинз (H. Collins), Дж. Фишер (J. Fischer), Л. Харрис (L. Harris), Дж. Хоннольд (J. Honnold), А. Хук (A. Huq), Дж. Кляйн (J. Klein), А. Лангвардт (A. Langvardt), Ж.Ф. Леруж (J.F. Lerouge), П. Лима (P. Lima), Р. Михаэльс (R. Michaels), Т. Малган (T. Mulgan), Х.С. Нвана (H. Nwana), Э. Рахбари (E. Rahbari), Дж. Робертс (J. Roberts), Г. Шнайдер (G. Schneider), Л. Солум (L. Solum), Л.Е. Тракман (L.E. Trakman), У. Уильям (W. William) и др.

Нормативную основу исследования составляют международные договоры, международно-правовые акты ООН и ее специализированных учреждений; российское и иностранное законодательство по вопросам регулирования коммерческих сделок, электронного товарооборота и электронной цифровой подписи, а также акты международных организаций ЕАЭС, ЕС, объединения БРИКС, нормы негосударственного регулирования (lex mercatoria).

Эмпирическая основа исследования включает правовые позиции, сформулированные в судебных актах Верховного Суда Российской Федерации, судов арбитражной системы и судов общей юрисдикции, материалы иностранной

судебной практики, практики международных коммерческих арбитражей (МКА), проекты нормативных актов по теме работы.

Научная новизна исследования заключается в том, что диссертационная работа представляет собой первое исследование электронной трансграничной коммерческой сделки и применимого к ней права. В диссертационном исследовании произведена квалификация трансграничных коммерческих сделок, совершаемых, главным образом, с помощью информационно-телекоммуникационных сетей и электронных средств связи; предложены дефиниции электронной трансграничной коммерческой сделки, электронного агента, электронного аукциона; сформулированы коллизионные привязки к договорам, заключаемым посредством электронного агента; выявлены критерии и факторы определения местонахождения коммерческого предприятия стороны электронной сделки и места проведения трансграничного аукциона в электронной форме. Автором диссертационного исследования также обоснованы и предложены правовые модели механизма признания иностранных электронных подписей.

Проведенное исследование позволило сформулировать и обосновать следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Под электронной трансграничной коммерческой сделкой следует понимать совершаемую в рамках предпринимательской деятельности сделку, направленную на установление, изменение или прекращение частноправовых отношений и осуществляемую с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и электронных средств связи, при условии, что волеизъявление сторон выражается в цифровой форме и наличествует связь с правопорядками двух или более государств.

Такая связь может проявляться через наличие иностранного элемента в фактическом составе частноправового отношения, в частности, в виде:

– юридического факта, когда иностранный информационный посредник выполняет юридически значимые функции по оформлению или подтверждению волеизъявления сторон (предоставление инфраструктуры для совершения сделки иностранным информационным посредником платформенной модели или

маркетплейсом, сопровождающееся фиксацией юридически значимых действий сторон; выполнение функций оператора электронного аукциона с фиксацией ставок и т.п.);

– субъекта, если информационный посредник вступает в самостоятельное обязательство и несет имущественную ответственность (сторона будущей сделки участвует в электронном аукционе, который проводится на платформе иностранного посредника, при этом сам посредник принимает на себя обязательство перед участниками по гарантированию исполнения сделки или ответственности за сохранность задатка, в связи с чем у сторон и посредника возникают корреспондирующие права и обязанности).

2. При заключении электронных коммерческих сделок иностранный элемент в виде объекта частноправового отношения (например, нахождение предмета сделки за рубежом) утрачивает самостоятельное значение для квалификации сделки как трансграничной. Мобильный и распределенный характер цифровых товаров, услуг, имущества и активов препятствуют возможности их устойчивой территориальной локализации, в связи с чем связь с правопорядками двух или более государств выявляется не через местонахождение объекта за рубежом, а через иные обстоятельства, в качестве которых могут выступать:

– включенность объекта сделки в иностранный правовой режим, который влияет на ее содержание и исполнение (лицензия, ограничивающая территорию использования объекта, выданная в иностранном государстве согласно иностранному праву; цифровые права, возникшие в иностранной цифровой системе на основании иностранного правопорядка);

– экономическая направленность и функциональные параметры использования объекта (контент как объект сделки ориентирован на рынок определенного иностранного государства; программное обеспечение используется преимущественно в каком-либо иностранном государстве).

3. В целях единообразного применения Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. критерий идентификации лица, выразившего волю на заключение электронной сделки,

следует считать выполненным, если данная идентификация была осуществлена посредством:

– прямой модели: связь между совершенным действием и конкретным участником, выразившим волю к заключению сделки, устанавливается через верификацию сертификата ключа проверки при использовании подписантом квалифицированной электронной подписи;

– гибкой (функциональной) модели: связь между совершенным действием и конкретным участником устанавливается на основе совокупности технических и функциональных признаков, позволяющих с разумной степенью достоверности отнести соответствующее электронное действие к определенному лицу.

В целях формирования предсказуемого правового режима электронного документооборота необходимо введение следующих презумпций:

– презумпция контроля над электронным средством: действие, совершенное через электронное средство, находящееся под контролем лица, считается совершенным этим лицом, если заинтересованным лицом не доказано иное, а именно отсутствие признаков контроля, таких как уникальные учетные данные, логин и пароль, двухфакторная аутентификация, корпоративная политика доступа;

– презумпция достоверности при использовании устойчивого делового канала: сообщение, направленное с электронного адреса, используемого организацией в деловом обороте, считается исходящим от соответствующего юридического лица и выражающим его волю. Презумпция может быть опровергнута посредством доказывания заинтересованной стороной отсутствия полномочий у сотрудника, отправившего сообщение.

Требование о достаточности и достоверности идентификации лица, выразившего волю, считается выполненным, если электронная среда использовалась для выражения воли на заключение электронной сделки, а не исключительно для передачи информации или документа.

4. Содержание критерия идентификации лица, выразившего волю, закрепленного в Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г., требует уточнения в отношении таких способов

заключения электронной трансграничной коммерческой сделки, как посредством производства команды «Я согласен» («click-wrap»), продолжения пользования сайтом без активного производства команды «Согласен» («browse-wrap») и посредством начала пользования продуктом («shrink-wrap») соглашений.

Идентифицирующими признаками при заключении click-wrap-соглашения являются регистрационные данные пользователя, возможное использование двухфакторной аутентификации, подтверждение действия через систему мгновенных сообщений. Воля в таком случае выражается активным действием пользователя посредством производства команды (нажатия кнопки).

Идентифицирующими признаками при заключении shrink-wrap-соглашений являются серийный номер продукта или регистрационный ключ, данные об активации стороной продукта, учетная запись при установке программного обеспечения. Воля проявляется в действии, свидетельствующим о намерении использовать продукт – вскрытии упаковки, установке или активации программного обеспечения.

В отличие от click-wrap и shrink-wrap, browse-wrap-соглашения не попадают под сферу регулирования Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. ввиду того, что идентифицирующие признаки (следы цифрового поведения, технические данные сессии пользователя, включая IP-адрес, cookies, временные метки, и идентификатор устройства) являются ненадежными и недостаточными для идентификации лица и, как следствие, такая сделка является несовершенной.

5. Для решения проблемы множественности стандартов условий технической совместимости сертификатов электронных подписей, созданных в соответствии с нормами иностранного права, предлагаются две правовые модели механизма признания иностранных электронных подписей.

Первая модель состоит в формировании международно-правового механизма в рамках региональной организации, предусматривающего:

– назначение договаривающимися государствами доверенных третьих лиц, которые, осуществляют функции по проверке электронной подписи на предмет

соответствия требованиям; функцию таких центров должны осуществлять головные удостоверяющие центры;

– проверка действительности электронной подписи, обеспечиваемой посредством взаимодействия головных удостоверяющих центров;

– использование согласованных уполномоченными органами государств криптографических стандартов электронной подписи для взаимодействия между головными удостоверяющими центрами;

– обеспечение головным удостоверяющим центром проверки электронной подписи отправителя, созданной в соответствии с законодательством государства, в котором зарегистрирован и осуществляет свою деятельность отправитель, а также создание и подписание электронной подписью квитанции с результатом такой проверки.

Наиболее успешно предложенная модель может быть имплементирована в региональных организациях с высокой степенью гармонизации национального законодательства ее членов, в частности, в ЕАЭС.

Вторая модель реализуется посредством заключения частноправового соглашения между участниками электронного документооборота при взаимодействии частных и государственных структур, предусматривающего:

– назначение сторонами частноправового соглашения удостоверяющих центров сторон в качестве доверенных посредников с наделением полномочиями подтверждения подлинности и статуса сертификата электронной подписи;

– признание достоверности электронной подписи, выданной удостоверяющим центром партнера, как равнозначной собственной квалифицированной подписи;

– установление взаимных механизмов верификации в отношении удостоверяющих центров, позволяющих определить совместимость форматов сертификатов, алгоритмов шифрования и протоколов проверки подписей;

– исключение необходимости повторного подписания или сертификации документа в каждой юрисдикции.

Данная модель выступает способом внедрения механизма взаимного признания иностранных электронных подписей, в частности, в двухсторонних отношениях, между членами БРИКС, для совершения сделок между российскими и африканскими компаниями при поддержке центральных органов.

6. Местонахождение коммерческого предприятия (place of business) стороны электронной трансграничной сделки следует определять на основании реальных экономических (материально-хозяйственных) и организационно-управленческих факторов. Такими факторами являются место, где проводится обработка заказов, осуществляется производство товаров, ведется деловая переписка, исполняются ключевые функции по ведению стороной своей коммерческой (хозяйственной) деятельности.

При осуществлении коммерческой деятельности компании исключительно в цифровой среде для определения местонахождения коммерческого предприятия стороны предлагается устанавливать страну, в которой осуществляется управленческое руководство деятельностью (центр принятия решений) такой стороны. Основным признаком, свидетельствующим о центре принятия решений, является фактическое руководство компанией. Если фактическое руководство не может быть достоверно установлено, субсидиарно применяются следующие критерии последовательно: страна, где находится конечный банковский счет, используемый для основных расчетов по сделкам; место хранения бухгалтерских и юридических документов, необходимых для ведения деятельности.

7. Под электронным агентом предлагается понимать автоматизированное автономное программное обеспечение, способное без непосредственного участия (проверки или действия) человека в конкретный момент времени осуществлять поиск информации, совершать сделки, производить платежи и (или) взаимодействовать с другими аналогичными программными обеспечениями на основе той информации и данных, которые были в него запрограммированы.

Действия электронного агента следует отождествлять с действиями его владельца – лица, которое контролирует электронного агента, извлекает выгоду и несет риски, то есть оферента, акцептанта либо организатора платформы. Воля

считается выраженной лицом в момент и в пределах настройки алгоритма принятия решений электронного агента. Субъект, будучи иностранным элементом в сделке, совершенной с использованием электронного агента, определяется как лицо, от имени и в интересах которого действует электронный агент.

Место создания и размещения программного обеспечения для электронного агента является иррелевантным фактором в отношении определения места совершения трансграничной коммерческой сделки посредством электронного агента. В качестве генерального критерия для определения места совершения трансграничной коммерческой сделки посредством электронного агента предлагается применение доктрины целенаправленной деятельности, то есть выявления направленности сделки на достижение правового результата в конкретной юрисдикции.

8. Под электронным аукционом предлагается понимать открытую или закрытую форму торгов, представляющую собой продажу объектов с индивидуальными признаками лицу, предложившему наиболее высокую цену, осуществляемую в сети Интернет при помощи специального программного обеспечения, установленного на веб-сайте организатора торгов.

Местом проведения электронного трансграничного аукциона следует считать местонахождение коммерческого предприятия (place of business) организатора электронного аукциона (электронной торговой площадки). Если местонахождение коммерческого предприятия организатора отсутствует, местом проведения аукциона следует считать место его жительства (организатора) либо иное место, с которым деятельность по организации и юридическому оформлению аукциона имеет наиболее тесную связь, при условии, что именно в данном месте лицо принимает ключевые организационные решения и несет основные риски.

Субсидиарно может быть применен договорный подход. Организатор электронного аукциона может прямо указать в условиях конкретное место управления его электронной торговой площадкой, что обеспечит предсказуемость и снизит риски правовой неопределенности.

9. Момент вступления сторон в стадию преддоговорного взаимодействия по заключению электронной трансграничной коммерческой сделки наступает с момента совершения стороной активного юридически значимого действия, разумно воспринимаемого как начало деловых переговоров (начало деловой переписки по электронной почте или в мессенджере, обсуждение условий будущей сделки в режиме видеосвязи, запрос коммерческого предложения по электронным каналам связи, регистрация на онлайн-платформе или заполнение формы обратной связи и т.п.), исключая при этом техническое взаимодействие сторон (сами по себе посещение веб-сайта, автоматические уведомления или ответы чат-бота, нажатие по рекламному баннеру).

По результатам исследования разработаны следующие **предложения по совершенствованию действующего законодательства**:

1) в целях обеспечения единообразного определения применимого права к отношениям, возникающим из электронных аукционов, предлагается дополнить пункт 5 статьи 1211 ГК РФ положением, согласно которому если иное не предусмотрено соглашением сторон, местом проведения электронного трансграничного аукциона является страна, в которой находится коммерческое предприятие организатора электронного аукциона (оператора электронной торговой площадки);

2) с целью устранения препятствий для признания электронных подписей, созданных в соответствии с нормами иностранного права и международными стандартами, в случаях, когда такие электронные подписи обеспечивают сопоставимый уровень достоверности идентификации подписанта и контроля целостности электронного документа, в диссертации даны рекомендации по дополнению части 1 статьи 7 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» положением, согласно которому соответствие электронной подписи, созданной в соответствии с нормами иностранного права и международными стандартами, видам электронных подписей, предусмотренным законодательством Российской Федерации, определяется исходя из выполняемых ею функций по идентификации подписанта, подтверждению его волеизъявления и

обеспечению контроля целостности электронного документа, независимо от используемых криптографических алгоритмов, стандартов и форматов сертификатов в иностранном государстве.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в том, что результаты научного исследования углубляют теорию международного частного права в отношении вопросов осуществления электронных трансграничных коммерческих сделок. Предложенные в диссертации выводы и рекомендации, основанные на обобщении нормативного материала и правоприменительной практики, являются положительным вкладом диссертанта в развитие науки международного частного права и могут использоваться для проведения дальнейших исследований по данной тематике.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования полученных выводов в ходе дальнейшей разработки и совершенствования отечественного законодательства в сфере регулирования электронных коммерческих сделок. Положения диссертации могут быть использованы при преподавании курсов «Международное частное право», «Международные коммерческие контракты», «Право международной торговли» в системе высшего образования.

Степень достоверности научных выводов. Достоверность и обоснованность результатов обеспечиваются методологией исследования, адекватной его предмету, цели и задачам, и подтверждаются широким перечнем соответствующих тематике теоретических источников (по общей теории права, международному частному и публичному праву). Теоретические обобщения и рекомендации диссертационного исследования подтверждаются результатами анализа нормативного материала, выводами судебной практики и статистическими данными.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре международного частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), где прошла обсуждение, рецензирование и была рекомендована к защите. Результаты и основные положения диссертации внедрены автором в учебный процесс при

проведении практических занятий в ходе педагогической практики в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Основные теоретические выводы диссертационного исследования были изложены в докладах на всероссийских и международных научно-практических конференциях: XXVI Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (доклад «К вопросу о признании юридической силы сделок, заключенных посредством совершения конклюдентных действий в цифровом пространстве в российском праве», основные положения доклада изложены в виде публикации в сборнике тезисов конференции); IV Международный междисциплинарный конгресс «Актуальные проблемы международного частного права» (доклад «The concept of International Conciliation Procedures for the Settlement of Legal Disputes», основные положения доклада изложены в виде публикации в сборнике тезисов конференции); XXVII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (доклад «Феномены lex electronica, lex informatica и lex PPPs как применимое к трансграничным коммерческим сделкам право», основные положения доклада изложены в виде публикации в сборнике тезисов конференции).

Концептуальные положения диссертации изложены в 6 публикациях, включая научные журналы, рекомендованные Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (4 публикации), иные рецензируемые научные издания, сборники материалов конференций (2 публикации).

Структура диссертационной работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в общей сложности девять параграфов, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТРАНСГРАНИЧНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ СДЕЛКИ

§ 1.1. Понятие и признаки электронной трансграничной коммерческой сделки

Использование в отечественной и зарубежной доктрине, правовых актах понятий «электронная коммерция», «электронная торговля», «электронный бизнес», «электронная транзакция (сделка)» как тождественных вызывает правовые риски: приводит к неправильной квалификации правоотношений, выступает препятствием для разработки четких стандартов, может затруднять формирование современного, адекватного и прозрачного правового регулирования[1].

Восприятие понятий как тождественных восходит к лингвистическим особенностям. В английском языке «commerce» означает «торговля, особенно между странами; покупка и продажа товаров и услуг»[2], и, соответственно, может обозначаться на русском языке и как торговля, и как коммерция. Внесенные в Государственную Думу проекты Федеральных законов содержали соответствующее определение понятия электронной торговли[3]. В ст. 3 проекта Федерального закона № 11081-3 «Об электронной торговле» под электронной торговлей понимается заключение путем обмена электронными документами

---

[1] См., например, Кауракова М. В. Изучение опыта исходного состояния отрасли электронной коммерции в России // Евразийская адвокатура. 2023. № 4 (63). С. 118.

[2] Oxford Dictionary : website. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/commerce?q=commerce (дата обращения: 13.01.2025).

[3] См.: Проект Федерального закона № 11081-3 «Об электронной торговле», внесенного 3 октября 2000 г. депутатами Государственной Думы РФ В. И. Волховским, Л. С. Маевским, О. А. Финько, А. В. Шубиным; Проект Федерального закона № 47432-3 «Об электронной торговле», внесенного 12 января 2001 г. депутатом Государственной Думы РФ В. Я. Комиссаровым; Проект Федерального закона № 310163-4 «Об электронной торговле», внесенного 16 июня 2006 г. депутатами В. Я. Комиссаровым, С. В. Ивановым, А. Н. Хайруллиным, К. В. Ветровым, А. А. Кармеевым, С. А. Насташевским, Б. Л. Резником, А. В. Островским, И. В. Лебедевым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///Users/artemrodionov/Downloads/D32CDCC14641D309432571BB0057F6B5.html (дата обращения: 19.01.2025).

следующих сделок, предусмотренных ГК РФ (но не ограничиваясь ими): купля-продажа, поставка, возмездное оказание услуг, перевозка, заем и кредит, финансирование под уступку денежного требования, банковский вклад, банковский счет, расчеты, хранение, страхование, поручение, комиссия, агентирование, доверительное управление имуществом, коммерческая концессия, простое товарищество, публичное обещание награды, публичный конкурс, а также приобретение и осуществление с использованием электронных средств иных прав и обязанностей в сфере предпринимательской деятельности[4]».

Ряд отечественных авторов полагают нецелесообразным использовать заимствованный термин «коммерция» при наличии эквивалента на русском языке – «торговля». Так, профессор А.А. Тедеев обосновывает невозможность эффективного правового регулирования экономической деятельности с использованием понятия «электронная коммерция» отсутствием единого подхода на законодательном, доктринальном и практическом уровнях[5]. Взамен автором предлагается не «электронная торговля», а «электронная экономическая деятельность» или более полное понятие «экономическая деятельность, осуществляемая в электронной форме с использованием глобальной компьютерной сети Интернет»[6].

Использование понятий «электронная коммерция» и «электронная торговля» как взаимозаменяемых является некорректным в силу того, что данный подход искажает существо содержащихся в них явлений. Электронная торговля не может отождествляться с электронной коммерцией, так как является ее компонентом.

В Рабочей Программе Всемирной Торговой Организации (ВТО) по электронной коммерции электронная коммерция понимается как «производство, распределение, маркетинг, продажа или доставка товаров и услуг с помощью

---

[4] Статья 3 проекта Федерального закона № 11081-3 «Об электронной торговле», внесенного 3 октября 2000 г. депутатами Государственной Думы РФ О. А. Финько, Л. С. Маевским, А. В. Шубиным, В. И. Волковским. При рассмотрении во втором чтении Постановлением ГД № 440-IV ГД от 24 апреля 2004 г. принято решение отклонить законопроект и снять с дальнейшего рассмотрения.

[5] См. Тедеев А. А. Электронная коммерция (электронная экономическая деятельность). Правовое регулирование и налогообложение. М., 2002. С. 14.

[6] Тедеев А. А. Указ. соч.

электронных средств»[7]. В рамках Европейского союза электронная коммерция охватывает широкий спектр экономической деятельности, осуществляемой с помощью сети Интернет, в частности продажу товаров в режиме онлайн; услуги, предлагающие информацию или коммерческие сообщения в режиме онлайн; услуги, предоставляющие инструменты для поиска, доступа и извлечения данных[8]. При этом из сферы электронной коммерции исключаются использование электронной почты или эквивалентных индивидуальных сообщений физическими лицами, действующими вне сферы их торговли, бизнеса или профессии; договорные отношения между работником и его работодателем; обязательный аудит счетов компании или медицинская консультация, требующая физического обследования пациента. Впрочем, подход Европейского союза находит широкое воплощение.

Закон США о свободе налогообложения в Интернете (The Internet Tax Freedom Act) определяет понятие «электронная коммерция» как любую сделку, осуществляемую через Интернет или посредством доступа к Интернету[9]. В судебной практике доступ к Интернету трактуется расширительно, как включающий в себя услуги, которые считаются «сопутствующими» предоставлению интернет-соединения, в том числе домашнюю страницу (home page), электронную почту и обмен мгновенными сообщениями с поддержкой голоса и видео, видеоклипы и персональные электронные хранилища[10].

Например, в докладе по налогообложению электронной коммерции Министерства финансов Индии 2001 г. коммерция рассматривается как «сделки, в

---

[7] Yasmin Ismail E-commerce in the World Trade Organization: History and latest developments in the negotiations under the Joint Statement. International Institute for Sustainable Development and CUTS International, Geneva. 2020. P. 2.

[8] Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ('Directive on electronic commerce') [Electronic resource]. – Mode of access: http://data.europa.eu/eli/dir/2000/31/oj (дата обращения: 10.04.2025).

[9] The Internet Tax Freedom Act, 1998 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.congress.gov/bill/105th-congress/senate-bill/442/text (дата обращения: 19.12.2024).

[10] Colo. DOR, Pvt. Ltr. Rul. PLR-15-003 (Feb. 4, 2015); and Colo. DOR, Pvt. Ltr. Rul. PLR-15-001 (Feb. 4, 2015).

которых и оферта, и акцепт производятся с помощью электронных средств связи»[11]. Аналогичной трактовки придерживается и Министерство международной торговли и промышленности Японии[12]. Отечественный экономист С.К. Ильичев понимает электронную коммерцию как совокупность любых форм сделок через информационно-телекоммуникационную сеть [13].

Сведение электронной коммерции к электронной торговле, а последней только лишь к совокупности сделок, проводимых с помощью сети Интернет, исключает существенный перечень видов экономической деятельности, составляющих коммерцию, включая иные интернет-технологии, существующие наряду с сетью Интернет.

Американский экономист Г.П. Шнайдер считает необходимым рассматривать понятие «электронная коммерция» в самом широком смысле и включать в него все виды деятельности, в которых используются интернет-технологии[14]. Помимо четырех категорий электронной торговли (B2B, B2C, B2G, C2G), ключевое значение имеет и такая составляющая, как бизнес-процессы. В нее могут быть включены внешние и внутренние сношения участников рынка в части транзакций, найма персонала, планирования и прогнозирования, маркетинговых процессов, действий, направленных на поддержку своих закупок и продаж, функционирования комплаенс-отделов и иных структурных подразделений, функционирование электронного предприятия, электронные услуги бизнес-консультирования. С технологической стороны, не стоит опосредовать осуществление сделок исключительно сетью Интернет. К интернет-технологиям относятся и Интернет так таковой, и Всемирная паутина (World Wide Web), и

---

[11] Васильева Н. М. Электронная коммерция как правовая категория // Юрист. 2006. № 5. С. 2–6.

[12] Например, в Докладе, посвященному эпохе цифровой экономики, электронная коммерция рассматривается как проведение коммерческих сделок с помощью электронных средств с использованием интернет-технологий. Towards the Age of the digital Economy – For Rapid Progress in the Japanese Economy and World Economic Growth in the 21st Century. Ministry of International Trade and Industry, Government of Japan. 1997.

[13] См.: Ильичев С. К. Особенности налогообложения в сфере электронной коммерции. М.: Маркет ДС, 2004. С. 12.

[14] См.: Gary P. Schneider E-Business, Ninth Edition, Schneider, Ph.D., CPA. Printed in the United States of America, 2011. P. 4.

другие технологии, такие как беспроводная передача данных в мобильных телефонных сетях[15].

Л.В. Терентьева рассматривает понятие электронной коммерции как многозначное, по мнению автора, содержание данного понятия зависит от контекста. Так, в рамках экономической науки электронная коммерция – одна из форм предпринимательской деятельности, осуществляется электронным способом и проявляется в осуществлении посреднических и закупочных функций с целью извлечения прибыли, а рамках правовых наук понятие электронной коммерции охватывает, в том числе, особенности совершения электронных сделок, вопросы подсудности, налогового регулирования, защиты персональных данных[16].

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г. в ст. 2 не упоминает определение понятия «электронная коммерция». Вместе с тем, в примечании к ст. 1 Типовой закон устанавливает, что «термин «торговая» следует толковать широко, с тем чтобы он охватывал вопросы, вытекающие из всех отношений торгового характера, как договорных, так и недоговорных» [17]. Примечательно, что в русскоязычной версии название Типового закона переведено как «Об электронной торговле», а «commercial» из статьи 1 как «торговая»[18]. Во втором абзаце настоящего параграфа было установлено, что такой перевод также допустим.

Я.А. Карев исследует правовое регулирование использования электронных документов и делает вывод, что электронная торговля не является отдельной разновидностью экономической деятельности, а также, что ее нельзя ограничивать применением электронных средств связи, так как существует возможность обмена

---

[15] См.: Родионов А. В. Квалификация понятия электронной трансграничной коммерческой сделки // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 8 (177). С. 79–84.

[16] См.: Терентьева Л. В. Трансграничные электронные сделки: международно-правовое и национально-правовое регулирование. М.: Проспект, 2026. С. 5–15.

[17] Article 1. UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce Turkish Civil Code. Law N. 4721, dated 7/12/2002 (accepted 22.11.2001) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.lawsturkey.com/law/turkish-civil-code-4721 (дата обращения: 10.06.2025).

[18] См.: ЮНСИТРАЛ Типовой закон об электронной торговле и Руководство по принятию 1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1504119_ebook.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

электронными документами посредством простого вручения[19]. Автор критикует понятие электронной торговли, сформулированное в проекте Федерального закона № 11081-3 «Об электронной торговле» и считает, что электронная торговля должна определяться как «предпринимательская и иная, не запрещенная законом деятельность в области обмена имуществом, включая товары, информацией, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (интеллектуальная собственность), осуществляемая посредством заключения и (или) исполнения сделок в электронной форме[20]».

Следует отметить, что результате стремительного развития технологий, возможно и потенциальное изменение содержания понятия «электронная коммерция» в связи с появлением и онтогенезом новых видов экономической деятельности: электронный обмен данными (Electronic Data Interchange – EDI), электронные переводы средств (Electronic Funds Transfers – EFTs), мобильная телефонная коммерция (mobile commerce).

Употребление в доктрине и правовых документах понятий «электронная коммерция» и «электронная торговля» как синонимов во многом обусловлено лингвистическими особенностями, между тем в экономико-правовом смысле данные категории не являются тождественными, на что не все авторы обращают внимание.

Например, Н.В. Козинец определяет трансграничную электронную торговлю как «любую трансграничную торговую деятельность, при ведении которой, заключение соглашения между сторонами осуществляется посредством электронных сообщений с использованием сети Интернет, а именно путем передачи информации, подготовленной, отправленной, полученной или хранимой с помощью электронных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными, электронную почту, но не ограничиваясь ими»[21]. В

---

[19] См.: Карев Я. А. Правовое регулирование использования электронных документов в договорных отношениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Московская государственная юридическая академия. – М., 2005. С. 18.

[20] Там же.

[21] Козинец Н. В. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Московская государственная юридическая академия.

данном случае автор делает акцент на том, что представляет собой электронная торговля, не уточняя при этом, что включает и подразумевает собственно «торговля».

В то время как содержание электронной коммерции связано прежде всего с осуществлением коммерческих операций (совершением сделок) в электронной форме, электронная торговля имеет более широкий характер и охватывает совокупность процессов, связанных с организацией и осуществлением оборота товаров, работ, услуг и цифровых объектов. Помимо собственно коммерческих сделок электронная торговля включает размещение и продвижение товаров и услуг в сети Интернет, функционирование цифровых торговых площадок и маркетплейсов, организацию электронных аукционов, обработку заказов и управление логистическими процессами, электронные платежи и др. Таким образом, электронная торговля выступает более широким понятием, охватывающем инфраструктурные, организационные и технологические процессы, тогда как электронная коммерция отражает прежде всего коммерческий аспект таких отношений, то есть совершение сделок.

Под электронной торговлей предлагается понимать совокупность отношений и процессов в сфере организации и обеспечения оборота товаров, работ, услуг и иных объектов, осуществляемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и электронных средств связи, включая размещение предложений и их продвижение, совершение сделок, организацию электронных торгов, обработку заказов и функционирование соответствующей цифровой инфраструктуры.

В работах ряда авторов встречается использование понятий «электронная коммерция» и «электронный бизнес» как синонимичных, что не является верным[22].

– М., 2017. С. 10.

[22] См., например, Кобелев О. А. Электронная коммерция: Учеб. пособие // Под ред. С. В. Пирогова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2020. С. 7. (682 с.); P. Jackson, L. Harris, P. M. Eckersley E-Business Fundamentals. London; New York : Routledge, 2011. P. 131–133.

Электронный бизнес предполагает определенную (полностью или частично цифровую) модель ведения хозяйственной деятельности.

В Справочнике по электронному бизнесу Корпорации IBM «электронный бизнес» (e-business) понимается как преобразование бизнес-процессов с использованием технологий Всемирной паутины (Интернет – Internet, Интранет – Intranet и Экстранет – Extranet) для обеспечения возможности ведения бизнеса в любом месте и в любое время[23]. Электронная коммерция, сводимая к продаже товаров и услуг через сеть Интернет, в таком случае выступает ядром, одним из основных элементов электронного бизнеса. Американский статист и экономист Т. Мезенбург определяет электронный бизнес иначе – как используемую для поддержки операционных бизнес-процессов и ведения электронной торговли инфраструктуру, включающую в себя аппаратное и программное обеспечение, телекоммуникационные сети, вспомогательные услуги и человеческий капитал[24]. Российский экономист В.Г. Борщёв отмечает, что электронный бизнес, прежде всего, предполагает такую модель осуществления бизнес-процессов, при которых вся коммерческая деятельность или ее часть основана на использовании сети Интернет, иных информационных и компьютерных технологий[25]. В правовой доктрине А.И. Савельев приходит к выводу, что в «электронный бизнес» необходимо включать цифровые технологии, обеспечивающие оптимизацию хозяйственных бизнес-процессов, а потому понятие «электронная коммерция» уже понятия «электронный бизнес»[26].

---

[23] IBM iSeries e-business Handbook: A V5R1 Technology and Product Reference. IBM. October 2001 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.redbooks.ibm.com/redbooks/pdfs/sg246711.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

[24] Thomas L. Mesenbourg. Measuring Electronic Business. U.S. Bureau of the Census [Electronic resource] / Mesenbourg L. Thomas. – Mode of access: https://www.census.gov/content/dam/Census/library/working-papers/2001/econ/ebusasa.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

[25] См.: Борщёв В. Г. Становление и развитие предпринимательской деятельности в Интернет-экономике: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, 2004. – С. 16–17.

[26] См.: Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. С. 25–28.

Анализ сложившихся походов позволяет сделать вывод, что понятие электронного бизнеса (e-business) является наиболее широким, включает в себя, в том числе, использование совокупности различных информационных технологий в связи с ведением бизнеса: внутренние формы оптимизации бизнес-процессов (онлайн-предприятие, совершенствование системы планирования и контроля, управления штатом, разработки продукта, управления взаимоотношений с клиентами (CRM), устранения отходов) и внешние (в части транзакций, найма, поддержки закупок и продаж, функционирования комплаенс-отделов, электронных услуг бизнес-консультирования). Так, электронная коммерция является частным проявлением, разновидностью электронного бизнеса. Электронная коммерция охватывает как непосредственно продажу (поставку, аренду, агентирование, кредит и пр.), так и производство, распределение, доставку, продвижение товаров и услуг с помощью электронных средств связи. Отношения, связанные с осуществлением электронных коммерческих сделок, выступают основным компонентом электронной коммерции.

При квалификации электронной трансграничной коммерческой сделки ошибочно ограничивать способ ее осуществления исключительно сетью Интернет. Данный подход не соответствует признакам технологической нейтральности, закрепленным в Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г. На корректность употребления именно термина «информационно-телекоммуникационная сеть» обращает внимание А.И. Савельев. Однако автор делает вывод, что «на данном этапе о наличии каких-либо иных информационно-телекоммуникационных сетей не приходится говорить»[27], потому при определении понятия электронной коммерции целесообразно упоминать только Интернет. Данный подход представляется спорным.

Во-первых, когда речь идет об информационно-телекоммуникационных сетях и электронных средствах связи, данный комплекс включает разнообразные технические средства, включая сети, электронную почту, телеграф, телекс, телефакс и другие электронные средства связи.

---

[27] Там же.

Во-вторых, следует принимать во внимание технологические аспекты. Интернет не является единственной информационно-телекоммуникационной сетью. Существует сеть AERONET, созданная для авиационных предприятий, в том числе представляющая сервис, связанный с резервированием и продажей авиационных билетов[28]. Данная сеть также предполагает стандартизацию приборов, калибровки, обработки и распространения данных. Другим примером может служить созданная в рамках Европейского Союза сеть EURONET, представляющая обширный спектр сервиса для пользователей [29] . Вопрос об использовании Интранета (Intranet) как средства обеспечения ведения бизнеса в части осуществления сделок может подвергаться дискуссии. Однако Экстранет (Extranet) является связывающей клиентов, партнеров и поставщиков, изолированной от Интернета, частной сетью, хотя и построенной на его технологиях[30].

Не следует включать в электронные трансграничные коммерческие сделки только лишь сделки купли-продажи. В данной перспективе единственно верным является включение широкого спектра правоотношений неисчерпывающим перечнем. Подобный подход, отраженный, в частности, в Типовом законе ЮНСИТРАЛ, в проекте Федерального закона «Об электронной торговле» [31], в американском The Internet Tax Freedom Act [32] является отражением бизнес-практики, которая демонстрирует многообразие совершаемых сделок. В примечании к ст. 1 Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г. оговаривает, что отношения торгового характера включают следующие сделки, не ограничиваясь ими: любые торговые сделки на поставку товаров или услуг или обмен товарами или услугами; дистрибьюторские соглашения; коммерческое

---

[28] См.: Смоленцев Н. И. Информационные сети и телекоммуникации / Н. И. Смоленцев. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – С. 26–27.

[29] См.: Бройдо В. Л., Ильина О. П. Вычислительные системы, сети и телекоммуникации: Учебник для ВУЗов. 4-е изд. СПб.: Питер, 2011. С. 439–441.

[30] См.: Родионов А. В. Квалификация понятия электронной трансграничной коммерческой сделки // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 8 (177). С. 83–86.

[31] Проект Федерального закона № 11081-3 «Об электронной торговле», внесенного 3 октября 2000 г. депутатами Государственной Думы РФ О. А. Финько, Л. С. Маевским, А. В. Шубиным, В. И. Волковским.

[32] Section 1104 (3) The Internet Tax Freedom Act, 1998 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.congress.gov/bill/105th-congress/senate-bill/442/text (дата обращения: 19.12.202).

представительство и агентские отношения; факторинг; лизинг; строительство промышленных объектов; предоставление консультативных услуг; инжиниринг; купля/продажа лицензий; инвестирование; финансирование; банковские услуги; страхование; соглашения об эксплуатации или концессии; совместные предприятия и другие формы промышленного или предпринимательского сотрудничества; перевозка товаров и пассажиров воздушным, морским, железнодорожным или автомобильным транспортом[33].

Примечателен вопрос волеизъявления при совершении электронной трансграничной коммерческой сделки, поскольку оно опосредовано цифровой средой и в некотором смысле носит «дистанционный характер». В отличие от классической коммерческой сделки, при совершении электронной многообразие конкретных способов заключения соглашения (применение конструкций click-wrap и browse-wrap, обмен электронными сообщениями, использование электронных агентов и др.) предопределяют необходимость анализа как формируется и выражается воля лица на совершение такой сделки. Совершение электронной трансграничной коммерческой сделки также связано с использованием цифровых идентификаторов (учетные записи, IP, ID, ключи подписи) вместо традиционной идентификации (непосредственное установление личности) и как следствие требует осмысления проблема достоверности.

Трансграничный характер рассматриваемых в настоящей работе сделок может быть выявлен через связь с правопорядками двух или более государств. Ключевым вопросом в таком случае выступает выявление конкретных признаков, на основании которых можно сделать вывод о наличии связи с правопорядками нескольких стран применимо к отношениям, существующим в цифровой форме.

В традиционной модели трансграничных частноправовых отношений иностранный элемент связан преимущественно с характеристиками сторон обязательства (субъектов), объекта сделки либо юридического факта, нередко

[33] UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce (1996) with additional article 5 bis as adopted in 1998 [Electronic resource]. – Mode of access: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/en/19-04970_ebook.pdf (дата обращения: 22.12.2025).

очевидным образом. При совершении трансграничной сделки в электронной форме возникают новые обстоятельства, характерные для цифровой среды: совершение сделок на электронных торговых площадках и маркетплейсах; использование сторонами электронных агентов. Для объектов сделки могут быть присущи такие признаки, как мобильный и распределенный характер (в частности, для цифровых товаров, услуг, имущества и активов, в том числе NFT-токенов, программного обеспечения, криптовалюты, цифровых прав и др.). Данные обстоятельства обуславливают необходимость анализа, каким образом проявляется связь с иностранными правопорядками в отношении сделки, совершенной в электронной форме.

В частности, в условиях электронной трансграничной коммерческой сделки взаимодействие сторон может осуществляться посредством информационной инфраструктуры, создаваемой и поддерживаемой специализированными субъектами – посредниками (информационными посредниками), которые имеют иностранное гражданство, либо регистрацию, место жительства или местонахождение коммерческого предприятия на территории иностранного государства. В этой связи возникает вопрос, в какой мере иностранная принадлежность информационного посредника учитываться при квалификации электронной коммерческой сделки как трансграничной, а также влияет ли она на определение применимого права.

Необходимо отметить, что степень участия такого иностранного посредника в сделке может быть различной. В одних случаях в сделке может присутствовать иностранный информационный посредник, который предоставляет сервер и обеспечивает хранение информации, осуществляет маршрутизацию трафика, технически соединяет отправителя и получателя сообщений, обеспечивает передачу и фиксацию волеизъявления, осуществляет иные технические функции и вовсе не имеет отношения к формированию правил сделки, юридическому оформлению результата (например, признание победителя электронного аукциона), в том числе, хостинг-провайдер, облачный провайдер, оператор связи, при этом не являясь стороной сделки. В других – иностранный посредник

определяет технологический алгоритм акцепта, формирует типовые условия использования платформы, пользовательский регламент или правила аукциона, внедряет автоматизированные средства совершения сделок, несет самостоятельную ответственность, участвует в оформлении договорной воли сторон.

Первые – не участвуют в формировании или выражении договорной воли сторон и не определяют условия действительности сделки. Их местонахождение и национальность не влияют на квалификацию юридически значимых обстоятельств (момента и места заключения договора, распределения прав и обязанностей сторон). Передача данных через территорию иностранного государства либо хранение информации на зарубежных серверах представляет собой технический процесс, не образующий привязки к соответствующему правопорядку в рамках конкретного обязательства. Деятельность такого рода иностранных информационных посредников носит исключительно инфраструктурный характер и не формирует юридически значимой связи правоотношения с иностранным правопорядком. Вторые такую связь формируют следующим образом.

В сделке может участвовать иностранный посредник платформенной модели (platform-based model, представленная Ж.-Ш. Роше и Ж. Тиролем в теории двухсторонних рынков[34]) или маркетплейс. Такое участие может предполагать совершение сделки на платформе посредника, разработку условий пользования платформой, включать оговорку о применимом праве, определять юрисдикцию, конкретизировать правила в отношении таких способов совершения сделки, как click-wrap, browse-wrap и прочих. В этом случае иностранный правопорядок может применяться к самим условиям использования платформы, к действительности включенной оговорки о применимом праве, опосредованно влиять на основную сделку. Деятельность платформенного посредника в данном случае имеет организационный характер и направлена на установление правил, в рамках которых осуществляется совершение сделки. Указанные правила предопределяют

[34] См. об этом: Rochet J. C., Tirole J. Platform competition in two-sided markets // Journal of the European economic association. 2003. Vol. 1. № 4. P. 990–1029.

порядок выражения волеизъявления, содержание условий договора и способы их фиксации. То есть возникает связь с иностранным правопорядком через инфраструктуру сделки.

Здесь же следует добавить наличие в некоторых правопорядках установленных специальных режимов ответственности посредников. Например, Закон США об авторском праве в цифровую эпоху 1998 г. содержит так называемые «оговорки о безопасной гавани» (“safe harbor clauses”), исключающие ответственность информационного посредника (интернет-провайдера) за нарушение авторских и смежных прав в установленных случаях[35]. То есть, если информационный посредник имеет национальность иностранного государства, то личный статут, применимое к его ответственности право, определяются в соответствии с нормами иностранного правопорядка.

Когда иностранный посредник функционирует посредством электронного агента, для определения момента выражения воли его владельца в пределах настройки алгоритма, правоприменитель обращается к нормам, регулирующим статус электронного агента, которые могут быть связаны с иностранным правом. Равно как и в отношении акцепта или реализации мер ответственности. Локализация деятельности посредника, местонахождение его коммерческого предприятия либо применимые к нему нормативные режимы способны создавать дополнительную связь с иностранным правопорядком.

Следует определить, относится ли иностранный посредник к иностранному элементу субъектного состава либо его участие представляет собой юридический факт.

Распространенным в доктрине международного частного права (в работах М.И Бруна, Л.А. Лунца, М.М. Богуславского, С.И. Лебедева) является подход, согласно которому иностранный элемент в частноправовом отношении

[35] The Digital Millenium Copyright Act of 1998 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

проявляется в трех вариантах: субъекте, объекте и порождающем, изменяющем или прекращающем правоотношение юридическом факте[36].

В зависимости от конкретных обстоятельств сделки, многообразие форм и способов участия иностранного посредника, осуществляющего функции по юридическому оформлению договорной воли сторон, в электронной коммерческой сделке, позволяет усмотреть возможность его проявления в качестве иностранного элемента как субъектного состава, так и юридического факта. Международно-частноправовое значение участия иностранного посредника определяется объемом его вовлеченности в состав сделки: при так называемой «инфраструктурной роли» – это юридически значимое обстоятельство (юридический факт), при наличии самостоятельных прав и обязанностей – это субъект осложненного правоотношения.

В случаях, когда сделка совершается на платформе иностранного посредника, который в свою очередь не определяет условия конкретной сделки и не становится носителем прав и обязанностей по ней, то есть лишь предоставляет инфраструктуру, участие иностранного посредника надлежит рассматривать как юридический факт (место совершения сделки за границей).

Если сделка совершается на платформе иностранного посредника, который с помощью заложенного в него алгоритма автоматическим образом осуществляет допуск к торгам, то посредник выполняет техническую процедуру. Аналогично в случае, когда акцепт фиксируется системой без оценки содержания, а недопуск участников происходит по формальным критериям без индивидуального усмотрения. Связь с иностранным правопорядком возникает, но участие иностранного посредника следует рассматривать как юридически значимый факт, а не субъект обязательства. Равно как и если иностранный посредник выступает в качестве оператора электронного аукциона, то есть фиксирует ставки, хотя не

---

[36] См., например: Брун М. И. Международное частное право. М.: Издат. Комиссия общ-ва взаимопомощи студ. Моск. коммерческого ин-та. 1912. С. 6–7.; Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2003. Т. 1. С. 15–16.; Международное частное право: Учебник: В 2 томах Том 1: Общая часть / Абдуллин А. И., Артемьева Н. М., Лебедев С. Н., Кабатова Е. В. М. : Статут, 2011. С.9–10.; Богуславский М. М. Международное частное право : учебник / М.М. Богуславский. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2026. С. 18–19.

влияет на признание победителя: национальная принадлежность такого посредника – обстоятельство, а не иностранный элемент субъектного состава.

Однако ситуация меняется, когда иностранный посредник вступает в самостоятельное обязательство, несет имущественную ответственность. Е.А. Суханов в структуре правоотношения выделяет субъект, объект и содержание [37] . Субъект становится субъектом тогда, когда возникают корреспондирующие права и обязанности.

Например, если сторона будущей сделки участвует в электронном аукционе, которой пройдет на платформе иностранного посредника, очевидным образом возникают корреспондирующие права и обязанности. Такой посредник решает вопрос о допуске к аукциону, обладает полномочиями по аннуляции результатов аукциона или признанию его несостоявшимся, применению мер в виде блокировки аккаунта. У стороны появляется правовое основание для обжалования решений посредника (платформы). То есть возникает самостоятельное обязательственное отношение и тем самым иностранная принадлежность посредника осложняет отношение на стороне субъекта. Аналогично в случае, когда иностранный посредник выступает агентом или комиссионером (действует от имени продавца, принимает оплату, формирует предложение, подтверждает заключение сделки, гарантирует исполнение обязательства), он становится материально заинтересованным субъектом.

Таким образом, иностранный цифровой посредник подлежит квалификации в качестве иностранного элемента субъектного состава лишь в той мере, в какой он вступает в самостоятельное обязательственное отношение с участниками электронной коммерческой сделки либо осуществляет дискреционные полномочия, способные повлиять на возникновение, изменение или прекращение их прав и обязанностей. В иных случаях его участие следует рассматривать как

[37] См.: Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Суханов Е. А., 4-е изд., стер. М. : Статут, 2015. С. 111.

юридический факт, характеризующий фактические обстоятельства совершения сделки.

Другое дело, что сложившийся подход в отношении проявления иностранного элемента в частноправовом отношении встречает обоснованную критику в работах А.А. Рубанова, Л.П. Ануфриевой, В.П. Звекова, М.Н. Кузнецова, В.В. Кудашкина, А.И. Кривенького и других авторов.

Одними из недостатков рассмотренного подхода ученые усматривают в его несогласованности со структурой гражданского правоотношения, а также невозможности предусмотреть все обстоятельства, которые могут свидетельствовать о фактической связи правоотношения с иностранным правопорядком.

Как обращал внимание А.А. Рубанов, иностранный элемент характеризует связь имущественного правоотношения с другими общественными отношениями, но не является его структурным элементом[38]. М.Н. Кузнецов также рассматривал характеристику иностранного элемента и отмечал, что иностранный элемент не образует нового элемента правоотношения, а выступает производной иной правовой системы, придающей отношению качественно новую социальную окраску [39] . Действительно, более корректно в данном случае говорить не о правоотношениях, а об отношениях.

Обращаясь к доктрине гражданского права, не всегда является корректным относить те или иные «иностранные характеристики», в частности, к юридическому факту. Е.А. Суханов определяет юридические факты как «факты реальной действительности, с которыми действующие законы и иные правовые акты связывают возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, т. е. правоотношений»[40]. Представляется, что в рассмотренных выше

---

[38] См.: Рубанов А. А. Вопросы теории правоотношения в международном частном праве // XVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М., 1982. С. 87–88.

[39] См.: Кузнецов М. Н. Некоторые особенности развития международного частного права // Советский ежегодник международного права. 1991. № 1. С. 23–25.

[40] Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Суханов Е. А., 4-е изд., стер. М. : Статут, 2015. С. 333.

примерах с участием иностранного посредника, мы относим данное участие к юридическому факту постольку, поскольку не можем отнести ни к субъекту, ни к объекту. Тем не менее, оно осложняет правоотношение и связывает сделку с иностранным правопорядком.

В.П. Звеков акцентирует, что известный ГК стран СНГ термин «иностранный элемент» едва ли поддается исчерпывающему определению, а перечень возможных проявлений иностранного элемента не является исчерпывающим[41]. Действительно, как уже отмечалось, невозможно привести исчерпывающий перечень обстоятельств, наличие которых будет свидетельствовать о связи сделки с иностранным правопорядком. В этом смысле интересна позиция польского профессора К. Пшибыловского, который замечал, что категория юридического факта играет роль резерва, предназначенного охватить все, чего нельзя вместить в другие категории, но тогда пределы понятия «юридического факта» выходят за рамки, установленные в науке гражданского права[42].

А.А. Рубанов, а позднее и Л.П. Ануфриева вместо иностранного элемента предлагают сформировать другой признак. Л.П. Ануфриева обосновывает, что элементами правоотношения являются непосредственно участники (субъекты), а не их гражданство, и объект, но не его местонахождение на территории какого-либо государства, при этом юридический факт с учетом или без его локализации в данной структуре вовсе отсутствует[43]. По мнению автора, такой критерий, как «иностранный элемент» не обладает качеством универсальности и всеобщности; имеет значение, в частности, не местоположение вещи, а закон какого государства наделил лицо правом на данную вещь, равно как и в отношении юридического факта – релевантно, что он возник на основании и в рамках правопорядка другого государства. Автором формулируется признак, которому должно удовлетворять общественное отношение, подпадающее под действие международного частного

---

[41] См.: Международное частное право : учебник для академического бакалавриата / под ред. Н. И. Марышевой. 4-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2015. С. 15–17.

[42] См.: Лунц, Л. А. Курс международного частного права : в 3 т. / Л. А. Лунц. М. : Спарк, 2002. С. 27.

[43] См.: Ануфриева Л. П. Международное частное право : в 3 т. Т. 1 / Л. П. Ануфриева. М. : БЕК, 2002. С. 47–48.

права – это проявление юридической связи данного общественного отношения с правопорядками двух и более государств[44].

Позднее В.В. Кудашкин отмечал, что наличие в общественном отношении субъекта и объекта подтверждает факт существования данного отношения, но не квалифицирует его в качестве международного частного отношения[45]. Автор предложил опираться на возникающие между различными системами внутригосударственных отношений связи и их характер: между субъектами, между субъектами и объектами общественных отношений, а также связи, возникающие в результате волевого опосредования материального содержания[46].

Представленные позиции вполне логичны. Предусмотреть все обстоятельства, которые свяжут сделку с иностранным правопорядком, а впоследствии адаптировать их к теории иностранного элемента довольно затруднительно.

В некотором смысле, руководствуясь устоявшейся теорией иностранного элемента, при анализе того или иного обстоятельства то, что мы не можем отнести ни к субъекту, ни к объекту, по «остаточному принципу» квалифицируем как юридический факт, осложняющий отношение. В таком случае допустимо и расширительное толкование субъекта: отнесение именно к субъектному составу участие иностранного посредника, который не вступает в самостоятельное обязательство и не несет имущественную ответственность? Безусловно, это будет противоречить теории частного права и потому критика теории иностранного элемента обоснована.

Особенности цифровой среды обуславливают необходимость поиска новых связующих факторов. В отношении электронной трансграничной коммерческой сделки возникают новые, неизвестные трансграничному обороту ранее обстоятельства, свидетельствующие о связи сделки с иностранным правопорядком. В частности, таковыми являются особенности, присущие объектам электронной

---

[44] См.: там же. С. 61–62.
[45] См.: Кудашкин В. В. Правовое регулирование международных частных отношений. Изд-во Юридический центр Пресс, 2004. С. 154.
[46] Там же.

трансграничной коммерческой сделки. Цифровые товары, услуги, имущество и активы как объект электронной трансграничной коммерческой сделки, в том числе, программное обеспечение как услуга (SaaS), аккаунты, цифровой контент, лицензии, цифровые права, доступ к платформе, криптовалюты, токены, данные носят мобильный и распределенный характер, что препятствует их устойчивой локализации на территории конкретного государства.

Нередко местонахождение объекта частноправового отношения утрачивает самостоятельное значение для квалификации сделки как трансграничной: связь правопорядками двух и более государств выявляется не через местонахождение объекта как такового, а через иные его характеристики.

Так, в частности, свидетельствовать о проявлении связи с иностранным правопорядком может включенность объекта в иностранный правовой режим, который влияет на содержание и исполнение сделки. Например, сделка заключается в отношении программного обеспечения, права на которое ограничены неисключительной лицензией, выданной в соответствии с иностранным правом (лицензия ограничивает территорию использования объекта). Электронная коммерческая сделка становится трансграничной не ввиду местонахождения объекта (программного обеспечения) за рубежом, а вследствие действия в отношения объекта лицензии как фактора, влияющего на содержание сделки. Правовой режим в данном случае следует рассматривать как совокупность частноправовых норм конкретного правопорядка, которые определяют допустимые способы использования и распоряжения соответствующего нематериального объекта.

Другим примером является такой объект как цифровые права. Иностранный элемент может возникать: если режим существования цифрового права определяется иностранным законодательством; если цифровое право возникает и учитывается в иностранной цифровой системе (реестре); если его обращение подчинено иностранным ограничениям.

Наконец, о связи сделки с иностранным правопорядком может свидетельствовать не местонахождение объекта и такая его характеристика, как

включенность в иностранный правовой режим, а экономическая направленность и функциональные параметры использования объекта. Например, электронная коммерческая сделка совершается между гражданами одной страны. Предмет сделки – контент[47], права на составляющие элементы которого охраняются этим же государством, при этом он ориентирован (целенаправлен) на рынок другой страны.

Под ориентированностью (целенаправленностью) в данном случае понимается не субъективное намерение лица, а совокупность объективных признаков, свидетельствующих о вовлеченности соответствующего объекта в хозяйственный оборот конкретного государства. Такая направленность может выражаться в совокупности признаков, включая, но не ограничиваясь, предоставление доступа к объекту на территории конкретного государства, монетизацию использования объекта в данной юрисдикции, использование национальной валюты соответствующего государства, наличие договоров с пользователями или контрагентами из данного государства, необходимость соблюдения обязательных требований иностранного права (например, в сфере защиты прав потребителей, рекламы, интеллектуальной собственности), локализацию контента под конкретный рынок (язык, условия использования, региональные ограничения). Тем самым иностранное право этой страны регулирует, в том числе, допустимые способы использования контента на своей территории.

Само по себе создание объекта, потенциально ориентированного на иностранную аудиторию, не образует связи с иностранным правопорядком. Такая связь возникает лишь при включении объекта в хозяйственный оборот соответствующего государства и подчинении его использования обязательным нормам этого правопорядка, потому необходимо выявлять совокупность признаков.

---

[47] Контент в данном случае выступает понятием собирательным, включает в себя произведения науки, литературы и искусства, фотографии, элементы дизайна сайта; когда речь идет о контенте как объекте какой-либо сделки, с позиции права мы говорим, прежде всего, об объектах интеллектуальной собственности, которые регулируются законодательством об авторском праве, смежных и других правах.

Таким образом, для квалификации электронной коммерческой сделки как трансграничной предлагается принимать во внимание не местонахождение объекта частноправового отношения, а включенность объекта в иностранный правовой режим, который влияет на содержание и исполнение сделки; экономическую направленность и функциональные параметры использования объекта.

Выявление трансграничного характера сделок, осуществляемых в цифровой форме, осложняется тем, что информация мгновенно пересекает границы государств и доступ к ней может быть осуществлен географически из любой точки мира. При использовании технологий и сервисов, которые позволяют установить зашифрованное соединение в сети Интернет через подключение к виртуальной частной сети, де-юре местоположение стороны не будет соответствовать фактическому. Как следствие отношения, возникающие в сфере электронной трансграничной коммерции, одновременно могут быть связаны с правом широкого круга государств: по доктрине оседлости, доменной и эксплуатационной связи, доктрины целенаправленной деятельности, то есть выявления направленности сделки на достижение правового результата в конкретной юрисдикции с учетом как активных, так и пассивных способов передачи информации.

Более того, сделка может быть совершена, когда одна из сторон является анонимом. Сервисы, внедрившие электронных агентов (например, интеграция бота на веб-сайт или в мессенджер) позволяют покупателю, в том числе будучи индивидуальным предпринимателем, заключить сделку без идентифицирующих признаков, используя при этом анонимные формы и способы оплаты. Обязательную идентификацию пользователя по номеру телефона для совершения сделок на маркетплейсах, будь то российские «Ozon», «Яндекс.Маркет», «Wildberries» или зарубежные «Amazon», «Ebay», «Walmart» возможно обойти посредством получения кода на виртуальный номер (например, с помощью сервисов Grizzly SMS или 365SMS).

И.В. Гетьман-Павлова обращает внимание на заинтересованность государства распространить свою юрисдикцию на те или иные регулируемые общественные отношения. Автор развивает идею Л.П. Ануфриевой о том, что

характеристика отношений по осуществлению электронной сделки как трансграничных должна опираться на реальную связь с двумя и более правопорядками и выделяет две составляющие такой связи. Первая – правоустанавливающие, правоизменяющие или правопрекращающие факты вызывают наступление правовых последствий в нескольких правопорядках. Вторая – в основе трансграничного правоотношения лежит юридический факт, юридическое значение которому придается в рамках правопорядков соответствующих государств[48].

Для установления трансграничного характера электронной сделки представляется верной разработанная в практике американских судов концепция «целенаправленной деятельности»[49]. Целенаправленность может быть активной и пассивной. К активным способам относятся, например, email- и sms-рассылки, персональные предложения. К пассивным – рекламные сообщения, предназначенные для неопределенного круга лиц, информация на веб-сайтах компании. Об ориентированности на соответствующий рынок свидетельствуют язык веб-сайта, валюты цены товара или услуги, доменная зона.

Так, только лишь связь сделки с двумя и более правопорядками выступает основанием для ее квалификации как трансграничной. О необходимой и достаточной связи с правопорядками двух и более государств свидетельствует совокупность функциональных факторов, отражающих реальный центр формирования воли на заключение сделки и направленности экономических последствий сделки, тогда как формальное наличие отдельного иностранного элемента является недостаточным. Установить связь возможно посредством применения различных критериев совокупно: местонахождения коммерческих предприятий в разных государствах, места осуществления деловых операций,

---

[48] См.: Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право в 3 т. Том 3. Материально-процессуальные и процессуальные отрасли : учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. С. 149–159.

[49] См.: Мальцев А. С. Коллизионно-правовое регулирование трансграничных гражданско-правовых отношений, возникающих в процессе электронного взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Московская государственная юридическая академия. – М., 2006. С. 17–18.

доменной и эксплуатационной связи, доктрины целенаправленной деятельности, то есть выявления направленности сделки на достижение правового результата в конкретной юрисдикции с учетом как активных, так и пассивных способов передачи информации.

С точки зрения разграничения понятий «электронная трансграничная коммерческая сделка» и «смарт-контракт» необходимо отметить следующее. Общепризнанный подход к определению понятия смарт-контракта и его правовой природы отсутствует. В правовых системах встречаются различные подходы к регулированию смарт-контрактов.

Ряд штатов США относят смарт-контракт к традиционным договорам, когда другие рассматривают таковые в качестве компьютерной программы, например, Луизиана[50]. Последний подход опирается преимущественно на техническую составляющую и находит свое отражение также в законодательстве Италии и Беларуси[51].

В доктрине высказываются позиции о квалификации смарт-контракта как способа исполнения договорного обязательства и как средства исполнения заключенного основного договора[52]. Так, Е.В. Зайнутдинова определяет смарт-контракт как «договор, заключаемый в децентрализованной распределенной информационной системе, предусматривающий автоматизированное исполнение обязательств и опосредующий оборот цифровых прав и цифровой валюты[53]». Л.Ю. Василевская отрицает возможность рассматривать смарт-контракт как договор и юридический факт, обосновывает, что юридическим фактом выступает

---

[50] См.: Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 82–83.

[51] См.: там же.

[52] См., например: Зайнутдинова Е. В. Смарт-контракт в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. – Красноярск, 2022. С. 10–13.; Klein J. Repenser le contrat à l'èrè numérique. Revue des juristes de science PO. 2019. № 17. P. 74–75.; Neguerrand M. Les smart contracts en Belgique: une destruction utopique du besoin de confiance. Dalloz IT/IP. 2019. № 1. P. 24.

[53] Зайнутдинова Е. В. Смарт-контракт в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. – Красноярск, 2022. С. 10.

заключение и (или) исполнение договора с помощью смарт-контракта, акцентирует, что смарт-контракт представляет собой программный код и отдельно – электронную форму договора[54].

Ключевым является то, что в основе смарт-контракта лежит использование технологии блокчейн, которая позволяет автоматически исполнять договор в соответствии с заранее заданными условиями. Блокчейн же представляет собой распределенную децентрализованную базу данных, состоящую из блоков информации, которые связаны между собой с помощью алгоритмов шифрования данных[55]. А.В. Минбалеев предлагает рассматривать блокчейн как «разновидность информационных технологий, на основе которых происходит сбор, обработка, хранение и передача той или иной информации»[56], а также как «информационную систему, представляющую собой реестр информации, а также информационные технологии обработки, в том числе формирования, хранения точных, конкретных данных, подтверждающих совокупность имущественных и иных прав и обязанностей их обладателей, и позволяющих осуществлять электронные расчеты и иные юридически значимые действия»[57].

При этом нельзя не отметить, что существуют и альтернативные позиции относительно исчерпывающего характера технологии блокчейн как основы смарт-контракта. В частности, Л.Ю. Василевская обращает внимание, что блокчейн является разновидностью технологии распределенного реестра (DLT – distributed ledger technology), к иным видам которого относятся открытые (публичные) DLT, закрытые (непубличные) DLT, например, федеративные распределенные реестры[58]. В отношении смарт-контрактов применимы и иные технологии распределенного

---

[54] См.: Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота : проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : в 5 томах. М. : Проспект, 2021. Т. 1. С. 181–208.

[55] См. об этом: Былинкина Е. В. Блокчейн: правовое регулирование и стандартизация // Право и политика. 2020. № 9. С. 143–155.; Саяпин С. П. К вопросу об определении понятия «блокчейн» в целях нормативного регулирования // Образование и право. 2024. № 8. С. 420–427.

[56] Минбалеев А. В., Сафронов Е. Г. Правовая природа блокчейн // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18. № 2. С. 96.

[57] Там же.

[58] См.: Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота : проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : в 5 томах. М. : Проспект, 2021. Т. 1. С. 181–208.

реестра. По мнению автора, помимо технологии блокчейн, когда используется цепочка информационных блоков, в частности, выделяется система направленного ациклического графа (DAG), когда используется сеть[59].

Таким образом, по результатам проведенного анализа можно сформулировать следующие основные выводы.

Под электронной трансграничной коммерческой сделкой следует понимать совершаемую в рамках предпринимательской деятельности сделку, направленную на установление, изменение или прекращение частноправовых отношений и осуществляемую с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и электронных средств связи, при условии, что волеизъявление сторон выражается в цифровой форме и наличествует связь с правопорядками двух или более государств.

Использование понятий «электронная коммерция», «электронная торговля», «электронный бизнес», «электронная сделка» как взаимозаменяемых является некорректным и искажает существо содержащихся в них явлений. Электронный бизнес отражает форму ведения операционной деятельности, включает цифровые технологии, обеспечивающие оптимизацию хозяйственных бизнес-процессов, а потому понятие электронного бизнеса шире понятия электронной коммерции. Отношения, связанные с заключением, исполнением и расторжением электронных сделок выступают основным компонентом электронной коммерции.

При квалификации электронной трансграничной коммерческой сделки ошибочно ограничивать способ ее осуществления исключительно в сети Интернет. Такой подход не соответствует признакам технологической нейтральности, закрепленным в Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г.

Трансграничный характер таких сделок может быть выявлен через связь с правопорядками двух или более государств, которая проявляется в наличии иностранного элемента в частноправовом отношении.

В зависимости от выполнения критерия «степень юридической вовлеченности», присутствие в электронной трансграничной коммерческой сделке

---

[59] См.: там же.

иностранного информационного посредника, осуществляющего функции по юридическому оформлению договорной воли сторон, может свидетельствовать о наличии связи сделки с иностранным правопорядком на стороне субъекта или в качестве юридического факта.

Когда речь заходит о возникновении корреспондирующих прав и обязанностей между иностранным информационным посредником и стороной сделки (например, в случае, если сторона будущей сделки участвует в электронном аукционе, которой пройдет на платформе иностранного посредника, такой посредник решает вопрос о допуске к аукциону, обладает полномочиями по аннуляции результатов аукциона или признанию его несостоявшимся, применению мер в виде блокировки аккаунта), тогда возникает самостоятельное обязательственное отношение и тем самым иностранная принадлежность посредника осложняет отношение на стороне субъекта.

Вместе с тем концепция иностранного элемента встречает в доктрине обоснованную критику ввиду невозможности предусмотреть все обстоятельства, которые могут свидетельствовать о фактической связи правоотношения с иностранным правопорядком, и как следствие отнесение того или иного обстоятельства к тому или иному иностранному элементу может происходить по «остаточному принципу». В условиях цифровой среды появляются новые связующие факторы, свидетельствующие о связи сделки с иностранным правопорядком. В частности, таковыми являются включенность объекта электронной трансграничной коммерческой сделки в иностранный правовой режим, который влияет на содержание и исполнение сделки; экономическая направленность и функциональные параметры использования объекта.

Корректной является характеристика сделки как «трансграничной», а не «международной». Такой подход позволяет подчеркнуть существо частных правоотношений и исключает межгосударственные отношения как отношения между субъектами международного публичного права, наделенных государственным суверенитетом.

§ 1.2. Условия признания электронной трансграничной коммерческой сделки заключенной в письменной форме

На международном и национальном уровнях отсутствует единый подход к процедурам совершения трансграничных сделок посредством использования электронных средств связи, а также универсальные определения понятий «письменной формы», «подписанного обеими сторонами документа».

Вопрос о признании юридической силы тех или иных способов заключения электронных сделок осложняется использованием электронных цифровых подписей, созданных в соответствии с нормами права иностранного государства и международными стандартами; появлением таких способов совершения электронных трансграничных сделок, как click-wrap-, browse-wrap- и shrink-wrap-соглашений, и дискуссионным характером признания действительности такого рода соглашений; использованием субъектами предпринимательской деятельности зарубежных электронных торговых площадок и маркетплейсов[60].

Д.П. Стригунова ставит справедливый вопрос о том, является ли электронная форма договора разновидностью письменной или ее возможно рассматривать в качестве самостоятельной формы договора[61]. Автор заключает, что «в настоящее время уже можно вести речь об электронной форме как самостоятельной форме контракта, которая в большинстве случаев может признаваться аналогом (своего рода фикцией) письменной формы договора с соответствующими юридическими последствиями»[62].

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 года (далее – Типовой закон) устанавливает, что требование о представлении информации в письменной форме считается выполненным путем представления сообщения данных, если содержащаяся в нем информация является доступной для ее

---

[60] См.: Родионов А. В. Проблема выполнения требований к форме трансграничной коммерческой сделки, заключенной посредством электронных средств связи // Юридическая наука. 2025. № 12. С. 82.

[61] См.: Стригунова Д. П. О заключении дистанционных контрактов // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С. 163.

[62] Там же. С. 163.

последующего использования. Сообщением данных выступает любая «информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными (ЭДИ), электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими» [63]. Типовой закон вносит ясность и в использование подписи: устанавливаются два критерия соблюдения требования о ее наличии. Первый – указание на согласие с указанной информацией. Второй – надежность способа и соответствие цели, для которой сообщение данных было передано. Пункт 1 статьи 17 Типового закона устанавливает, что к использованию бумажного транспортного документа приравнивается использование сообщений данных.

Изменения в способах заключения трансграничных сделок, рост роли электронных средств связи ярко прослеживаются в негосударственных источниках правового регулирования, в частности, в Инкотермс. Принятие редакции 1990 г. обусловлено переходом документооборота с бумажного на электронный, когда были внесены изменения, допускающие по договоренности сторон замену документов электронными сообщениями. Редакция Инкотермс 2010 г. в ст. А1/Б1 провозглашает допустимость представления документа в виде электронной записи, а в разъяснениях определяет: «Электронная запись или процедура: набор информации, состоящий из одного или нескольких электронных сообщений, и, когда это применимо, функционально выполняющий ту же функцию, что и бумажный документ»[64]. Я.О. Алимова обращает внимание, что дальнейший рост роли электронных средств связи во всех сферах общественной жизни, в том числе в экономике, обусловили разработку и принятие редакции Инкотермс 2020 г.[65]

---

[63] ЮНСИТРАЛ Типовой закон об электронной торговле и Руководство по принятию 1996 г. с дополнительной статьей 5 бис, принятой в 1998 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1504119_ebook.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

[64] См.: Ефимова Л. Г. Правовые особенности электронной формы банковских сделок // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 1. С. 25.

[65] См.: Алимова Я. О. Небольшой исторический экскурс по правилам Инкотермс с 1936 по 2020 г. с акцентом на новой редакции // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 10. С. 152.

В ст. 2 Унифицированных правил МТП для гарантий по требованию (URDG 758) в редакции 2010 г. дается определение понятию «документа» как подписанной или неподписанной записи информации на бумаге или в электронной форме, которая может быть воспроизведена в материальной форме лицом, которому она представлена. В отличие от предыдущей редакции (URDG 458), в URDG 758 не употребляется «письменная форма», хотя уже в URDG 458 разъяснялось, что понятие «письменный» включает аутентифицированную телепередачу или проверенное сообщение электронного обмена датами (EDI), эквивалентное ему.

Подход, предусмотренный в ряде международных договоров, отличается от вышеобозначенного механизма. Так, Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. предусматривает, что термин «письменное соглашение» включает арбитражную оговорку в договоре, или арбитражное соглашение, подписанное сторонами, или содержащееся в обмене письмами или телеграммами[66]. При этом Генеральной Ассамблеей ООН в 2006 г. была сделана рекомендация о применении пункта 2 статьи II Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., исходя из признания того, что содержащееся в нем описание обстоятельств не носит исчерпывающего характера[67].

Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. не устанавливает требования о соблюдении письменной формы, но уточняет, что под «письменной формой» понимаются также сообщения по телеграфу и телетайпу. В комментарии к Конвенции П. Шлехтрим разъясняет, что не применяется не только требование к письменной форме, но и любые иные, предусмотренные национальным законодательством, в том числе, требование

---

[66] Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке 10.06.1958) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.newyorkconvention.org/russian (дата обращения: 05.01.2026).

[67] См.: Рекомендация относительно толкования пункта 2 статьи II и пункта 1 статьи VII Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, совершенной в Нью-Йорке 10 июня 1958 года (2006 год) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/a2r.pdf (дата обращения: 20.04.2025).

подписи сторон[68]. В другом комментарии обращается внимание, что в силу отсутствия указания на иные виды сообщений, например, электронной почтой или факсом, следует сделать вывод, что по смыслу Конвенции они не относятся к письменным сообщениям, а следовательно, требование о соблюдении письменной формы сообщения считается выполненным, если оно направлено письмом, по телеграфу или телетайпу[69].

Американский профессор Дж. Хоннольд приходит к выводу, что статья 13 Конвенции была составлена до начала существенного коммерческого использования электронной передачи факсимильных сообщений (FAX) или заключения договоров путем электронного обмена данными (EDI), а потому не упоминает использование таких видов сообщений в качестве соблюдения письменной формы сделки[70]. Аналогичные выводы мы можем встретить и в комментарии К. Бруннера[71].

В свою очередь М.Г. Розенберг отмечает, что вопрос об удовлетворении использования электронных сообщений требованиям о соблюдении письменной формы будет основываться не на Конвенции или соглашении сторон, а на императивных нормах национального права[72]. Здесь необходимо напомнить, что Российская Федерация вступила в Конвенцию с оговоркой об установлении обязательности письменной формы внешнеэкономических сделок, совершаемых российскими юридическими лицами и гражданами (равно как и Аргентина, Венгрия, Чили, Латвия и другие страны-участницы). В то же время представляется возможным заключить, что Конвенция не предприняла попытку создать исчерпывающий перечень электронных сообщений.

---

[68] См.: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) / [edited by] Peter Schlechtriem, Ingeborg Schwenzer. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 320–321.

[69] См.: Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров : Комментарий / [М. М. Богуславский и др. ; Ред. В. И. Кулешова]. М.: Юрид. лит., 1994. С. 42–44.

[70] См.: Honnold J. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention - Fourth Edition Revised. Kluwer Law Intl; 4th edition, 2009. P. 67-69.

[71] См.: Commentary on the UN sales law (CISG) / edited by Christoph Brunner, Benjamin Gottlieb. Alphen aan den Rijn, The Netherlands; Frederick, MD : Wolters Kluwer, 2019. P. 61–62.

[72] См.: Розенберг М. Г. Международная купля-продажа товаров: Комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров. – 4-е изд. М.: Статут, 2010. С. 63–64.

В целях унификации использования электронных сообщений при совершении трансграничных коммерческих сделок была принята Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. (далее – Конвенция 2005 г.)[73].

С некоторыми изъятиями (исключены сделки на регулируемом фондовом рынке, с иностранной валютой, межбанковских платежных систем, передаче обеспечительных прав в ценных бумагах, переводных и простых векселях, транспортных накладных, коносаментов, складских расписок и др.), Конвенция 2005 г. применяется исключительно к коммерческим отношениям «между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах» в части использования электронных сообщений в связи с заключением или исполнением сделок. В ст. 4 дается определение понятию «электронного сообщения» как любого сообщения, которое стороны передают с помощью сообщений данных. А под «сообщением данных» понимается информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными, электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими. Статья 8 Конвенции 2005 г. признает юридическую силу электронных сообщений, устанавливая, что сообщение или договор не могут быть лишены действительности или исковой силы на том лишь основании, что они составлены в форме электронного сообщения.

В целях определения сферы регулирования Конвенции 2005 г., решения вопроса о допустимости тех или иных конкретных способов совершения электронных коммерческих сделок (посредством обмена электронными документами (сообщениями), конструкций click-wrap, browse-wrap, shrink-wrap) примечательно обратить внимание на ст. 9. Пункт 3 статья 9 Конвенции 2005 г. устанавливает, что в случаях, когда законодательство требует, чтобы сообщение

---

[73] Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (заключена в г. Нью-Йорке 23.11.2005) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 05.04.2025).

или договор были подписаны стороной, или предусматривает наступление определенных последствий в случае отсутствия подписи, это требование считается выполненным в отношении электронного сообщения, если использован какой-либо способ для идентификации этой стороны и указания намерения этой стороны в отношении информации, содержащейся в электронном сообщении; и этот способ: либо является настолько надежным, насколько это соответствует цели, для которой электронное сообщение было подготовлено или передано, с учетом всех обстоятельств, включая любые соответствующие договоренности; либо, как это фактически продемонстрировано на основании самого способа или с помощью дополнительных доказательств, позволил выполнить функции, описанные в подпункте выше[74].

Так, Конвенция 2005 г. устанавливает критерий идентификации лица, выразившего волю на совершение сделки, но не раскрывает его. Под идентификацией лица предлагается понимать процесс достоверного установления субъекта, выразившего волю на совершение сделки, осуществляемый с использованием технических и правовых средств, позволяющих установить связь между совершенным действием и конкретным участником и обеспечить юридическую силу такого действия. Возникает вопрос о том, как (каким образом) может устанавливаться такая связь.

В абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ предусмотрено, что письменная форма сделки считается соблюденной случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю[75].

Использование электронных средств связи при совершении сделок допускается и в национальном праве ряда зарубежных государств.

---

[74] Там же.

[75] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Пункт 1-1 ст. 152 ГК Республики Казахстан [76] предусматривает, что письменная форма сделки совершается на бумажном носителе или в электронной форме. К совершению сделки в письменной форме приравнивается, если иное не установлено законодательством или соглашением сторон, обмен письмами, телеграммами, телефонограммами, телетайпограммами, факсами, электронными документами, электронными сообщениями или иными документами, определяющими субъектов и содержание их волеизъявления.

Закон КНР «О договорах» [77] в ст. 11 устанавливает, что под письменной формой договора понимается договор как документ, переписка, сообщения по электросвязи (включая телеграммы, сообщения по телетайпу, факсу, электронно-цифровой обмен, обмен по электронной почте), а также иные формы, позволяющие конкретно отразить содержание договора.

В соответствии с Директивой ЕС об электронной торговле [78] (Directive on electronic commerce) государства-члены, в частности, должны обеспечить, чтобы правовые требования, применимые к договорному процессу, не создавали препятствий для использования электронных договоров и не приводили к тому, что такие договоры лишались юридической силы и действительности в связи с тем, что они были заключены с помощью электронных средств. Необходимо обратить внимание и на Регламент eIDAS [79] (Регламент ЕС № 910/2014 Европейского парламента и Совета от 23 июля 2014 г. об электронных идентификационных и

---

[76] Гражданский Кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Введен в действие Постановлением Верховного Совета РК от 27 декабря 1994 года № 269-XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 10.05.2025).

[77] Contract Law of the People's Republic of China. Adopted at the Second Session of the Ninth National People's Congress on March 15, 1999 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/11/content_1383564.htm (дата обращения: 20.04.2025).

[78] Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ('Directive on electronic commerce') [Electronic resource]. – Mode of access: http://data.europa.eu/eli/dir/2000/31/oj (дата обращения: 10.04.2025).

[79] Regulation (EU) № 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC [Electronic resource]. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2014.257.01.0073.01.ENG (дата обращения: 15.04.2025).

доверительных услугах для электронных транзакций на внутреннем рынке), которым определены способы подписания электронных сделок. Данный Регламент регулирует правила идентификации электронных документов и электронных подписей. Предписания находят имплементацию и развитие в национальных законах стран-участниц ЕС, коими являются, например, новые положения Французского ГК (ст. ст. 1125 – 1127-6), созданные Ордонансом № 2016-131 от 10 февраля 2016 года и включающие изменения, внесенные Законом № 2018-287 от 20 апреля 2018 года. Другим примером может являться, называемый О.М. Сакович прогрессивным, подход Словакии, устанавливающий в п. 4 § 40 ГК, что письменная форма соблюдается, если сделка совершается с помощью телеграфа, телекса или электронных средств, позволяющих понять содержание сделки и установить личность ее участников, а также, что собственноручную подпись можно заменить техническими средствами «там, где это обычно»[80]. Отметим, что положения Регламента eIDAS находят развитие и в законодательстве Чехии, где приняты Закон о доверительных услугах при электронных транзакциях 2016 г.[81] (регулирующий деятельность в сфере выдачи сертификатов для электронных подписей, электронных печатей и аутентификации на веб-сайте) и Закон об электронной идентификации 2017 г.[82] (регулирующий процедуру электронной идентификации личности).

Согласно ст. 14 Турецкого Обязательственного Кодекса[83] подписанное письмо, оригинал телеграфа с подписью должников, подтвержденный факс и подобные инструменты коммуникации при условии их подтверждения, а также текст, которые могут быть отправлены и сохранены с помощью безопасной электронной подписи могут использоваться вместо письменной формы.

---

[80] См.: Сакович О. М. Законодательное регулирование электронных сделок в Чехии и Словакии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 81–82.

[81] Zákon č. 297/2016 Sb., o službách vytvářejících důvěru pro elektronické transakce [Elektronický zdroj]. – Způsob přístupu: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2016-297 (дата обращения: 10.06.2025).

[82] Zákon č.250/2017 Sb., o elektronické identifikaci [Elektronický zdroj]. – Způsob přístupu: https://www.dauc.cz/predpisy/187/250-2017-sb (дата обращения: 10.06.2025).

[83] Turkish Code of Obligations. Law N. 6098 of January 11, 2011 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/11084 (дата обращения: 10.06.2025).

Представляется прогрессивным подход ОАЭ в принятии специального закона, направленного на регулирование электронных сделок (The Federal Decree-Law Concerning Electronic Transactions and Trust Services[84]). Помимо прочего, закон вводит понятие электронной сделки, а в ст. 7 устанавливает соблюдение письменной формы сделки посредством использования электронных документов: если любое применимое законодательство государства требует, чтобы любая информация, заявление, документ, запись, сделка или доказательство должны быть сделаны в письменной форме или предусматривают определенные последствия в случае отсутствия письменной формы, электронный документ будет считаться удовлетворяющим этому требованию, если содержащаяся в нем информация сохранена таким образом, что позволяет использовать ее и ссылаться на нее.

Таким образом, законодательство большинства государств в той или иной степени соответствует темпам развития электронных технологий. Допустимость электронного документооборота при совершении сделок определяется двумя основными условиями: идентификацией лица, выразившего волю, и обеспечением сохранности информации с возможностью ее последующего воспроизведения без изменения содержания. Предлагается, что идентификацию возможно осуществить посредством двух моделей: прямой и гибкой (функциональной). В рамках прямой модели связь между лицом и совершенным действием устанавливается через соотнесение закрытого ключа с личностью владельца, удостоверяемую сертификатом ключа проверки, при использовании подписантом квалифицированной электронной подписи. Гибкая (функциональная) модель предполагает, что связь устанавливается через совокупность технических и функциональных признаков при использовании способов, отличных от подписания документа электронной цифровой подписью и использования технологии блокчейн.

---

[84] The Federal Decree-Law № 46/2021 Concerning Electronic Transactions and Trust Services [Electronic resource]. – Mode of access: https://tdra.gov.ae/-/media/About/Trust-Services/Laws-and-regulations/Federal-Decree-Law-No-46-OF-2021-On-Electronic-Transactions-and-Trust-Services-EN.ashx (дата обращения: 13.02.2025).

Для гибкой модели при осуществлении электронного документооборота посредством электронной почты идентификация отправителя должна подтверждаться не только техническими данными сообщения (домен, подписи в письмах), но и совокупностью обстоятельств, свидетельствующих о признании такого способа коммуникации сторонами и их последующих действиях, направленных на исполнение сделки (признание формы взаимодействия в положениях договора, цепочка переписки, факт последующего исполнения сделки, совпадение времени отправки и деловой активности стороны). Наличие только технических данных сообщения (адресов электронной почты отправителя и получателя, идентификатора пользователя, домена почтового ящика) исключает возможность достоверно установить устойчивую связь между действием и лицом. В целях формирования предсказуемого правового регулирования электронного документооборота возникает необходимость законодательного закрепления следующих презумпций:

– презумпция контроля над электронным средством: действие, совершенное через средство, находящееся под контролем лица, считается совершенным этим лицом, если не доказано иное. Может быть опровергнута посредством доказывания отсутствия признаков контроля, таких как уникальные учетные данные, логин и пароль, двухфакторная аутентификация, корпоративная политика доступа;

– презумпция достоверности при использовании устойчивого делового канала: сообщение, направленное с электронного адреса, используемого организацией в деловом обороте, считается исходящим от соответствующего юридического лица и выражающим его волю. Презумпция может быть опровергнута посредством доказывания стороной отсутствия полномочий у сотрудника, отправившего сообщение.

Если отталкиваться от элементов, необходимых для признания договора заключенным, таковыми являются: оферта, акцепт и соблюдение требований к форме (также вариативно «встречное удовлетворение» (consideration), характерное для стран англо-американской правовой семьи). Применимо к электронным сделкам несложно заметить уклон ряда законодателей в исключительность

признания использования для подписания электронного документа квалифицированной электронной подписи (в рамках ЕС также вариативно электронной печати).

Например, О.М. Сакович отмечает, что чешский законодатель исходит из стандартного порядка заключения договора, когда заинтересованное в его заключении лицо совершает оферту, а другое – совершает акцепт[85]. Часть условий договора может быть определенной посредством отсылки к общим условиям торговли, разработанным профессиональными или заинтересованными организациями. При этом ГК Чехии не устанавливает способы заключения электронных сделок[86].

В то же время, опираясь на § 43а ГК Словакии, для признания договора заключенным в письменной форме достаточно, чтобы в письменной форме были совершены оферта и акцепт[87]. Признавая соответствие требованию о письменной форме сделки использование электронной подписи, в § 40 установлено, что электронная сделка признается действительной, если она подписана гарантированной электронной подписью или подтверждена гарантированной электронной печатью[88].

В РФ применение электронной подписи регламентировано в специальном законе. В ст. 7 Федерального закона от 06.04.2011 N 63-ФЗ «Об электронной подписи» предусмотрено признание в установленных случаях электронных подписей, созданных в соответствии с нормами права иностранного государства в случаях, установленных международными договорами Российской Федерации. Такой подход является характерным и для некоторых других государств. Например, в Малайзии действующие Закон о цифровой подписи 1997 г.[89] и Закон об

---

[85] См.: Сакович О. М. Законодательное регулирование электронных сделок в Чехии и Словакии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 86–87.

[86] Law 89/2012, the Civil Code of the Czech Republic. Book one. General Provisions [Electronic resource]. – Mode of access: http://obcanskyzakonik.justice.cz/images/pdf/Civil-Code.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

[87] Act No 40/1964 Coll., Civil Code [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.slov-lex.sk/ezbierky/pravne-predpisy/SK/ZZ/1964/40/20160701 (дата обращения: 13.02.2025).

[88] См.: там же. С. 86, 88.

[89] Digital Signature Act 1997. Laws of Malaysia. Act 562 [Electronic resource]. – Mode of access:

электронной коммерции 2006 г.[90] устанавливают признание сертификатов ключей иностранных фирм только при наличии соответствующего соглашения между государствами.

Государства предпринимают усилия по принятию соглашений о взаимном признании сертификатов ключей электронных подписей на двухстороннем и региональном уровнях. В результате были разработаны, в частности, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке признания электронной подписи (электронной цифровой подписи) в электронном документе при трансграничном электронном взаимодействии 2024 г.[91]; Соглашение о взаимном признании сертификатов цифровой подписи между Аргентиной и Чили 2017 г.[92]; Соглашение между Австралией и Сингапуром о цифровой экономике 2020 г.[93]; Договор между Сингапуром, Чили и Новой Зеландией о цифровой экономике 2020 г.[94]

Примечательно также обратить внимание на положения Конвенции ООН об оборотных грузовых документах 2025 г.[95] (далее – Аккрская конвенция 2025 г.).

---

http://www.commonlii.org/my/legis/consol_act/dsa1997181/ (дата обращения: 13.02.2025).

[90] Electronic Commerce Act 2006. Laws of Malaysia. Act 658 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.commonlii.org/my/legis/consol_act/eca2006182/ (дата обращения: 13.02.2025).

[91] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке признания электронной подписи (электронной цифровой подписи) в электронном документе при трансграничном электронном взаимодействии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62478/ (дата обращения: 13.02.2025).

[92] Apruébese el acuerdo de reconocimiento mutuo de certificados de firma digital suscripto con fecha 2 de Noviembre de 2017 entre la República Argentina y la República de Chile [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://tratados.cancilleria.gob.ar/tratado_archivo.php%3Ftratados_id%3DkqSrl5M%3D%26tipo%3Dkg%3D%3D%26id%3Dkp6lmZg%3D%26caso%3Dpdf&ved=2ahUKEwjlwMfCyfqSAxUMLRAIHWJRBB0QFnoECCMQAQ&usg=AOvVaw3_XzodoZIgUWUQvxh3NauT (дата обращения: 13.02.2025).

[93] Australia-Singapore Digital Economy Agreement [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/australia-singapore-digital-economy-agreement.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

[94] Digital Economy Partnership Agreement (“DEPA”) Between Singapore, Chile & New Zealand [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/DEPA/DEPA-Chile-New-Zealand-Singapore-21-Jan-2020-for-release.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

[95] Конвенция Организации Объединенных Наций об оборотных грузовых документах («Аккрская конвенция об оборотных грузовых документах») (заключена в г. Нью-Йорк 15.12.2025)

Данный акт направлен на формирование унифицированной правовой основы для выпуска, обращения и признания оборотных грузовых документов как в бумажной, так и в электронной форме. Аккрская конвенция 2025 г. закрепляет возможность существования оборотного грузового документа в электронной форме при условии использования надежного метода, обеспечивающего его уникальность, контроль над документом и возможность передачи прав на него. Особое значение имеет то обстоятельство, что Аккрская конвенция 2025 г. признает юридическую эквивалентность электронных и бумажных оборотных документов, тем самым создаются правовые условия для использования электронных транспортных документов, которые могут подтверждать права на груз и обеспечивать его оборотоспособность в цифровой среде.

На региональном уровне уже был рассмотрен проактивный подход стран Европейского Союза. Заслуживают внимания и результаты деятельности созданного в 1991 году экономического и таможенного союза МЕРКОСУР (Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай и Венесуэла, а также ассоциированные члены) по заключению Соглашения относительно взаимного признании сертификатов ключа цифровой подписи 2019 г.[96] и последующему началу в 2020 году переговоров о заключении аналогичного договора между Бразилией и ЕС. В рамках Евразийского экономического союза следует упомянуть Решение Коллегии ЕЭК «О Правилах признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе…»[97], принятое в 2023 году. Более широкий подход прослеживается в Рамочном соглашении об упрощении процедур

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/default/files/2026-03/ch_x_22_certified_true_copy.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

[96] Acuerdo de Reconocimiento Mutuo de Certificados de Firma Digital del Mercosur. Mercosur/Cmc/Dec. № 11/19 [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://normas.mercosur.int/simfiles/normativas/75396_DEC_011-2019_ES_Acuerdo%20Firma%20Digital.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

[97] Решение Коллегии ЕЭК № 120 от 22.08.2023 г. О Правилах признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе и обеспечения юридической силы электронных документов при трансграничном информационном взаимодействии юридических лиц (хозяйствующих субъектов) с уполномоченными органами государств – членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией с использованием службы доверенной третьей стороны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01440785/err_24082023_120 (дата обращения: 13.02.2025).

трансграничной безбумажной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе 2016 г.[98], допускающий в целом использование электронной связи как любой связи, осуществляемой посредством сообщения данных (Российская Федерация присоединилась к Рамочному соглашению в 2023 году).

Электронные трансграничные коммерческие сделки могут заключаться различными способами: посредством подписания электронных документов электронной подписью, обмена электронными сообщениями и документами либо совершения конклюдентных действий. Вместе с тем электронная подпись не является единственным способом, позволяющим обеспечить идентификацию лица, выразившего волю, и сохранение содержания соответствующей информации в неизменном виде. Выполнение указанных функций возможно также посредством технологии распределенного реестра, в частности при совершении сделок с использованием смарт-контрактов[99].

Отсутствие в ряде международных конвенций указания на допущение электронного документооборота (например, Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) 1956 г., Брюссельская Конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 г. с Брюссельским протоколом 1968 г. и другие) не свидетельствует о его запрете. Указанные конвенции были разработаны до начала существенного коммерческого использования электронных средств связи, а потому они не были упомянуты. Например, Конвенция ООН о

---

[98] Рамочное соглашение об упрощении процедур трансграничной безбумажной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (принято 19.05.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/file/pdf?eoNumber=0001202311280011 (дата обращения: 05.01.2025).

[99] Технология блокчейн, представляющая собой последовательную цепь блоков с данными, организованных в неизменном хронологическом порядке и защищенных криптографическими методами, подробно исследуется в следующих диссертационных исследованиях: Кудряшов С. Ю. Применение технологии блокчейн с целью повышения доверия пользователей к использованию юридически значимых баз данных : дис. ... канд. техн. наук: 05.13.18. – Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), Москва, 2021. – 184 с.; Зайнутдинова Е. В. Смарт-контракт в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Красноярск, 2022. – 238 с.; Камалян В. М. Правовые особенности заключения и исполнения банковских договоров в цифровой экономике : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, 2021. – 211 с.

морской перевозке грузов 1978 г. в ст. 14 устанавливает, что подпись на коносаменте может быть сделана в том числе с помощью любых иных механических или электронных средств, если это не противоречит закону страны, в которой выдается коносамент[100]. Монреальская Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г. в ст. 3 допускает использование вместо индивидуального или группового перевозочного документа любые другие средства, сохраняющие запись необходимой информации[101]. Конвенция о процедуре международного таможенного транзита при перевозке грузов железнодорожным транспортом с применением накладной СМГС 2006 г. в ст. 1 прямо упоминает, что железнодорожная накладная может представлять собой систему электронного обмена данными[102].

В разработке нового универсального международного договора, который бы регулировал вопросы электронного документооборота в трансграничной коммерческой деятельности, нет необходимости. Более того, такая идея представляется весьма утопичной. Во-первых, в текущих геополитических реалиях принятие универсального акта является крайне затруднительным. Во-вторых, единый документ не сможет охватить все существующие способы заключения трансграничных коммерческих сделок, что обусловлено быстрыми темпами развития цифровых технологий. В-третьих, необходимо учитывать многообразие существующих правовых режимов и как следствие потенциальное непризнание использования тех или иных способов электронной связи в конкретных государствах с учетом сложившихся правовых традиций. Тем более что таким международным договор является рассмотренная выше Конвенция ООН об

---

[100] Конвенция Организации Объединенных Наций о морской перевозке грузов (Гамбургские правила) (заключена в г. Гамбурге 31.03.1978) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3826/ (дата обращения: 05.01.2025).

[101] Convention for the Unification Certain Rules for International Carriage by Air Done on Montreal on 28 May 1999 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.icao.int/Meetings/AirCargoDevelopmentForum-Togo/Documents/9740.pdf (дата обращения: 03.06.2025).

[102] Convention on International Customs Transit Procedures for the Carriage of Goods by Rail under Cover of SGMS Consignment Notes, 24 April 2007 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/customs_transit_procedures.pdf (дата обращения: 03.06.2025).

использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. (далее – Конвенция 2005 г.[103] Данный документ вступил в силу спустя 8 лет после принятия – 1 марта 2013 года. Конвенция была ратифицирована восемнадцатью странами, в том числе Российской Федерацией, а также подписана, но не ратифицирована еще двенадцатью. Безусловно, это лишь часть от всех 193 государств-членов ООН, однако в универсальном характере документа сомнений не возникает.

Не менее утопичным представляется и вариант с внесением поправок в конвенции, вступившие в силу и требующие адаптации. С одной стороны, ряд из таких конвенций не содержат в тексте положений, касающихся процедуры внесения в них изменений[104]. С другой стороны, применение общих правил о принятии поправок к международным договорам, закрепленных в Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г.[105], выступает достаточно трудоемким процессом.

При этом нельзя не отметить, что известны случаи успешной адаптации положений международного договора к современных реалиям. Например, в 2008 г. был принят Дополнительный Протокол к Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ), касающийся электронной накладной[106]. Протоколом была предусмотрена возможность сторон, заинтересованных в выполнении договора перевозки, применять электронные накладные, договорившись о процедурах, в том числе, в отношении метода выдачи и передачи

---

[103] Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (заключена в г. Нью-Йорке 23.11.2005) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 05.04.2025).

[104] Например, Конвенция о договоре международной дорожной перевозке грузов (КДПГ) 1956 г.; Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (Монреальская конвенция) 1999 г.

[105] Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в г. Вена 23.05.1969) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 22.01.2025).

[106] Дополнительный Протокол к Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ), касающийся электронной накладной (принят в г. Женеве 20.02.2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unece.org/DAM/trans/conventn/e-CMRr.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

электронной накладной управомоченной стороне, способа демонстрации прав, возникающих на основании электронной накладной, процедур дополнения или изменения. Тем не менее, данные обстоятельства не умаляют обоснованности сделанных выводов в отношении утопичности идеи адаптации всех международных договоров, тем более что процедура принятия протокола в текущих геополитических реалиях также представляется затруднительной, а принятые дополнения потребуют имплементации государствами-участниками.

Таким образом, национальное законодательство большинства государств исходит из признания выполнения требования о письменной форме трансграничной коммерческой сделки, совершенной посредством использования электронных средств связи. Одни государства законодательно закрепляют лишь презумпцию действительности совершенных таким образом сделок, другие – используют проактивный подход и принимают специальные законы, регулирующие электронную коммерцию. С переходом с бумажного на электронный документооборот признание за электронной формой документов юридической силы находит свое отражение и в международных актах универсального и регионального характера.

Современными требованиями, предъявляемыми к письменной форме, являются идентификация лица, выразившего волю, доступность и достаточная демонстрация условий сделки. При выполнении данных требований легитимными способами совершения трансграничной коммерческой сделки выступают: подписание документа электронной цифровой подписью в порядке, соответствующем требованиям национального закона; использование технологии блокчейн; обмен сторонами электронными сообщениями (электронными документами); использование конструкций «click-wrap» и «shrimp-wrap».

Источники правового регулирования, закрепляющие требование об идентификации стороны, выразившей волю на заключение сделки, включая Конвенцию ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г., не раскрывают содержание данного требования. Под идентификацией лица предлагается понимать процесс достоверного установления

субъекта, выразившего волю к заключению сделки, осуществляемый с использованием технических и правовых средств, позволяющих установить связь между совершенным действием и конкретным участником и обеспечить юридическую силу такого действия.

При осуществлении электронного документооборота посредством электронной почты идентификация отправителя должна подтверждаться не только техническими данными сообщения (домен, подписи в письмах), но и совокупностью обстоятельств, свидетельствующих о признании такого способа коммуникации сторонами и их последующих действиях, направленных на исполнение сделки (признание формы взаимодействия в положениях договора, цепочка переписки, факт последующего исполнения сделки, совпадение времени отправки и деловой активности стороны). Наличие только технических данных сообщения исключает возможность достоверно установить устойчивую связь между действием и лицом. Требование установления совокупности обстоятельств, свидетельствующих о признании сторонами способа коммуникации, исключается в случаях, когда воля сторон на заключение договора была сформирована и выражена вне электронной среды, а электронные средства использовались исключительно как способ обмена документами.

Для оценки достаточности и достоверности идентификации лица, выразившего волю на заключение электронной сделки, предлагается универсальный тест. Необходимо последовательно установить:

– использовалась ли электронная среда для выражения воли, а не исключительно для ее передачи;

– имело ли место действие, свидетельствующее о выражении воли, и оно носит однозначный характер;

– позволяет ли совокупность обстоятельств разумно установить связь между совершенным действием и конкретным лицом.

§ 1.3. Нормы негосударственного регулирования, применимые к электронным трансграничным коммерческим сделкам

Происхождение и правовая природа норм негосударственного регулирования исследовались в многочисленных работах зарубежных и отечественных авторов[107].

Затруднительность подчинения трансграничной коммерческой сделки обычаям и обыкновениям, сложившимся в определенном секторе коммерции, связана с проблемой установления общепризнанного характера таковых правил поведения.

Эффективное применение обычая к контракту обеспечивается договоренностью сторон, а при отсутствии договоренности считается, что стороны подразумевали применение к их договору обычая, о котором они знали или должны были знать, который широко известен в международной торговле и постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли как юридически обязательное правило[108].

В силу наличия различных сводов негосударственных норм, при отсутствии общепризнанного характера обычая или указания на сложившуюся деловую практику сторон, необходимо в договоре делать ссылку на соответствующий конкретный документ, например, Принципы международных коммерческих

---

[107] См. об этом: Мажорина М.В. Право международной торговли и Lex mercatoria // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 33–41.; Мажорина М.В. Lex mercatoria — средневековый миф или феномен глобализации? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 9.; Вилкова Н. Г. От глобального контрактного права к глобальному применимому праву // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота : сб. ст . / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. С. Комарова. М. : Статут , 2016. С. 47.; Teubner G. Breaking Frames: Economic Globalization and the Emergence of lex mercatoria [Electronic resource] / G. Teubner // European Journal of Social Theory. 2002. № 5. P. 199–217. – Mode of access: http://www.jura.uni-frankfurt.de/42852780/frames_eng.pdf (дата обращения: 07.05.2025).; Collins H. Flipping Wreck: Lex Mercatoria on the Shoals of Ius Cogens [Electronic resource] / H. Collins // Contract Governance: Dimensions in Law and Interdisciplinary Research (Oxford). – 2015. – Mode of access: https://academic.oup.com/book/11486/chapter-abstract/160228969?redirectedFrom=fulltext (дата обращения: 18.03.2025).; Michaels R. The Re-State-Ment of Non-State Law: The State, Choice of Law, and the Challenge from Global Legal Pluralism // Wayne Law Review. 2005. Vol. 51. P. 1209–1259, 1233.

[108] См.: п. 2 ст. 9 Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf (дата обращения: 05.07.2025).

контрактов УНИДРУА, Принципы Европейского договорного права, Принципы транснационального гражданского процесса УНИДРУА и т.д.

Вопрос о форме регулирования отношений, складывающихся в интернет-пространстве, разрешается в доктрине различным образом. По мнению канадского профессора С.А. Каблан, регулирование отношений в информационном пространстве должно осуществляться традиционными способами и существующими правовыми нормы, поскольку сеть Интернет выступает лишь инструментом для передачи информации, а правоотношения не приобретают специфику, требующую новых подходов [109]. Сторонники противоположного подхода исходят из того, что отношения, складывающиеся в информационном пространстве, не могут быть урегулированы имеющимися правовыми нормами и необходим поиск кардинально иных способов регулирования. Французский профессор Л. Годфруа считает, что основным регулятором в киберпространстве является алгоритмический код, он и должен регулировать не только технические процессы, но и социологические [110]. Так, дискуссию встречают феномены lex electronica (lex networkia), lex informatica и lex PPPs (lex public-private partnerships, т. е. формирующаяся совокупность принципов и обычаев, регулирующих трансграничные отношения в сфере государственно-частного партнерства).

Концепция lex electronica происходит от lex mercatoria, регулирует отношения в области электронной коммерции. В содержание lex informatica включаются основные принципы права, заимствованные из lex mercatoria; международные договоры и акты международных организаций в сфере электронной коммерции; международные обычаи, складывающиеся в информационной среде; типовые документы, исходящие от международных организаций; практика международных коммерческих арбитражей [111]. Основные

---

[109] См.: Kablan S. A. Pour une évolution du droit des contrats: le contrat électronique et les agents intelligents. Thèse présentée à la Faculté des études supérieures de l'Université Laval dansl ecadre du programme de doctorat en droit pour l'obtention du grade de docteur en droit (LL.D.) Faculté de droit. Université Laval Québec. P. 8. [Ressource électronique]. – Mode d'accès: https://corpus.ulaval.ca/jspui/handle/20.500.11794/19829?locale=en (дата обращения: 20.03.2025).

[110] См.: Godefroy L. Le code algorihmique au service du droit // Recueil Dalloz. 2018. № 14/7771. P. 713–792.

[111] См.: Мажорина М. В. Киберпространственные подсистемы lex mercatoria. // Вестник

принципы права трансформируются с учетом специфики отношений в интернет-пространстве. Например, принцип pacta sunt servanda, предполагающий, что договор обязателен для сторон информационных отношений и должен ими добросовестно выполняться.

Так, lex electronica выступает комплексным сводом правил, направленных на регулирование отношений в сфере электронной коммерции, соответствует принципам международного частного права, международным документам, правоприменительной практике[112]. Как новое правовое явление lex electronica учитывает специфику отношений, складывающихся в интернет-пространстве. Тем не менее, выбор сторонами lex electronica как права, применимого к коммерческой сделке, характеризуется отсутствием заранее известного содержания регулирующих отношения правил. И в случае возникновения спора конкретные правила, которые будут применены международным коммерческим арбитражем, являются в некотором смысле непредсказуемыми.

На практике также возникает вопрос о соотношении lex electronica с иными комплексами норм, регулирующих иные коммерческие сферы. При упорядочивании норм lex mercatoria выделилось не только lex electronica как «право электронной коммерции», но и lex petrolea («право нефтяных транзакций»), lex constructionis («строительное право), lex maritime («морское право»), lex sportiva («спортивное право») и др.[113] Кроме того, коммерческие сделки, совершаемые электронным способом, охватывают как куплю-продажу, поставку, так и оказание услуг, перевозку, финансирование под уступку денежного требования, страхование, поручение, агентские соглашения, коммерческую концессию, что не способно регулировать только лишь lex electronica.

В lex informatica же включается программный код в виде различных компьютерных программ или компьютерных протоколов[114]. Содержание такого

Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3. С. 117–118.

[112] См.: там же. С. 116.

[113] См., например, Maniruzzaman, A. F. M. The Lex Mercatoria and International Contracts: A Challenge for International Commercial Arbitration? / A. F. M. Maniruzzaman // American University International Review. 1999. Vol. 14. Iss. 3. P. 657–734.

[114] См.: Ефимова Л. Г. Источники правового регулирования общественных отношений в

регулятора зависит от частных лиц и не способно регулировать все сферы общественных отношений, возникающих в информационном пространстве.

Представляется верным так называемый эклектический подход, предполагающий компромисс. Алгоритмический код как регулятор интернет-пространства безусловно упорядочивает технологические аспекты, однако любой программный код зависит от человека[115]. Именно человек «поручает» компьютеру выполнение соответствующих функций в интернет-пространстве. Потому эффективным является сочетание нескольких способов правового регулирования: международно-правовых актов, действующего национального законодательства, lex electronica, lex informatica и иных источников регулирования.

В качестве примеров источников lex informatica как совокупности норм негосударственного регулирования технического или гибридного характера, М.В. Мажорина называет, в частности, разработанный в 2024 г. Кодекс практики для ИИ общего назначения (General-Purpose AI Code of Practice), Общие правила осуществления операций международной торговли, удостоверенных в цифровой форме (GUIDEC: General Usage for International Digitally Ensured Commerce), правила поведения на технологических платформах, этические кодексы и своды норм, информационные политики, технические правила для регулирования информационных потоков и фильтрации контента[116].

Согласно одному из подходов, lex electronica и lex informatica, производные от lex mercatoria, образуют «транснациональное право электронного бизнеса», то есть совокупность негосударственных норм и обычаев, предназначенных для регулирования трансграничных сделок в электронной форме и используемых участниками таких отношений, а также арбитражами при разрешении возникающих споров[117].

киберпространстве // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 3 (160). С. 118–119.

[115] Guerlin G. Considérations sur les smart contracts // Dalloz IP/IT. Droit de la propriété intellectuelle et du numérique. 2017 Octobre. № 10. P. 512.

[116] См.: Мажорина М. В. Киберпространственные подсистемы lex mercatoria // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3. С. 117.

[117] См. об этом: Patrikios A. Resolution of Cross-border E-business Disputes by Arbitration Tribunals on the Basis of Transnational Substantive Rules of Law and E-business Usages: The Emergence of the Lex Informatica. University of Toledo Law Review. 2006–2007. № 38. P. 271–305.; Мажорина М. В.

В отношении государственно-частного партнерства, осуществляемого как в традиционной, так и электронной форме некоторые авторы говорят о формировании специального регулятора – lex PPPs (lex public-private partnerships).

Предлагаемый феномен lex PPPs (lex public-private partnerships) также является производным от lex mercatoria. Lex PPPs (lex public-private partnerships) формируется на основе обобщенной апробированной и подтвердившей свою эффективность контрактной и арбитражной практики государственно-частного партнерства, типовых формулировок условий соглашений о государственно-частном партнерстве и иных проектных соглашений[118]. Источниками lex PPPs (lex public-private partnerships) являются, в частности, Руководство Всемирного банка по контрактным условиям соглашения о государственно-частном партнерстве[119]; Руководство Европейского экспертного центра по основным условиям соглашений о государственно-частном партнерстве, основанных на плате за доступность[120]; Свод Центра правовых ресурсов типовых формулировок условий соглашений о государственно-частном партнерстве; Руководство Европейского экспертного центра по государственным гарантиям в государственно-частном партнерстве[121]; другие акты международных организаций.

Основанием для применения lex PPPs (lex public-private partnerships) является договоренность сторон партнерства: правила lex PPPs могут быть

Киберпространственные подсистемы lex mercatoria // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3. С. 109–123.

[118] См.: Маслова С. В. Lex PPPs как источник регулировании трансграничных отношений в сфере государственно-частного партнерства и роль международных организаций в формировании lex PPPs // Международное право и международные организации. 2021. № 4. С. 2.

[119] World Bank: Guidance on PPP Contractual Provisions. 2019 Edition [Electronic resource]. – Mode of access: https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/sites/default/files/2021-03/Guidance%20on%20PPP%20Contractual%20Provisions_2019%20edition.pdf (дата обращения: 03.05.2025).

[120] Guide to the Main Provisions of an Availability-based PPP Contract Public-Private Partnerships in the Western Balkans. European PPP Expertise Centre. 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wbif.eu/library/page/guide-main-provisions-availability-based-ppp-contract2 (дата обращения: 01.05.2025).

[121] State Guarantees in PPPs: A Guide to Better Evaluation, Design, Implementation and Management. European PPP Expertise Centre. 2011 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.eib.org/attachments/epec/epec_state_guarantees_in_ppps_en.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

инкорпорированы в текст соглашения о государственно-частном партнерстве. Стороны также могут в качестве применимого права указать «lex PPPs» без указания на конкретные правила или своды норм. В таком случае возникает правовая неопределенность в отношении применимых правил, поскольку отсутствует универсальный источник (как, например, когда в случае указания сторонами в договоре, что спор разрешается на основании общих принципов контрактного права, международный коммерческий арбитраж применяет Принципы УНИДРУА).

Так, возникающие в результате технического и частного регулирования электронной коммерции lex informatica, lex electronica и иные феномены, происходящие от lex mercatoria, способны эффективно обеспечивать порядок взаимодействия участников, особенно в части процедурной и технической организации электронных сделок. Однако данные источники не обладают достаточной легитимностью и не могут в полной мере регулировать существо отношений: вопросы имущественной ответственности, защиты слабой стороны, публичного порядка и принудительного исполнения обязательств. Следовательно, их роль должна рассматриваться как дополнительная и вспомогательная по отношению к государственному праву и унифицированным международным актам.

Применительно к электронной коммерции в целом и совершению электронных трансграничных коммерческих сделок в частности, необходимым является анализ источников, где кодифицированы нормы негосударственного регулирования, а также судебной и арбитражной практики.

Общие правила осуществления операций международной торговли, удостоверенных в цифровой форме МТП (GUIDEC: General Usage for International Digitally Ensured Commerce) [122] представляют собой набор унифицированных правил и стандартов, направленных на обеспечение доверия в цифровой торговле; устанавливают требования к достоверности данных, безопасности, проверяемости совершаемых операций; закрепляют практико-ориентированные стандарты

[122] International Chamber of Commerce “GUIDEC” [Electronic resource]. – Mode of access: https://iccwbo.org/home/guidec (дата обращения: 20.03.2026).

цифрового взаимодействия. Электронные условия МТП 2004 г. (ICC E-Terms 2004)[123] устанавливают презумпцию, что использование электронных сообщений сторонами создает действительные и применимые права и обязанности в отношениях между ними; определяют порядок обмена электронными сообщениями, признание их юридической силы; распределение рисков при электронном взаимодействии.

Аналитическое исследование ЮНСИТРАЛ «Содействие укреплению доверия к электронной торговле…» (UNCITRAL Promoting confidence in electronic commerce : legal issues on international use of electronic authentication and signature methods)[124] явилось результатом мониторинга различных вопросов, связанных с электронной торговлей, включая трансграничное признание электронной подписи после принятия Конвенции об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. Исследование основывается на анализе международно-правовых актов, законодательства США, Франции, Великобритании, Бельгии и других государств, а также правоприменительной практики. В документе подчеркивается необходимость функционального подхода к идентификации, т. е. основное значение придается способности используемого метода идентифицировать лиц, свидетельствовать о связи лица с волеизъявлением, гарантировать целостность сообщения; принцип технологической нейтральности правового регулирования электронной подписи (правовое регулирование не должно зависеть от конкретной технологии электронной подписи). Исследование формирует концептуальную основу идентификации и подтверждает, что значимость надежности используемых методов идентификации.

Модельные правила Европейского юридического института по онлайн-

---

[123] A/CN.9/WG.IV/WP.113

[124] Содействие укреплению доверия к электронной торговле: правовые вопросы международного использования электронных методов удостоверения подлинности и подписания 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/ru/08-55700_ebook.pdf#:~:text=information%20society%20services%2C%20in%20particular%20electronic%20commerce%2C,the%20Internal%20Market%2C%20Official%20Journal%20of%20the. (дата обращения: 20.03.2026).

платформам 2019 г. (European Law Institute Model Rules on Online Platforms)[125] направленны на формирование единых подходов к регулированию деятельности онлайн-платформ, включая совершение сделок. В соответствии со ст. 1 цель документа состоит в предоставлении набора правил, способствующих справедливости и прозрачности во взаимоотношениях между операторами платформы и пользователями платформы, при этом, модель может быть применена как на уровне законодательства ЕС, так и национальном и международном. Правила регулируют правовой статус онлайн-платформ как посредников, распределение ответственности между платформой и пользователями, порядок совершения сделок через онлайн-платформы, требования к прозрачности и информированию (обязанности оператора платформы информировать покупателей о своей функции (роли), поставщиках). Правила исходят из того, что платформа не является стороной сделки по умолчанию, но может приобретать соответствующий статус в зависимости от степени вовлеченности.

Инструментарий трансграничной безбумажной торговли 2022 г., разработанный ВТО, ЭСКАТО и ЮНСИТРАЛ (WTO – UNESCAP – UNCITRAL Cross-border Paperless Trade Toolkit) [126] представляет собой руководство, направленное на повышение осведомленности о технических и правовых инструментах для внедрения трансграничных систем безбумажной торговли. Документ, помимо прочего, обосновывает необходимость признания эквивалентности юридической силы электронных документов бумажным при обеспечении неизменности электронного документа с течением времени и идентификации его составителя; соблюдения принципа конфиденциальности при обмене документами и информацией между пользователями с использованием электронных систем или между электронными системами между собой; внедрения

---

[125] Model Rules on Online Platforms. Report of the European Law Institute [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/ELI_Model_Rules_on_Online_Platforms.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

[126] WTO – UNESCAP – UNCITRAL Cross-border Paperless Trade Toolkit [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/paperlesstrade2022_e.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

четких законодательных и договорных правил, регулирующих использование информации для функционирования системы безбумажной торговли; установления в качестве основания для ответственности за причиненные убытки неправильную передачу или ненадлежащее повторное использования информации.

Юридическая таксономия по вопросам цифровой экономики ЮНСИТРАЛ 2023 г. [127] не рассматривает регулирование конкретных отношений, носит систематизирующий и аналитический характер, направлена на унификацию понятийного аппарата в сфере цифровой экономики, анализ сложившегося правового регулирования на примере различных государств, а также судебной практики. Документ закрепляет подходы к пониманию искусственного интеллекта, данных, цифровых активов, онлайн-платформ, систематизирует наиболее проблемные вопросы правового регулирования. Интерес представляет сформулированное в п. 121 рабочее определение платформы электронной торговли, под которой понимается онлайн-платформа, облегчающая сделки, связанные с поставками товаров и услуг[128]. Хотя в документе рассмотрено преимущественно совершение сделок на онлайн-платформах с потребителями, в отношении коммерческих отношений примечательны выводы, касающиеся того, что различные договоры могут быть заключены в режиме онлайн через платформу путем обмена электронными сообщениями; между сторонами, «находящимися на удалении»; а также, в зависимости от платформы, без вмешательства человека (то есть, когда с обеих сторон функционируют электронные агенты). Так, Юридическая таксономия по вопросам цифровой экономики ЮНСИТРАЛ 2023 г. выполняет методологическую функцию, обеспечивая единообразие понимания ключевых понятий цифровой экономики и тем самым создает основу для разработки новых и применения существующих правовых норм, регулирующих трансграничную электронную коммерцию.

---

[127] Юридическая таксономия по вопросам, касающимся цифровой экономики. Подготовлено секретариатом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/ru/digitaleconomytaxonomy_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2026).
[128] См.: там же.

Руководство ЮНСИТРАЛ по правовым вопросам, связанным с использованием технологии распределенного реестра в торговле 2025 г. (UNCITRAL Guide on Legal Issues Relating to the Use of Distributed Ledger Technology in Trade) [129] посвящено комплексному анализу технологии распределенного реестра (distributed ledger technology – DLT). Руководство охватывает вопросы понятия DLT, принципов работы и отличительные особенности технологии, управления технологической системой распределенного реестра, а также юридические, возникающие при использовании DLT.

Рассмотренные акты негосударственного регулирования демонстрируют формирование комплексного подхода к электронной трансграничной коммерческой деятельности, основанного на принципах технологической нейтральности, функциональной эквивалентности и распределения рисков, направлены на уточнение содержания традиционных правовых понятий и их адаптацию к условиям цифрового пространства.

Как уже отмечалось, прежде всего, положения рассмотренных и иных актов негосударственного регулирования могут применяться непосредственно к сделке или ее составной части в силу соглашения сторон. Кроме того, соответствующие нормы могут использоваться в качестве международных торговых обычаев и стандартов поведения, учитываемых при толковании договора и восполнении его пробелов, а также в качестве вспомогательного инструмента при толковании норм национального и международного права, особенно в условиях отсутствия прямого регулирования цифровых аспектов сделки.

В контексте применения норм негосударственного регулирования к заключенному договору М.В. Мажорина, опираясь, в том числе, на доводы С.В. Третьякова, анализирует институт автономии воли и отмечает, что стороны могут применить как гибридный нормативно-правовой режим из правовых и неправовых норм в отношении их договора, так и подчинить договор полностью

[129] UNCITRAL Guide on legal issues relating to the use of distributed ledger technology in trade (2025) [Electronic resource]. – Mode of access: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/EN/Texts/UNCITRAL/2516855e-ebook-accessible.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

неправовым нормам, что отражается в практике международного коммерческого арбитража[130]. Автор всесторонне исследует соответствующее законодательство Аргентины, Бахрейна, Венесуэлы, Доминиканской Республики, Республики Панама, Парагвая, Уругвая, характеризующееся широким толкованием автономии воли, и обращает внимание на необходимость формирования юридических основ для расширительного правопонимания в российском законодательстве[131].

Таким образом, анализ, проведенный в первой главе, позволяет сделать следующие основные выводы.

Под электронной трансграничной коммерческой сделкой следует понимать совершаемую в рамках предпринимательской деятельности сделку, направленную на установление, изменение или прекращение частноправовых отношений и осуществляемую с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и электронных средств связи, при условии, что волеизъявление сторон выражается в цифровой форме и наличествует связь с правопорядками двух или более государств.

Такая связь может, в частности, проявляться через наличие иностранного элемента в фактическом составе частноправового отношения в виде:

– юридического факта, когда иностранный информационный посредник выполняет юридически значимые функции по оформлению или подтверждению волеизъявления сторон (предоставление инфраструктуры для совершения сделки иностранным информационным посредником платформенной модели или маркетплейсом, сопровождающееся фиксацией юридически значимых действий сторон; выполнение функций оператора электронного аукциона с фиксацией ставок и т.п.);

– субъекта, если информационный посредник вступает в самостоятельное обязательство и несет имущественную ответственность (сторона будущей сделки участвует в электронном аукционе, который проводится на платформе

---

[130] См.: Мажорина М. В. Право на выбор неправа: как открыть ящик Пандоры с помощью lex voluntatis // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 12 (181). С. 11–12.
[131] См.: там же. С. 13–14.

иностранного посредника, при этом сам посредник принимает на себя обязательство перед участниками по гарантированию исполнения сделки или ответственности за сохранность задатка, в связи с чем у сторон и посредника возникают корреспондирующие права и обязанности).

При заключении электронных коммерческих сделок иностранный элемент в виде объекта частноправового отношения (например, нахождение предмета сделки за рубежом) утрачивает самостоятельное значение для квалификации сделки как трансграничной. Мобильный и распределенный характер цифровых товаров, услуг, имущества и активов препятствуют их устойчивой территориальной локализации, в связи с чем связь с правопорядками двух или более государств выявляется не через местонахождение объекта за рубежом, а через иные признаки (обстоятельства). В качестве таковых могут выступать:

– включенность объекта сделки в иностранный правовой режим, который влияет на ее (сделки) содержание и исполнение (лицензия, ограничивающая территорию использования объекта, выданная в иностранном государстве согласно иностранному праву; цифровые права, возникшие в иностранной цифровой системе на основании иностранного правопорядка);

– экономическая направленность и функциональные параметры использования объекта (контент как объект сделки ориентирован (целенаправлен) на рынок определенного иностранного государства; программное обеспечение используется преимущественно в каком-либо иностранном государстве). Само по себе создание объекта, потенциально ориентированного на иностранную аудиторию, не образует связи с иностранным правопорядком. Такая связь возникает лишь при включении объекта в хозяйственный оборот соответствующего государства и подчинении его использования обязательным нормам этого правопорядка, потому необходимо выявлять совокупность признаков.

Отдельные способы заключения электронных трансграничных коммерческих сделок, а именно обмен сторонами электронными сообщениями (электронными документами), использование конструкций «click-wrap» и «shrimp-

wrap» могут считаться письменными при выполнении требований об идентификации лица, выразившего волю, доступности и достаточной демонстрации условий сделки. Принимая во внимание, что Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. не раскрывает содержание данных требований, возникает их необходимость уточнения.

Под идентификацией лица, выразившего волю на совершение электронной сделки, предлагается понимать процесс достоверного установления субъекта, выразившего волю к заключению сделки, осуществляемый с использованием технических и правовых средств, позволяющих установить связь между совершенным действием и конкретным участником и обеспечить юридическую силу такого действия. Предлагаются модели установления такой связи:

– прямая модель: связь устанавливается через верификацию сертификата ключа проверки при использовании подписантом квалифицированной электронной подписи;

– гибкая (функциональная) модель: связь устанавливается через совокупность технических и функциональных признаков при использовании способов, отличных от подписания документа электронной цифровой подписью и использования технологии блокчейн.

Для гибкой модели при осуществлении электронного документооборота посредством электронной почты идентификация отправителя должна подтверждаться не только техническими данными сообщения (домен, подписи в письмах), но и совокупностью обстоятельств, свидетельствующих о признании такого способа коммуникации сторонами и их последующих действиях, направленных на исполнение сделки (признание формы взаимодействия в положениях договора, цепочка переписки, факт последующего исполнения сделки, совпадение времени отправки и деловой активности стороны). Наличие только технических данных сообщения (адресов электронной почты отправителя и получателя, идентификатора пользователя, домена почтового ящика) исключает возможность достоверно установить устойчивую связь между действием и лицом.

В целях формирования предсказуемого правового режима электронного документооборота необходимо введение следующих презумпций:

– презумпция контроля над электронным средством: действие, совершенное через средство, находящееся под контролем лица, считается совершенным этим лицом, если не доказано иное. Может быть опровергнута посредством доказывания отсутствия признаков контроля, таких как уникальные учетные данные, логин и пароль, двухфакторная аутентификация, корпоративная политика доступа;

– презумпция достоверности при использовании устойчивого делового канала: сообщение, направленное с электронного адреса, используемого организацией в деловом обороте, считается исходящим от соответствующего юридического лица и выражающим его волю. Презумпция может быть опровергнута посредством доказывания стороной отсутствия полномочий у сотрудника, отправившего сообщение.

Требование установления совокупности обстоятельств, свидетельствующих о признании сторонами способа коммуникации, исключается в случаях, когда воля сторон на заключение договора была сформирована и выражена вне электронной среды, а электронные средства использовались исключительно как способ обмена документами.

Требование о достаточности и достоверности идентификации лица, выразившего волю на совершение электронной сделки, считается выполненным, если электронная среда использовалась для выражения воли, а не исключительно для ее передачи; имело место быть действие, свидетельствующее о выражении воли, и оно носит однозначный характер; совокупность обстоятельств позволяет разумно установить связь между совершенным действием и конкретным лицом.

Возникающие в результате технического и частного регулирования электронной коммерции lex informatica, lex electronica и иные феномены, происходящие от lex mercatoria, способны эффективно обеспечивать порядок взаимодействия участников, особенно в части процедурной и технической организации электронных сделок. Однако данные источники не обладают достаточной легитимностью и не могут в полной мере регулировать существо

отношение: вопросы имущественной ответственности, защиты слабой стороны, публичного порядка и принудительного исполнения обязательств. Следовательно, их роль должна рассматриваться как дополнительная и вспомогательная по отношению к государственному праву и унифицированным международным актам.

Кодификации норм негосударственного регулирования демонстрируют формирование комплексного подхода к электронной трансграничной коммерческой деятельности, положения таких документов могут применяться непосредственно к сделке или ее составной части в силу соглашения сторон, а также в качестве вспомогательного инструмента при толковании норм национального и международного права, особенно в условиях отсутствия прямого регулирования соответствующих аспектов электронной трансграничной коммерческой сделки.

ГЛАВА 2. СОВЕРШЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТРАНСГРАНИЧНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ СДЕЛКИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА

§ 2.1. Совершение электронной трансграничной коммерческой сделки посредством обмена электронными сообщениями, click-wrap, browse-wrap и shrink-wrap соглашений

В случае совершения сделок посредством обмена электронными документами (электронными сообщениями) и конклюдентных действий ключевым является вопрос о признании легитимности самих способов. Для установления сферы регулирования Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. также необходим анализ, выполняется ли критерий идентификации лица, выразившего волю, в отношении таких способов заключения электронной трансграничной коммерческой сделки, как посредством производства команды «Я согласен» («click-wrap»), продолжения пользования сайтом без активного производства команды «Согласен» («browse-wrap») и посредством начала пользования продуктом («shrink-wrap») соглашений.

Основным условием действительности заключенного посредством обмена электронными документами договора является возможность достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. Верховный Суд РФ в п. 1 Постановления Пленума № 49 от 25.12.2018 г. указал, что соглашение сторон может быть достигнуто путем принятия (акцепта) одной стороной предложения заключить договор (оферты) другой стороны (пункт 2 статьи 432 ГК РФ), путем совместной разработки и согласования условий договора в переговорах, иным способом, например, договор считается заключенным и в том случае, когда из поведения сторон явствует их воля на заключение договора (пункт 2 статьи 158, пункт 3 статьи 432 ГК РФ)[132]. Некоторые авторы заключают, что из данной

[132] Постановление № 49 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2. С. 24–32.

правовой позиции ВС РФ можно сделать вывод о том, что и оферта, и акцепт могут быть направлены посредством электронных способов передачи сообщений, включая электронную почту[133].

Так, технически возможны несколько способов заключения сделки. Во-первых, при возможности достоверного установления, что документ исходит от стороны по договору, согласование в переписке существенных условий договора может свидетельствовать о его заключении. Во-вторых, не нарушает требований закона и направление посредством электронной почты файла, содержащего отсканированный подписанный одной стороной договор, для подписания другой стороне с последующим обменом скан-копиями. Практически же с использованием таких способов потенциально проявляются две ключевые проблемы: идентификации и аутентификации. Не всегда возможно точно установить лицо, выразившее волю (то есть направившего электронное сообщение), поскольку не исключены его возражения относительного того, что именно данное лицо выразило волю (поставило подпись на договоре и (или) отправило электронное сообщение).

В целях минимизации недобросовестного поведения со стороны контрагента в судебной практике был сформулирован ряд презумпций. Например, направление или получение сообщения с адреса электронной почты, идентифицированного как принадлежащий лицу либо используемый его уполномоченным сотрудником, презюмирует совершение соответствующего действия самим лицом, пока не доказано обратное[134]. Указание сторонами в тексте договора на допущение обмена документами в том числе и по электронной почте и адреса электронной почты в разделе реквизиты, свидетельствуют о признании сторонами юридической силы документов, полученных таким образом [135] . Если переписка ведется

---

[133] См.: Храпунова Е. А. Особенности заключения договора с помощью технических средств связи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 61.

[134] См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.11.2013 г. № 18002/12. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://arbitr.ru/materials/106641?path=%2Farxiv%2Fpost_pres%2F (дата обращения: 27.02.2025).

[135] См.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 29.03.2019 г. по делу № А40-26540/18-3-185. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8fdd4555-6e96-4526-99d4-5c9cf0fe4d6e/7d95298b-70c4-42fb-918f-b8654020a4cf/A40-26540-2018_20190329_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.02.2025).

уполномоченным лицом от имени контрагента для признания такого договора заключенным необходимо представить доказательства наличия полномочий у такого лица[136].

В доктрине получила распространение концепция, в рамках которой в качестве доказательства заключения договора путем обмена электронными письмами признается предоставление сторонами распечатки электронных писем с указанием адресов электронной почты и времени отправления, а для удостоверения данного доказательства стороны могут обратиться к нотариусу[137]. Не исключая эффективности такой возможности, нельзя не отметить, что данный подход редуцирует преимущества электронного документооборота в части необходимости совершения действий в физическом мире, не упоминает другие средства электронной коммуникации (например, sms-сообщения), и осложняется с приобретением сделками трансграничного характера.

В своем диссертационном исследовании Н.А. Дмитрик утверждает, что обмен электронными документами есть единственный способ осуществления прав и исполнения обязанностей с использованием сети Интернет[138]. С технической точки зрения это утверждение справедливо, поскольку любая коммуникация в сети осуществляется посредством обмена электронными сообщениями, но если базироваться на механике процесса, то данное утверждение представляется спорным. Обмен электронными документами предполагает адресный характер. Однако оферта, размещенная в сети Интернет может быть публичной, то есть предполагать волю лица заключить договор на указанных в предложении условиях с любым, кто отзовется.

---

[136] Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.04.2019 г. по делу № А62-3369/2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8049f9d2-a5fa-43d2-be4d-c67cf014fc24/ccb8f50e-b806-42ca-8405-9011be0f0f95/A62-3369-2018_20190401_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.02.2025).

[137] См.: Козлова М. Ю. Текст договора в электронной форме // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 50.

[138] См.: Дмитрик Н. А. Способы осуществления субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей с использованием сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – М., 2007. С. 9.

Нельзя и игнорировать экзистенцию сделок, совершаемых посредством так называемых «электронных агентов» (Electronic agents), то есть, когда сделка совершается с участием компьютерных программ и (или) автоматизированных систем (программ-роботов) без участия человека в данном процессе. Спектр таковых может быть крайне широк, охватывая ситуации, например, когда договор о приобретении товаров для коммерческого использования между индивидуальным предпринимателем из Российской Федерации и турецкой компанией совершается через автоматизированную программу (программу-бота) в мессенджере Телеграм без непосредственного прямого участия продавца.

В ходе анализа выражения воли лица-владельца такой автоматизированной программы на заключение договора следует согласиться с доктринальной позицией, что воля, выраженная в договоре есть воля владельца программы-робота[139]. Как справедливо отмечает В.О. Калятин, программа лишь выполняет команду, в которую владельцем сайта было заложено решение на конкретный случай[140].

Проблемы идентификации лица и верификации документов в Интернет-среде не имеют однозначных эффективных решений. Установление лица, выразившего волю (направившего электронное сообщение), даже без учета трансграничного характера сделки, осложняется отсутствием надежных идентификационных параметров. В теории одним из таких мог бы выступать IP-адрес, тем не менее он определяет устройство, а не отправителя. Также использование VPN-сервисов позволяет менять IP-адрес устройства на свой собственный, которым также пользуются тысячи других клиентов сервиса. Ограничены и возможности верификации оцифрованного бумажного документа в электронной среде. Отсканированный бумажный файл не всегда является подлинным. С помощью цифровых средств возможно воссоздать и сфабриковать любой документ. Возникают проблемы в виде невозможности определения,

---

[139] См.: Карев Я. А. Электронные документы и сообщения в коммерческом обороте: правовое регулирование. М., 2006. С. 42–48.; Online Contract Formation. Ed. by Stephan Kinsella and Andrew Simpson. Oceana Publications. N.Y., 2004. P. 49–50.

[140] Калятин В. О. Право в сфере Интернета. М.: Норма, 2004. С. 337.

действительна ли подпись лица, тогда как в случае с бумажным документом можно провести экспертизу. Кроме того, затруднительно установить достоверность бланка государственного образца, изданного Гознаком, оттиска печати.

Так, с одной стороны, действительность сделки, совершенной посредством обмена электронными сообщениями (электронными документами), будет зависеть от ряда факторов. К таковым относятся идентификация стороны и того, что сообщение (документ) исходит от нее; если применялась электронная подпись, то соответствовало ли ее применение установленному законом порядку; содержание условий договора и деловой практики сторон. С другой стороны, в соответствии со ст. 162 ГК РФ, за исключением случаев, прямо установленных законом (например, игнорирование нотариальной формы), несоблюдение простой письменной формы сделки только лишает стороны права ссылаться на свидетельские показания, но не влечет ее недействительность и невозможность приводить письменные и другие доказательства. То есть в пользу признания договора заключенным может свидетельствовать представление различных документов, относящихся к исполнению договора хотя бы одной стороной. Обеспечить действительность сделки, совершенной посредством обмена электронными сообщениями (электронными документами), также позволит законодательное закрепление сформулированных в предыдущих параграфах презумпций (контроля лица над электронным средством; достоверности при использовании устойчивого делового канала).

В электронной коммерции заключение договоров посредством конклюдентных действий осуществляется главным образом в формах click-wrap, browse-wrap и shrink-wrap соглашений. Установить легитимность использования участниками сделки таких конструкций и попадают ли они под сферу регулирования Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. возможно посредством анализа выполнения требования об идентификации лица, выразившего волю на совершение сделки.

Click-wrap соглашение представляет собой договорную конструкцию, по которой лицо, получившее оферту, выражает акцепт путем производства команды

«Я согласен» или иным аналогичным способом после ознакомления с договорными условиями. В настоящее время они находят самое широкое применение: установление условий загрузки и использования программного обеспечения; изложение правил, по которым пользователи могут получить доступ к веб-сайту или его части (контенту); оформление подписки в различных Интернет-сервисах; установление условий продажи товаров и услуг онлайн.

Хронологически, впервые такие соглашения появились во 2-й половине XX века в США и не сразу получили признание. Первым судебным решением, когда за click-wrap соглашением (а именно за размещенным на веб-сайте истца соглашением о порядке пользования электронным почтовым ящиком), признали юридическую силу, является решение по делу Hotmail Corporation v. Van Money Pie Inc.[141] 1998 года.

В этой связи необходимо отметить и решение по делу Steven J. Caspi, et al.v. The Microsoft Network, L.L.C.[142] 1999 года. Суд признал действительным click-wrap-соглашение об оказании сервисов Microsoft Network, сославшись, что перед пользователем на экране изложены условия данного абонентского соглашения. Эти условия появляются в прокручиваемом окне рядом с блоками, содержащими слова «Я согласен» или «Я не согласен». Пользователь технически не может начать такое использование, пока не нажмет кнопку «Я согласен». Каждый из истцов нажал кнопку «Я согласен», тем самым выразив свое согласие на выполнение условий абонентского соглашения. По мнению суда, существенные различия между условиями, зафиксированными на бумажном и электронном носителях, отсутствуют. Суд первой инстанции и впоследствии апелляционный суд признали юридическую силу заключенного договора. Судебная практика ряда государств Италии, Германии, Канады, Великобритании признает действительность click-wrap-соглашений[143].

---

[141] C98-20064, 1998 WL 388389 (N.D. Ca., April 20, 1998).

[142] 1999 WL 462175, 323 N.J. Super. 118, 732 A.2d 528 (N.J. App. Div., July 2, 1999).

[143] См., например, в Италии: Sentenza Giudice di Pace di Partanna n.15/2002, nella causa civile n° 206/2001 R.G.A.C.; в ФРГ: BGH, 7.11.2002. 2002 NJW 363; в Канаде: Rudder et al. v. Microsoft Corp., (1999) 106 O.T.C. 381 (SC); в Великобритании: Beta Computers (Europe) Ltd v Adobe Systems (Europe) Ltd. 1996 S.L.T. 604.

Российское же право не упоминает таких соглашений. Пункт 3 ст. 434 ГК РФ отсылает нас к п. 3 ст. 438 ГК РФ, которым предусмотрено, что совершение лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора (отгрузка товаров, предоставление услуг, выполнение работ, уплата соответствующей суммы и т.п.) считается акцептом, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте. Так несмотря на то, что российское право прямо не регламентирует использование click-wrap-соглашений, они могут иметь право на существование. Для признания договора заключенным необходимо удовлетворить два критерия: за письменным предложением заключить договор следуют действия по исполнению указанных условий такового.

В российской практике суды также признавали действительность click-wrap соглашений. Решением Арбитражного суда Волгоградской области было установлено, что истец, пройдя регистрацию на странице веб-сайта ответчика и приняв пользовательское соглашение на использование системой управления персональным сайтом и продажами, тем самым заключил с ответчиком договор по разработке сайта для истца[144]. Для создания учетной записи необходимо было заполнить обязательные поля, а также принять условия пользовательского соглашения, поставив галочку напротив пункта «Я подтверждаю, что ознакомился с текстом Пользовательского соглашения и согласен с условиями пользования сервисами интернет-ресурса Mall'ER». При этом текст Пользовательского соглашения был доступен для прочтения по активной ссылке в тексте пункта (выделен синим цветом). В том случае, если пользователь не проставил галочку, регистрация нового пользователя невозможна, на экран выводится сообщение следующего содержания: «Вам необходимо согласиться с условиями Пользовательского соглашения, чтобы зарегистрироваться». Так, суд признал действительность заключенного между сторонами click-wrap соглашения[145].

---

[144] См.: Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 25.04.2016 г. по делу № А12-34919/2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/iLUdUdPfZxrd/ (дата обращения: 27.02.2025).

[145] См.: Родионов А. В. Проблема выполнения требований к форме трансграничной коммерческой

Особенности самой конструкции click-wrap (прежде всего имеется в виду то обстоятельство, что она предполагает активное действие пользователя – производство команды, подтверждающее ознакомление с условиями) предопределяют относительное единство правоприменительной практики в признании за ней юридической силы. Идентификация лица, выразившего волю на совершение сделки посредством конструкции click-wrap, обеспечивается такими признаками, как регистрационные данные аккаунта, использование двухфакторной аутентификации, подтверждение действия через систему мгновенных сообщений (push-уведомлений). Воля выражается активным действием лица посредством производства команды (нажатия кнопки «Я согласен»). Так, совершение сторонами сделки в форме click-wrap соглашения выполняет требования Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. и тем самым попадает под ее сферу регулирования.

Вместе с тем конструкция click-wrap не лишена недостатков и в ряде случаев такая сделка может быть признана несовершенной. Признание юридической силы трансграничной коммерческой сделки, совершенной посредством производства команды «Я согласен», предлагается обеспечить посредством законодательного закрепления стандарта «реальной информированности», установления презумпции полномочий при акцепте с корпоративного аккаунта, требования сохранять версию текста соглашения, действовавшего на момент акцепта. Также предлагается ряд технических решений. Одним из таких может быть обеспечение технической невозможности последующего использования платформы, программного обеспечения или же исполнения сделки без производства команды «Я согласен». Выражение воли лица может быть усилено лексически с реализацией вместо «Я согласен» кнопки (команды) «С условиями договора ознакомился и согласен». Другим может являться реализация специальных технических средств, обеспечивающих минимизацию ошибок при заполнении формы на веб-сайте / в мессенджере. Например, добавление исключающей ошибки автоматической

сделки, заключенной посредством электронных средств связи // Юридическая наука. 2025. № 12. С. 82–84.

формы с кодом соответствующей страны для ввода номера телефона и электронной почты; ограничение символов в строке ИНН и ОГРН или их привязка к ЕГРЮЛ (ЕГРИП) с последующим автоматическим определением наименования юридического лица или индивидуального предпринимателя; интеграция системы автоматического определения наименования, корреспондентского счета и местонахождения банка по банковскому идентификационному коду (БИК).

Browse-wrap соглашение (web-wrap) как способ заключения трансграничной коммерческой сделки представляет собой конструкцию, предусматривающую самостоятельное ознакомление с договорными условиями, изложенными на веб-сайте, либо открывающимися через переход по гиперссылке. В данном случае в качестве акцепта рассматривается фактическое использование веб-сайта, программного обеспечения. Может возникнуть проблема доказывания, что пользователь действительно до начала такого фактического использования был ознакомлен с условиями соглашения. С одной стороны, под кнопкой присутствует надпись, вариативно содержащая «Нажимая на кнопку, вы подтверждаете согласие с условиями …». С другой стороны, технически невозможно ограничить дальнейшее пользование веб-сайтом, платформой или исполнение сделки без действительного ознакомления пользователя с условиями соглашения.

Правила пользования веб-сайтами и онлайн-платформами можно разделить на информационные и регулятивные. Например, условия пользования Ozon Бизнес включают Стандартные условия сотрудничества[146], Условия продажи товаров и услуг юридическим лицам на сайте Ozon.ru[147], Лицензионные соглашения на использование программы «ozon.ru для Android» и «ozon.ru для iPhone»[148]. Первые

---

[146] Стандартные условия сотрудничества ООО «Интернет Решения» (Ozon.ru) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.ozon.ru/common/yuridicheskim-litsam/standartnye-usloviya-sotrudnichestva/?country=RU (дата обращения: 07.01.2025).

[147] Условия продажи товаров и услуг юридическим лицам на сайте Ozon.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.ozon.ru/common/pravila-prodayoi-i-rekvizity/usloviya-prodayoi-tovarov-yuridicheskim-litsam-na-ozon-ru/?country=RU (дата обращения: 07.01.2025).

[148] Лицензионное соглашение на использование программы «ozon.ru для Android» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.ozon.ru/common/pravila-prodayoi-i-rekvizity/litsenzionnoe-soglashenie-na-ispol-zovanie-programmy-ozon-ru-dlya-android/?country=RU (дата обращения: 07.01.2025).; Лицензионное соглашение на использование программы «ozon.ru для iPhone» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.ozon.ru/common/pravila-prodayoi-i-

регламентируют порядок оказания услуг/работ, когда Ozon является стороной по договору, охрану интеллектуальной собственности. Вторые – вопросы цены товара и сроков оплаты, доставки, особенности продажи отдельных видов товаров и услуг. Примечательно, что последние содержат формулировку «любое использование Программы означает полное и безоговорочное принятие условий настоящего Лицензионного соглашения. Если Вы не принимаете условия Лицензионного соглашения в полном объеме, Вы не имеете права использовать программу в каких-либо целях». Так, предполагается, что если пользователь пользуется программой, то он ознакомлен с условиями лицензионного соглашения, чего в действительности могло и не быть. Аналогичный регулятивный подход можно увидеть и у AliExpress CIS Бизнес[149]. Примером информационных правил является Пользовательское соглашение eBay Export, предусматривающее, что «eBay не является стороной в договорах купли-продажи между сторонними продавцами и покупателями, равно как и не является организатором аукциона в его традиционном понимании»[150].

Зарубежная судебная практика по признанию действительными browse-wrap-соглашений складывается весьма неоднозначно. В деле Rushing v. Viacom Inc[151] истцы ссылались на нарушение компанией Закона о защите конфиденциальности детей в Интернете ввиду того, что ответчик собирал информацию о пользователях мобильной игры и впоследствии ее продавал. Ответчик сделал заявление о том, что все предпринятые действия были предусмотрены пользовательским соглашением, которое принято пользователями. Однако при скачивании приложения пользователь не нажимал кнопку «С условиями ознакомлен и согласен», таковые содержались на странице, которая открывалась путем клика на всплывающую ссылку «more». Неознакомление с условиями пользования не препятствовало возможности пользоваться приложением. Суд не нашел доказательств

---

rekvizity/litsenzionnoe-soglashenie-na-ispol-zovanie-programmy-ozon-ru-dlya-iphone/?country=RU (дата обращения: 07.01.2025).

[149] См.: Режим доступа: https://business.aliexpress.ru/legal-docs (дата обращения: 07.12.2024).

[150] User Agreement from eBay from July 26, 2024 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ebay.com/help/policies/member-behaviour-policies/user-agreement?id=4259 (дата обращения: 03.05.2025).

[151] Amanda Rushing, et al., Plaintiffs, v. Viacom Inc., et al., Defendants., 2018 U.S. Dist. LEXIS 176988

надлежащего уведомления пользователей об условиях соглашения и подчеркнул, что оферта не может быть принята посредством бездействия. Подобным образом к вопросу о юридической силе browse-wrap-соглашения подошел немецкий суд, отметив, что «такие условия должны быть либо неотъемлемой частью оферты, либо обозначены таким образом, чтобы пользователь не мог их пропустить. Если пользователь сам должен предпринять действия, чтобы найти их, такие условия не становятся частью договора»[152].

В другом деле The Canadian Real Estate Association v. Sutton Real Estate Services Inc[153] канадский суд признал юридическую силу browse-wrap-соглашения о пользовании веб-сайтом, заключенного между предпринимателями. В данном случае роль сыграла исключительность обстоятельств. Ответчик ссылался на то, что условия пользования веб-сайтом истца, а в частности недопустимость копирования и модификации содержащейся в нем информации, были изложены в гиперссылке внизу главной страницы, он с ними не был ознакомлен и согласия не выражал. Однако обе стороны осуществляли коммерческую деятельность в сфере электронной коммерции. Вследствие того, что на веб-сайте ответчика пользовательское соглашение было размещено идентичным образом (web-wrap), суд решил, что ответчику должно было быть известно о наличии, содержании и коммерческой ценности browse-wrap-соглашения истца и признал таковое заключенным.

Е.В. Фролова обращает внимание на дело In re Zappos.com, Inc., Customer Data Security Breach Litigation, рассмотренного окружным судом Невады[154]. Условия пользования платформой Zappos.com были представлены посредством browse-wrap соглашения. Суд отметил, что истец не предпринял достаточных попыток донесения условий соглашения до пользователя. Они находились среди множества других ссылок и веб-сайт не содержал адресаций к таковым;

---

[152] Oberlandesgericht Hamburg. N 3 U 168/00. 13.06.2002.

[153] The Canadian Real Estate Association v. Sutton (Québec) Real Estate Services Inc., Québec Supreme Court. Case № 500-05-074815-026. 10 April 2003.

[154] См.: Фролова Е. Е., Берман А. М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 3. С. 71.

оформление не было заметным и ни один разумный пользователь не смог бы ознакомиться с условиями соглашения. Пользователь физически не способен согласиться с условиями, о существовании которых не знает и не уведомлен, а малозаметная ссылка, затерянная в множестве других ссылок, не обеспечивает такого уведомления. Так, суд установил, что в действительности не имело место акцепта, а потому договор не был заключен.

О.В. Сергеева (О.В. Муратова) замечает, что если американские суды исходят из критериев доступности и достаточной демонстрации условий browse-wrap-соглашений, не проводя различий между пользователем-субъектом коммерческой деятельности и пользователем-потребителем, то английские суды подходят к данному вопросу иначе[155]. Так, например, в деле Spreadex Ltd v. Cochrane Высокий суд Англии отказал в удовлетворении иска о принудительном применении условий пользовательского соглашения в отношении потребителя на том основании, что эти условия крайне трудны для восприятия и не являются персонально обговариваемыми. Потребителю было предложено ознакомиться с условиями соглашения в режиме онлайн. При этом один только один из нескольких документов состоял из 49 страниц. Суд посчитал, в таком случае ответчик также столкнулся со сложной структурой документов и абзацев. Такой подход к ознакомлению с условиями соглашения был признан нерелевантным и направленным на привлечение потребителя к ответственности за любые потенциальные сделки, которые он не санкционировал. В американской же практике (например, в деле Scherillo v. Dun & Bradstreet с участием потребителя) суд вывел действительность browse-wrap-соглашения через принцип «click-wrap». Условия пользования находились в конце главной страницы веб-сайта и были доступны по гиперссылке. Однако при нажатии кнопки пользователь ставил галочку напротив значка «Я согласен с условиями пользования», не содержащих непосредственно текст таковых или ссылку на них. Суд признал юридическую силу заключенного между сторонами соглашения, отметив, что клик по «Я согласен»

[155] См.: Сергеева О. В. Влияние цифровизации на преддоговорные отношения в международном частном праве / Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 168.

является достаточным для подтверждения ознакомления и выражения согласия пользователя с условиями, независимо от того, ознакомился ли он с их полным текстом[156].

С учетом отсутствия прямого законодательного регулирования конструкция browse-wrap-соглашения является весьма спорной. Основным камнем преткновения в признании таких соглашений заключенными выступает фактическое не имевшее место в действительности доведение условий соглашения до другой стороны. Размещение условий на видном месте и уведомление стороны (пользователя) об их изменении, тем не менее, не способствует обеспечению действительности такого соглашения ввиду ненадежности самих идентифицирующих признаков.

Идентификация лица, выразившего волю на совершение сделки посредством конструкции browse-wrap, обеспечивается такими признаками, как следы цифрового поведения и технические данные сессии пользователя, в том числе IP-адрес, cookies, временные метки, и идентификатор устройства. Ни один из такого рода признаков не позволяет с достоверной степенью идентифицировать лицо: IP-адрес присваивается устройству на некоторое время и может обновляться, а также изменяться с использованием VPN-сервисов; временные метки выражаются в последовательности символов и могут быть представлены закодированной информацией; идентификатор устройства связан с устройством, но анонимно и сам по себе не свидетельствует о связи с конкретным лицом. Файлы cookies могут содержать данные для авторизации (логины и пароли), однако такие данные сами по себе без законодательно закрепленной презумпции контроля лица над электронным средством также не свидетельствуют о связи с конкретным лицом. Так, идентифицирующие признаки при использовании конструкции browse-wrap являются ненадежными, цифровых следов недостаточно для идентификации лица и как следствие такое соглашение является незаключенным. Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. не охватывает сферой регулирования browse-wrap соглашения.

---

[156] См.: Родионов А. В. Указ. соч. С. 83.

Представляется, что проблема недостаточной идентификации в browse-wrap соглашениях может быть разрешена.

В деле Holdbrook Pediatric Dental, LLC v. Pro Computer Service, LLC[157] суд округа Нью-Джерси столкнулся с конструкцией соглашения, имеющей характерные для browse-wrap признаки, однако не подходящую под нее в полной мере. Ответчик направил истцу соглашение в электронном виде, которое, помимо основного текста, в конце содержало гиперссылку с дополнительными положениями. Истец распечатал соглашение и подписал его бумажную версию. Рассматривая вопрос о том, включены ли эти отдельные условия, содержащиеся в гиперссылке, в текст соглашения, суд ответил отрицательно. Основанием для такого вывода послужило в том числе то обстоятельство, что условия были обозначены на последней странице соглашения над строкой для подписи, мелким шрифтом, фразой «Скачать условия и положения». Такое размещение условий не выполняет критерий «разумного уведомления» (“reasonable notice”). Суд постановил, что отдельный документ может быть включен посредством гиперссылки, но сторона, которая связана дополнительными условиями, должна быть надлежащим образом уведомлена о них и выразить свое согласие с ними.

В приведенном в пример деле суд округа Нью-Джерси также ссылался на дело Fteja v. Facebook, Inc[158], в котором суд Нью-Йорка постановил, что несмотря на то, что условия соглашения были видны пользователю только во время регистрации по гиперссылке (конструкция browse-wrap), над кнопкой «Зарегистрироваться» было размещено уведомление «Нажимая кнопку «Зарегистрироваться», вы подтверждаете, что прочитали и согласны с Условиями обслуживания» (признаки конструкции click-wrap). То есть обеспечение юридической силы соглашения, заключенного посредством конструкции browse-wrap, возможно, когда содержится уведомление, которое привлекает внимание стороны (пользователя) к гиперссылке.

---

[157] Holdbrook Pediatric Dental, LLC v. Pro Computer Service, LLC. Case № 1:2014cv06115. D.N.J. 2015.

[158] Fteja v. Facebook, Inc. Case № 11 Civ. 918 (RJH). S.D.N.Y. 2012.

Судебная практика последних лет нередко исходит из того, что для признания юридической силы заключенного browse-wrap соглашения необходима адаптация данной конструкции к требованиям законодательства, ее гибридизация.

В деле Berman v. Freedom Financial Network, LLC[159] суд отметил, что сторона-владелец веб-сайта может доказать наличие предполагаемого уведомления, продемонстрировав, что, во-первых, наличествует разумно заметное уведомление об условиях, а, во-вторых, что другая сторона однозначно выражает его согласие с этими условиями каким-либо действием, в частности, нажимает кнопку или ставит галочку. Нельзя не отметить, что последнее фактически превращает конструкцию browse-wrap в click-wrap. Суд по данному делу разработал двухэтапный тест для определения того, являются ли условия использования, представленные на веб-сайте, «разумно заметным уведомлением» (“reasonably conspicuous notice”). Уведомление должно отображаться таким размером шрифта и форматом, чтобы было возможно обоснованно предположить, что разумный пользователь увидел бы его. Когда условия представлены не на самой веб-странице, а в виде гиперссылки, использование контрастного цвета шрифта или написание текста заглавными буквами, по мнению суда, с большей вероятностью привлечет внимание к гиперссылке.

Одним из способов обеспечения ознакомления стороны с условиями browse-wrap соглашения является техническое внедрение обязательной прокрутки стороной (пользователем) текста соглашения по гиперссылке (scroll-up). Поскольку в этом случае сама конструкция изменяется, аккумулирует в себе признаки как browse-wrap, так и click-wrap соглашений, некоторые суды (например, суд округа Массачусетс в деле Gaker v. Citizen's Disability, LLC[160]) выделили отдельную категорию соглашений – hybrid-wrap («гибридные соглашения»).

Недостаточность идентифицирующих признаков при заключении browse-wrap соглашений может быть преодолена путем внедрения дополнительных механизмов аутентификации. При обеспечении регистрации стороны

[159] Berman v. Freedom Financial Network, LLC. Case № 4:18-cv-01060-YGR. F.4th 849. 9th Cir. 2022.
[160] Gaker v. Citizen's Disability, LLC. Case № 1:20-cv-11031-AK. D. Mass. 2023.

(пользователя) в учетной записи, авторизации на веб-сайте через систему мгновенных сообщений, двухфакторную аутентификацию или иную цифровую идентификацию (например, банковскую или государственную), лицо, совершающее действие, может быть идентифицировано.

В отношении выражения воли лица на заключение browse-wrap соглашения видится необходимость поиска возможных вариантов решения проблемы на различных уровнях.

На нормативном уровне – это законодательное закрепление презумпций контроля лица над электронным средством; достоверности при использовании устойчивого делового канала; согласия при устойчивом цифровом взаимодействии. Презумпция контроля над электронным средством при недоказанности отсутствия у лица признаков контроля (уникальные учетные данные, логин и пароль, корпоративная политика доступа), позволит презюмировать, что действия предполагаются совершенными конкретным лицом (пользователем). Презумпция согласия при устойчивом цифровом взаимодействии предусматривает, что, если лицо неоднократно использует цифровую платформу (веб-сайт) через зарегистрированную учетную запись, продолжение использования создает презумпцию согласия с условиями, размещенными на веб-сайте в гиперссылке.

На техническом и договорном уровнях – это меры, направленные на повышение стандарта информирования. Сторонам следует обеспечить достаточную демонстрацию условий, содержащихся в гиперссылке, чтобы это можно было обоснованно считать разумно заметным уведомлением. Такое обеспечение возможно достичь посредством размещения гиперссылки на условия рядом с ключевыми действиями пользователя, визуальным выделением и уведомлением пользователя о применении условий, использовать надлежащий формат, размер, регистр и цвет шрифта гиперссылки. Также применимо техническое внедрение как невозможности продолжения пользования веб-сайтом без нажатия на гиперссылку, так и автоматическое открытие на экране электронного устройства содержания гиперссылки с обязательной прокруткой стороной (пользователем) текста соглашения (scroll-up). В таком случае возможно

заключить, что, с одной стороны, речь действительно идет о гибридизации конструкции browse-wrap, с другой, что это позволит выполнить требование идентификации лица, выразившего волю, предусмотренного Конвенцией об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г.

Shrink-wrap-соглашение предполагает конструкцию так называемого «упаковочного» соглашения, когда условия пользования содержатся «внутри» приобретаемого программного обеспечения. Особенность заключается в том, что до приобретения сторона будущего соглашения не имеет возможности ознакомления с содержащимися условиями, а узнает их после оплаты и приобретения соответствующей программы непосредственно перед установкой, затем нажимает кнопку «С условиями пользования ознакомлен и согласен, перейти к установке».

Неизвестность пользователю условий соглашения выступает основанием для признания сделки недействительной. Однако сами создатели программного обеспечения зачастую исходят из того факта, что после приобретения у пользователя есть возможность либо принять условия, либо отказаться от них путем возврата «товара». В таком случае покупателю возвращаются уплаченные денежные средства, а лицензия на использование отзывается и факт наличия доступа к самому программному обеспечению технически не позволит его дальше использовать.

Хронологически, впервые действительность shrink-wrap-соглашения стала предметом судебного рассмотрения в 1996 году в США. В решении по делу ProCD, Inc. v. Zeidenberg[161] суд установил, что потребителем были нарушены условия лицензионного соглашения, не допускающего использование в коммерческих целях приобретенной базы данных телефонных справочников, содержащейся на CD-диске. На упаковке диска и его внешней стороне не содержались условия лицензионного соглашения, но было уведомление о наличии таковых. После покупки и перед установкой программного обеспечения у пользователя была возможность ознакомиться с условиями, более того, не нажав на кнопку

[161] 86 F.3d 1447, 39 U.S.P.Q.2d 1161, 1 ILRD 634 (7th Cir. 1996).

«Ознакомлен и согласен», программное обеспечение не могло быть установлено. В случае несогласия пользователя с условиями в соглашении предусматривалась возможность осуществить возврат. Суд признал юридическую силу за данным shrink-wrap-соглашением, руководствуясь критериями действительности и исполнимости лицензии, возможности пользователя отказаться от условий лицензионного соглашения путем возврата «товара» продавцу.

В этой связи необходимо отметить и решение по делу Tony Brower, et al. v. Gateway 2000, Inc., et al.[162]. Истцы приобрели у ответчика, компании Gateway 2000, компьютерное оборудование и программное обеспечение. При получении приобретенных товаров истцам также был предоставлен экземпляр Стандартного соглашения об условиях и положениях Gateway 2000, предусматривавшего, что условия становились обязательными для сторон, если потребитель не вернул приобретенные товары в течение 30 дней. В течение этого 30-дневного периода потребитель мог вернуть товар по любой причине. Истцы оставили полученные продукты у себя по истечении 30-дневного срока. Суд признал юридическую силу договора между сторонами, отметив, что у стороны имелась возможность приобрести товар в любом другом месте и она не находилась в положении «бери или уходи» («take it or leave it»); если какое-либо условие договора являлась неприемлемым, сторона имела право отказаться от соглашения, вернув товар.

Впоследствии такого рода соглашения в США получили законодательное регулирование. В целях стандартизации лицензирования программного обеспечения и всех других видов цифровой информации был принят Единый закон о сделках с компьютерной информацией (The Uniform Computer Information Transaction Act). В пункте А раздела 209 предусмотрено, что сторона принимает условия лицензии, предназначенной для массовой продажи (mass-market license) только в том случае, если сторона соглашается с лицензией, например, путем выражения согласия до или во время первоначального исполнения, использования или доступа к информации стороной. При этом пунктом В раздела 209 устанавливается, что в случаях, когда условия лицензионного соглашения

[162] 676 N.Y.S.2d 569, 1998 N.Y. App. Div. Lexis 8872 (1st Dept. N.Y., August 13, 1998).

недоступны таким образом, чтобы лицензиат мог ознакомиться с ними до того, как у него возникнет обязательство произвести оплату, и лицензиат с таковыми не соглашается, он имеет право на возврат. С регламентацией появились четкие критерии, выполнив которые, shrink-wrap-соглашения будут признаваться действительными.

Для признания действительными shrink-wrap соглашений необходимо выполнять ряд правил: размещать уведомление о наличии лицензионного соглашения на упаковке продукта в физическом виде или в электронном (для цифровых товаров), обеспечить техническую невозможность установления программного обеспечения без щелчка мыши по кнопке «С условиями ознакомлен и согласен», при несогласии стороны с условиями соглашения обеспечить возможность возврата товара, в том числе цифрового.

Обеспечение действительности shrink-wrap соглашений как способа заключения электронной трансграничной коммерческой сделки достигается за счет наличия на товаре предупреждения (уведомления) о существовании лицензионного соглашения и возможность возврата товара при несогласии стороны с условиями такового. Волеизъявление лица проявляется в действии, свидетельствующим о намерении использовать продукт – вскрытием упаковки, установкой или активацией программного обеспечения.

Попытки решения проблемы анонимизации субъекта договора – сильной стороны – были предприняты законодателем. Например, в действующем российском законодательстве закреплены обязанность маркетплейса предоставлять покупателям информацию о продавце товара (п. 1.2 ст. 9 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей») и обязанность самого продавца предоставлять такие сведения маркетплейсу (п. 19 постановления Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463)[163]. Как это было рассмотрено, и сами маркетплейсы, включая, например, «Ozon», «Яндекс.Маркет», «Amazon», в

[163] См.: Мельник В. Д. О некоторых особенностях интернет-споров, возникающих из сделок, совершенных на маркетплейсах // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 5. С. 49–50.

соглашениях об использовании сервисов содержат положения о праве предоставления информации о продавце товара третьим лицам в случае возникновения спора. Также, как правило, на страницах товара указывается наименование продавца и его ИНН. Однако не во всех случаях информация, которой располагает маркетплейс о продавце, соответствует действительности, не была изменена или же изначально была достоверна.

В таком случае единственно эффективным решением представляется установление более жестких требований в отношении продавцов, не ограничиваясь предоставлением ими лишь учредительных документов. Разработка и имплементация ужесточенных процедур для размещения товаров продавца на маркетплейсе потенциально позволит не только предпринять шаги в сторону решения проблемы идентификации, но и исключить коммерческую деятельность недобросовестных продавцов, случаи предложения одного товара под видом другого (misselling), искажения и/или представление неполной информации о товаре (misinforming). Очевидно, что без создания соответствующего правового регулирования, сами маркетплейсы маловероятно предпримут шаги в данном направлении.

В отношении контрагента – покупателя в статусе юридического лица или индивидуального предпринимателя – предоставление идентифицирующих сторону данных, использование электронной цифровой подписи решают проблему анонимизации. Однако имеющиеся технические средства не позволят идентифицировать сторону, если сделка совершается в статусе физического лица, но в коммерческих целях, например, закупка товаров через электронного агента или на маркетплейсах. Как уже отмечалось, IP-адрес определяет устройство, а не отправителя и посредством использования VPN-сервисов может быть изменен. Не позволят осуществить идентификацию и файлы cookie, поскольку содержат информацию о поведении пользователя, о характеристиках устройства, но не о самом пользователе[164].

---

[164] См.: Родионов А. В. Указ. соч. С. 83.

Так, решение проблемы представляется целесообразным находить на других, предшествующих заключению сделок, этапах. В широком смысле – это исключение облегченных способов подтверждения личности. В частности, исключить возможность обойти идентификацию по номеру телефона посредством получения кода на виртуальный номер с помощью соответствующих сервисов. Поскольку минимальным идентификационным признаком физического лица выступает номер телефона и его подтверждение через смс-код, законодательное требование о регистрации физической сим-карты при предъявлении документа, удостоверяющего личность, может быть распространено и на виртуальные сим-карты.

§ 2.2. Признание электронных подписей, созданных в соответствии с нормами иностранного права и международными стандартами

Электронная цифровая подпись представляет собой разновидность электронной подписи, основанную на применении криптографических средств, обеспечивающих не только идентификацию подписанта, но и целостность электронного сообщения[165]. В свою очередь, электронная подпись является более широким понятием и включает в себя различные способы подписания документов. К таким относятся использование графической функции рукописного ввода; добавление в документ изображения, которое содержит отсканированную подпись на бумаге; указание ФИО подписанта в конце документа; использование приложения Госключ; а также способы, связанные с использованием криптографии.

В ст. 2 Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных подписях 2001 г. (далее – Типовой закон об электронных подписях) под электронной подписью понимаются данные в электронной форме, которые содержатся в сообщении данных, приложены к нему или логически ассоциируются с ним и которые могут быть использованы для идентификации подписавшего в связи с сообщением

[165] См.: Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. С. 298–299.

данных и указания на то, что подписавший согласен с информацией, содержащейся в сообщении данных[166].

Типовой закон об электронных подписях предусматривает сочетание моделей технологически нейтрального регулирования и установления критериев технической надежности электронных подписей. Так, в ст. 6 установлено, что в тех случаях, когда законодательство требует наличия подписи лица, это требование считается выполненным в отношении сообщения данных, если использована электронная подпись, которая является настолько надежной, насколько это соответствует цели, для которой сообщение данных было подготовлено или передано, с учетом всех обстоятельств, включая любые соответствующие договоренности[167].

Электронная подпись считается надежной и удовлетворяющей требования, если:

– данные для создания электронной подписи в том контексте, в котором они используются, связаны с подписавшим и ни с каким другим лицом;

– данные для создания электронной подписи в момент подписания находились под контролем подписавшего и никакого другого лица;

– любое изменение, внесенное в электронную подпись после момента подписания, поддается обнаружению;

– в тех случаях, когда одна из целей юридического требования в отношении наличия подписи заключается в гарантировании целостности информации, к которой она относится, любое изменение, внесенное в эту информацию после момента подписания, поддается обнаружению.

В России действовавший до 1 июля 2013 г. Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи» 2002 г. регулировал узкий спектр электронных подписей – лишь только цифровых. В контексте признания иностранной

---

[166] Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях (принят ЮНСИТРАЛ 05.07.2001) и Руководство по принятию 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/ml-elecsig-r.pdf (дата обращения: 07.12.2024).

[167] Там же.

электронной подписи Д.А. Ловцов и Л.В. Терентьева обращали внимание, что для признания иностранного сертификата ключа подписи в РФ ст. 18 Федерального закона «Об электронной цифровой подписи» 2002 г. предусматривала необходимость выполнения процедур признания юридического значения иностранных документов [168] . Такая процедура осуществляется посредством консульской легализации или апостилирования. При этом указанное положение не конкретизировало объект, в отношении которого должна быть выполнена процедура признания юридического значения иностранного документа: является ли таковым сертификат ключа подписи или сама электронная подпись.

В целях устранения недостатков правового регулирования в 2011 г. был принят Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[169] (далее – Закон об электронной подписи 2011 г.). В отличие от ранее действовавшего, новый Закон об электронной подписи 2011 г. значительно в большей степени согласуется с положениями Типового закона об электронных подписях, а также текстуально созвучен с Директивой ЕС 1999/93/ЕС по электронным подписям.

В ст. 2 Закона об электронной подписи 2011 г. под электронной подписью понимается информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию[170].

О направленности положений указанного Закона на устранение существовавших барьеров к допустимости не только цифровой подписи свидетельствуют и провозглашенные в ст. 4 принципы использования электронной подписи. В частности, принцип возможности использования любой информационной технологии и технических средств; принцип недопустимости непризнания юридической силы электронной подписи только на основании того,

---

[168] Ловцов Д. А., Терентьева Л. В. Правовое регулирование международных коммерческих электронных контрактов. Технологические и правовые аспекты электронной подписи // Lex russica. 2020. Т. 73. № 7. С. 120.

[169] Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

[170] Там же.

что такая электронная подпись создана не собственноручно, а с использованием средств для автоматического создания электронных подписей в информационной системе.

Закон об электронной подписи 2011 г. выделяет три вида электронных подписей: простая электронная подпись; усиленная неквалифицированная электронная подпись; усиленная квалифицированная электронная подпись.

Понятие простой электронной подписи охватывает использование комбинации логина и пароля для входа в любого рода информационный ресурс, включая банковские приложения и веб-сайты, предоставляющие государственные и муниципальные услуги, коммерческие услуги, справочную информацию; подтверждение совершения юридически значимых действий (транзакции, изменения персональных данных) посредством ввода автоматически сгенерированного кода из SMS-сообщения в соответствующую форму в приложении или на веб-сайте. Такая подпись способна выполнять условие идентификации подписантов, однако не может гарантировать сохранение и воспроизводство содержащейся информации в ее неизменном виде, а потому не может применяться при осуществлении электронных трансграничных коммерческих сделок.

Усиленная неквалифицированная электронная подпись обладает такими признаками, как наличие криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи; позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ; позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания.

В отличие от простой электронной подписи, усиленная неквалифицированная выполняет не только условие об идентификации подписавшего документ лица, но и о сохранении информации в ее неизменном виде, то есть выполняет защитную функцию. Тем не менее такая подпись не может применяться в любых правоотношениях. В ст. 6 Закон об электронной подписи 2011 г. ограничивает признание юридической силы документа, подписанного простой электронной подписью и неквалифицированной электронной подписью

равнозначной документу на бумажном носителе случаями, установленными нормативными правовыми актами или соглашением между участниками электронного взаимодействия.

Усиленная квалифицированная электронная подпись характеризуется всеми признаками, присущими неквалифицированной, а также имеет ключ проверки электронной подписи, указанный в квалифицированном сертификате. В отношении ее создания и проверки используются средства электронной подписи, соответствующие требованиям Закона об электронной подписи 2011 г. Квалифицированная электронная подпись носит универсальный характер и применяется во всех случаях, кроме тех, когда законодательство РФ содержит требование о составлении документа исключительно на бумажном носителе. Юридическая сила документа, подписанного усиленной электронной подписью равнозначна документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью и заверенному печатью, что прямо следует из ч. 3 ст. 6 Закона об электронной подписи 2011 г. При этом не требуется специального указания на это в специальном законе, ином правовом акте или соглашении сторон.

Как отмечает А.И. Савельев, с принятием нового закона квалифицированная электронная подпись стала не единственно возможным, а одним из возможных видов электронной подписи [171]. Вместе с тем многоуровневое регулирование требований к деятельности аккредитованных удостоверяющих центров, сертификатам ключей проверки электронной подписи и средствам электронной подписи, а также порядку использования квалифицированной электронной подписи в конкретных правоотношениях, свидетельствует о особом статусе усиленной квалифицированной электронной подписи.

В то же время, если коснуться практического применения подписантом того или иного вида электронной подписи, простая электронная подпись отличается доступностью использования по отношению к усиленным. Несмотря на то, что усиленная неквалифицированная электронная подпись является технически более

[171] См.: Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. С. 306.

эффективной и совершенной, законодатель не предоставляет ей больших преимуществ, чем простой электронной подписи. Использование неквалифицированной подписи требует материальных и ресурсных затрат на приобретение материального носителя, получения сертификата подписи и его проверки, что делает ее малопригодной для торгового оборота.

В отношении признания усиленной иностранной электронной подписи ст. 7 Закона об электронной подписи 2011 г. предусматривает, что признание и применение электронных подписей, созданных в соответствии с нормами права иностранного государства и международными стандартами, осуществляются в случаях, установленных международными договорами РФ. При отсутствии международного договора участники электронного взаимодействия могут предусмотреть применение электронных подписей соглашением сторон. В обоих случаях необходимо подтверждение соответствия подписей требованиям аккредитованной доверенной третьей стороной, аккредитованным удостоверяющим центром или иным уполномоченным лицом.

В свою очередь Д.А. Ловцов и Л.В. Терентьева также обращали внимание на законодательное закрепление принципа недискриминации электронной подписи и самого электронного документа только на том основании, что сертификат ключа проверки электронной подписи выдан в соответствии с нормами иностранного права[172]. При этом авторами отмечается, что действующая редакция ч. 1 статьи 7 Закона об электронной подписи 2011 г. предполагает, что вопрос функционального назначения иностранной электронной подписи и к какому виду подписи она должна быть отнесена, разрешается на основании критериев, закрепленных в российском праве, а не исходя из ее квалификации в государстве происхождения[173]. Применение в иностранных государствах собственных криптографических стандартов и форматов сертификатов обуславливают затруднительность признания иностранной электронной подписи в качестве усиленной

[172] См.: Ловцов Д. А., Терентьева Л. В. Правовое регулирование международных коммерческих электронных контрактов. Технологические и правовые аспекты электронной подписи // Lex russica. 2020. Т. 73. № 7. С. 120.
[173] См.: там же. С. 121.

квалифицированной, в частности, в силу проблематичности выполнения требования российского законодательства о наличии квалифицированного сертификата, выданного аккредитованным удостоверяющим центром, а также об использовании средств электронной подписи, соответствующих установленным национальным требованиям.

Так, различия в технических стандартах и процедурах удостоверения подлинности электронной подписи могут создавать препятствия для признания иностранных электронных подписей даже в случаях, когда такие подписи обеспечивают сопоставимый уровень достоверности идентификации подписанта и контроля целостности электронного документа. В целях устранения указанных препятствий является недостаточным закрепление в ст. 7 Закона об электронной подписи 2011 г. принципа недискриминации, необходимо также внедрение принципа функциональной эквивалентности, содержащимся в Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронных подписях. Обеспечение возможности опираться именно на по существу эквивалентный уровень надежности в отношении иностранной электронной подписи создаст правовое условие для внедрения механизмов взаимного признания иностранных электронных подписей.

В связи с этим представляется целесообразным дополнить часть 1 статьи 7 Закона об электронной подписи 2011 г. положением, согласно которому соответствие электронной подписи, созданной в соответствии с нормами иностранного права и международными стандартами, видам электронных подписей, предусмотренным законодательством Российской Федерации, определяется исходя из выполняемых ею функций по идентификации подписанта, подтверждению его волеизъявления и обеспечению контроля целостности электронного документа, независимо от используемых криптографических алгоритмов, стандартов и форматов сертификатов в иностранном государстве.

Разработка и внедрение эффективного механизма признания иностранных электронных подписей позволит как осуществлять трансграничные сделки и электронный документооборот между российскими и иностранными компаниями, так и производить взаиморасчеты с физическими и юридическими лицами. Однако

вести речь об универсальности такого механизма представляется затруднительным. Проблема множественности стандартов условий технической совместимости сертификатов выступает камнем преткновения в признании иностранных электронных подписей на уровне всех существующих государств. Решение может быть найдено на двухстороннем и региональном уровнях.

Примечателен опыт по разработке и внедрению механизма взаимного признания электронных подписей, предусмотренный Соглашением между Аргентиной и Чили 2017 г. [174] В рамках данной модели договаривающиеся государства определяют перечень аккредитованных поставщиков сертификатов электронной подписи (удостоверяющих центров), осуществляют взаимное признание таких поставщиков при условии эквивалентности требований к их деятельности, обеспечивают возможность проверки сертификатов через национальные инфраструктуры открытых ключей (PKI), признают юридическую силу электронной подписи, созданной с использованием сертификата, выданного в другой стране, без необходимости дополнительной верификации через посредника. Ключевыми характеристиками такого механизма являются взаимное признание аккредитованных удостоверяющих центров и прямая проверка сертификатов в рамках национальных систем, основанные на тождественности национальных стандартов регулирования. Идентичная модель предусмотрена в Соглашении относительно взаимного признании сертификатов ключа цифровой подписи 2019 г.[175] в рамках экономического и таможенного союза МЕРКОСУР (Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай и Венесуэла, а также ассоциированные члены)

---

[174] Apruébese el acuerdo de reconocimiento mutuo de certificados de firma digital suscripto con fecha 2 de Noviembre de 2017 entre la República Argentina y la República de Chile [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://tratados.cancilleria.gob.ar/tratado_archivo.php%3Ftratados_id%3DkqSrl5M%3D%26tipo%3Dkg%3D%3D%26id%3Dkp6lmZg%3D%26caso%3Dpdf&ved=2ahUKEwjlwMfCyfqSAxUMLRAIHWJRBB0QFnoECCMQAQ&usg=AOvVaw3_XzodoZIgUWUQvxh3NauT (дата обращения: 13.02.2025).

[175] Acuerdo de Reconocimiento Mutuo de Certificados de Firma Digital del Mercosur. Mercosur/Cmc/Dec. № 11/19 [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://normas.mercosur.int/simfiles/normativas/75396_DEC_011-2019_ES_Acuerdo%20Firma%20Digital.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

Как отмечала С.Г. Чубукова, решение такого рода вопросов невозможно без разработки единой концепции правового регулирования международного информационного обмена, а также развития механизма сотрудничества государств в рамках международных организаций по информационно-техническим вопросам[176].

В контексте решения указанной проблемы опыт стран Европейского союза демонстрирует, что лишь только принятия акта регионального характера является недостаточным.

Директива об электронных подписях 1999/93/ЕС провозглашала принцип недискриминации, устанавливала общие требования к квалифицированным сертификатам и удостоверяющим центрам, включала рекомендации по безопасности проверки подписей. В то же время указанная Директива предоставляла свободу действий странам-участникам в отношении имплементации ее положений. В результате, в национальном праве государств были приняты разнородные и диверсифицированные законы.

В целях осуществления унификации стандартов условий совместимости технических алгоритмов электронных подписей правовое регулирование не может носить декларативный и/или диспозитивный характер. Только лишь создание единообразных правовых норм в национальном праве, надлежащим образом разработанный перечень требований и технологий, которые могут быть использованы, а также четкие процедуры применения положений международного акта выступят предпосылкой для решения рассматриваемой проблемы.

В результате анализа и пересмотра недостатков существовавшего правового регулирования странами Европейского союза был принят Регламент eIDAS[177]. Единство стандартов и правил, нашедшее отражение в национальном праве государств-участников, способствовало эффективной реализации механизма

---

[176] См.: Чубукова С. Г. Развитие концепции правового регулирования международного информационного обмена // Правовая информатика. 2018. № 4. С. 63.

[177] Regulation (EU) № 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC [Electronic resource]. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2014.257.01.0073.01.ENG (дата обращения: 15.04.2025).

безопасного совершения сделок с использованием электронной подписи и электронной печати. Регламент eIDAS предусматривает также три вида электронных подписей (простая, усовершенствованная (advanced) и квалифицированная (qualified)). Механизм признания иностранных электронных подписей в рамках ЕС основан на установлении единых стандартов к средствам создания подписи и сертификатам; использовании национальных доверенных списков (trusted lists), которые являются ключевым элементом в формировании доверия между участниками рынка и содержат сведения о поставщиках услуг; обеспечении процедуры проверки подлинности подписи на основе открытых ключей и сертификатов[178].

В отличие от ЕС, в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) подобный механизм отсутствует, хотя сама идея его разработки является перспективной и без сомнений окажет положительный эффект на осуществление коммерческой деятельности между хозяйствующими субъектами его членов.

В 2023 году Коллегией Евразийской экономической комиссией было принято Решение «О Правилах признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе…»[179], принятое в 2023 году. Процедура признания, предусмотренная документом, фактически предполагает не автоматическое признание электронных подписей, а механическую проверку по конкретному запросу. Ключевая роль принадлежит доверенной третьей стороне. Доверенная третья сторона отправителя получает запрос от доверенной третьей стороны получателя, выполняет проверку подписи, формирует квитанцию с результатами проверки и передает сформированную квитанцию доверенной третьей стороне получателя. Так, механизм сводится к процедуре технической

[178] Там же.

[179] Решение Коллегии ЕЭК № 120 от 22.08.2023 г. О Правилах признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе и обеспечения юридической силы электронных документов при трансграничном информационном взаимодействии юридических лиц (хозяйствующих субъектов) с уполномоченными органами государств – членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией с использованием службы доверенной третьей стороны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01440785/err_24082023_120 (дата обращения: 13.02.2025).

проверки электронной подписи и не формирует самостоятельного режима трансграничного признания.

Что касается анализа возможности внедрения механизма признания иностранных электронных подписей в рамках ЕАЭС, представляется необходимым отметить следующее.

Статья 13 Закона Республики Армения об электронном документе и электронной цифровой подписи 2004 г. устанавливает, что сертификат электронной цифровой подписи должен содержать уникальный регистрационный номер сертификата; фамилию, имя владельца или его криптоним (псевдоним); данные проверки электронной цифровой подписи; день, месяц, год выдачи сертификата электронной цифровой подписи; название центра, удостоверяющего электронную цифровую подпись, адрес осуществления им своей деятельности и место нахождения юридического лица[180]. В ст. 10 указанного закона установлено, что если международными договорами Республики Армения установлены нормы, отличные от предусмотренных настоящим Законом, то применяются нормы международного договора Республики Армения.

В ст. 26 Закона Республики Беларусь об электронном документе и электронной цифровой подписи 2009 г. установлено, что сертификат открытого ключа должен содержать значение открытого ключа; информацию, однозначно идентифицирующую организацию или физическое лицо, являющиеся владельцем открытого ключа; информацию о сроке действия открытого ключа[181]. Статья 30 указанного закона предусматривает признание иностранного сертификата открытого ключа в случаях и порядке, определенных международным договором Республики Беларусь.

В ст. 14 Закона Кыргызской Республики об электронной подписи 2017 г. установлено, что сертификат ключа проверки подписи должен содержать даты

---

[180] Закон Республики Армения об электронном документе и электронной цифровой подписи от 14.12.2004 № ЗР-40-Н 2004 г. // СДЗ РА 2004–2005 гг. том 9.

[181] Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2010 г., № 15, 2/1665.

начала и окончания срока его действия; фамилию, имя, отчество для физических лиц (наименование – для юридических лиц) или иной идентификатор владельца сертификата; ключ проверки подписи; наименование используемого средства электронной подписи; наименование удостоверяющего центра, который выдал сертификат[182]. В отношении признания иностранных электронных подписей в ст. 7 установлено, что электронные подписи, созданные в соответствии с нормами права иностранного государства, в Кыргызской Республике признаются электронными подписями того вида, признакам которого они отвечают в соответствии с указанном законом.

Наконец, Закон Республики Казахстан об электронном документе и электронной цифровой подписи 2003 г. устанавливает, что регистрационное свидетельство должно содержать номер свидетельства и срок его действия; данные, позволяющие идентифицировать владельца электронной цифровой подписи; открытый ключ электронной цифровой подписи; информацию о сферах применения и ограничениях применения электронной цифровой подписи; реквизиты соответствующего удостоверяющего центра [183] . Иностранная электронная цифровая подпись согласно ст. 13 указанного закона признается на территории Республики Казахстан если удостоверена подлинность доверенной третьей стороной Республики Казахстан; лицо, подписавшее электронный документ, правомерно владеет закрытым ключом иностранной электронной цифровой подписи; сформирована средствами электронной цифровой подписи иностранного удостоверяющего центра, зарегистрированного в доверенной третьей стороне Республики Казахстан, или иностранного удостоверяющего центра, зарегистрированного в доверенной третьей стороне иностранного государства, зарегистрированной в доверенной третьей стороне Республики Казахстан.

---

[182] Закон Кыргызской Республики от 19 июля 2017 года № 128 «Об электронной подписи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/111635/edition/985628/ru (дата обращения: 12.05.2025).

[183] Закон Республики Казахстан от 7 января 2003 года № 370 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2003 г., № 1–2, ст. 1.

Таким образом, законодательство государств-участников ЕАЭС отражает достаточную степень гармонизации в отношении установления перечня информации, которая должна содержаться в сертификате ключа проверки электронной подписи; функций и требований в отношении удостоверяющего центра; принципа недискриминации электронной подписи, созданной на основании норм иностранного права; нормы о признании иностранной электронной подписи в порядке, установленном международным договором.

На сегодняшний день единственным международным договором РФ в сфере признания иностранной электронной подписи является принятое Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке признания электронной подписи (электронной цифровой подписи) в электронном документе при трансграничном электронном взаимодействии 2024 г.[184] (далее – Соглашение о порядке признания электронной подписи 2024 г.).

Соглашение о порядке признания электронной подписи 2024 г. устанавливает принципы обеспечения юридической значимости электронных документов при трансграничном электронном взаимодействии. В частности, ст. 3 провозглашает принцип проверки действительности электронной подписи посредством взаимодействия доверенных третьих сторон участников соглашения; использования определенных криптографических стандартов; проверки полномочий участников электронного взаимодействия в соответствии с законодательством государства-регистрации.

Соглашение о порядке признания электронной подписи 2024 г. устанавливает подробный и исчерпывающий перечень условий, которым должна соответствовать электронная цифровая подпись. Определено, какие органы и организации выполняют функции доверенной третьей стороны и удостоверяющего

---

[184] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке признания электронной подписи (электронной цифровой подписи) в электронном документе при трансграничном электронном взаимодействии (заключено 15.04.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62478/ (дата обращения: 07.01.2025).

центра, а также их основные задачи. Юридическая значимость электронных документов обеспечивается одновременном соблюдении семи условий. В частности, сертификат ключа проверки должен быть выдан аккредитованным удостоверяющим центром, действителен, иметь положительные результаты проверок принадлежности владельцу и соответствия установленным требованиям.

Так, опыт Союзного государства РФ и Республики Беларусь по принятию Соглашения о порядке признания электронной подписи 2024 г. демонстрирует пример правового регулирования, которое содержит надлежащим образом разработанный перечень требований и условий для обеспечения юридической силы документов, подписанных электронной цифровой подписью, а также определения субъектов электронного документооборота и их правового статуса. С некоторым уточнениями отдельные элементы механизма, предусмотренного Соглашением о порядке признания электронной подписи 2024 г., могут быть взяты за основу для разработки правовой модели признания иностранных электронных подписей в рамках ЕАЭС.

Предлагаемая модель состоит в формировании международно-правового механизма на уровне государств, предусматривающего:

– назначение договаривающимися государствами доверенных третьих лиц, которые, осуществляют функции по проверке электронной подписи на предмет соответствия требованиям; функцию таких центров должны осуществлять головные удостоверяющие центры;

– проверка действительности электронной подписи, обеспечиваемой посредством взаимодействия головных удостоверяющих центров;

– использование согласованных уполномоченными органами государств криптографических стандартов электронной подписи для взаимодействия между головными удостоверяющими центрами;

– обеспечение головным удостоверяющим центром проверки электронной подписи отправителя, созданной в соответствии с законодательством государства, в котором зарегистрирован и осуществляет свою деятельность отправитель, а

также создание и подписание электронной подписью квитанции с результатом такой проверки.

Представляется, что такая модель признания иностранных электронных подписей может быть использована как на универсальном, так и региональном и двухстороннем уровнях. Однако предпосылкой для ее внедрения является обеспечение тождественности национальных стандартов регулирования, потому наиболее успешно предложенная модель может быть имплементирована в региональных организациях с высокой степенью гармонизации национального законодательства ее членов, в частности, в ЕАЭС.

Очевидно, что не многие государства характеризуются высокой степенью гармонизации национальных стандартов регулирования электронной подписи и использованием одинаковых технологий. Так, одной такой модели недостаточно для решения проблемы. Необходимо предусмотреть альтернативный механизм, который может быть внедрен для государств с невысокой степенью гармонизации национального законодательства (в рамках объединения БРИКС, на двухстороннем уровне, например, Россия-Китай или Россия-Вьетнам и т.п.).

В отличие от ЕАЭС, БРИКС не является институциональной организацией, это межгосударственное неформальное объединение. Концептуальные характеристики партнерства БРИКС находятся еще в процессе становления. Вследствие этого вопрос о внедрении механизма признания иностранных электронных подписей между членами данного объединения требуется рассматривать с учетом его структурных и содержательных особенностей.

Особенности формирования структуры БРИКС исследовал Д.В. Кофейников. Автор отметил, что государства из разных политических и экономических систем начали объединяться не посредством принятия нормативного акта, предусматривающего создание институциональной структуры, что обычно характерно для таможенных союзов или ассоциаций свободной торговли[185]. В

[185] См.: Кофейников Д. В. Международно-правовое регулирование электронной торговли государств БРИКС : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – М., 2019. С. 15–16.

результате БРИКС с момента появления по настоящее время существует, по мнению Д.В. Кофейникова, как «неформальный «клуб для переговоров» или форум для выработки единых позиций»[186].

С одной стороны, возникновение БРИКС было обусловлено экономико-политическими факторами. После распада СССР установилась однополярная модель, которая обеспечивала интересы только развитых стран, в некотором смысле нивелировала самостоятельность и национальную идентичность союзников. Потребность в изменении сложившегося несправедливого порядка вещей, обеспечении суверенитета всех государств и сохранении их культурно-цивилизационной идентичности детерминировала необходимость в формировании многополярной модели мироустройства. Объединившиеся государства преследовали цель реформировать систему международного регулирования, обеспечить становление новой экономической системы, поливалютной финансовой системы, равного доступа стран к источникам финансирования и рынкам сбыта[187].

С другой стороны, БРИКС объединяет десять государств с характерным экономическим потенциалом и влиянием, расположенных на всех континентах. Особенности географического расположения участников предопределяют многообразие исторической, культурной, религиозной и правовой традиций. БРИКС выступает качественно новой, уникальной моделью полицентрического мира[188]. С присоединением новых участников (с 1 января 2024 г. Египта, Ирана, ОАЭ, Эфиопии, а с 6 января 2025 г. Индонезии) в большей степени проявляется культурно-цивилизационных, этнических и правовых характеристик членов объединения.

---

[186] Там же. С. 16.

[187] См.: Астахов Е. М. БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 1 (46). С. 43–44.

[188] См.: Виноградов А. В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 47.

Первичные цели БРИКС заключаются в снижении рисков, возникающих в результате геополитической и геоэкономической фрагментации, что требует углубления и развития финансово-экономического сотрудничества.

В Казанской декларации, принятой 23 октября 2024 г. на XVI саммите БРИКС, главы государств и правительств стран-членов объединения обязались активизировать усилия области торговли; заявили о приверженности укреплению финансового сотрудничества, о признании преимуществ более быстрых, эффективных, прозрачных, безопасных трансграничных платежных инструментов, основанных на принципах минимизации торговых барьеров; поручили министрам финансов и руководителям центральных банков продолжить рассмотрение вопроса использования национальных валют, платежных инструментов и платформ[189]. Так, разработка и имплементация механизма признания иностранных электронных подписей в рамках БРИКС соответствует целям и задачам объединения.

Примечательно и то, какое положение занимают члены БРИКС в других организациях: КНР и РФ являются постоянными членами Совета Безопасности ООН; Индия, Бразилия и ЮАР являются участниками форума G20; Бразилия входит в МЕРКОСУР; ЮАР и Эфиопия – в Африканский Союз; Индия, Китай и РФ – в ШОС; Индия – в Ассоциацию регионального сотрудничества Южной Азии; Египет и ОАЭ – в Лигу арабских государств. Каждое из государств играет значительную роль в рамках своего континента (Бразилия – в Латинской Америке, ЮАР – в Африке). Совокупный ВВП членов объединения составляет треть мирового ВВП [190] . Потому инициативы, реализованные в рамках такого партнерства, потенциально могут быть экстраполированы на международный универсальный уровень.

---

[189] Казанская декларация. XVI Саммит БРИКС. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация. 23 октября 2024 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/Казанская_декларация.pdf?1729693488382423 (дата обращения: 01.02.2025).

[190] См.: Астахов Е. М. БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 1 (46). С. 43–45.

Проблема множественности стандартов, предусмотренных в национальном праве стран-участниц БРИКС, а также условий технической совместимости сертификатов выступает камнем преткновения в признании иностранных электронных подписей на уровне всех членов БРИКС[191].

Д.В. Кофейников проводил сравнительный анализ правового регулирования электронной торговли в государствах БРИКС, однако не затрагивал законодательство об электронных подписях [192] . Затруднительность создания механизма взаимного признания электронных подписей в БРИКС обусловлена невысокой степенью гармонизации национального законодательства участников, отсутствием единого экономического пространства, прогрессивным подходом ряда стран в регулировании электронной коммерции (например, ОАЭ, ЮАР).

В общем виде требования в отношении надежности и безопасности электронной подписи, идентификации владельца сертификата ключа подписи и удостоверяющего центра, возможности отслеживания внесенных в документ изменений характерны для национального права всех членов объединения. Тем не менее специальные нормы законодательства членов БРИКС не характеризуются единообразием и идентичным понятийно-категориальным аппаратом.

Например, Закон КНР об электронной подписи 2004 г. не признает классификации электронных подписей на простые и усиленные, не упоминает характеристики «цифровая», выделяет лишь электронную подпись (electronic signature)[193]. В ст. 13 закона устанавливаются критерии надежности электронной подписи: возможность определить подписанта; использование электронной подписи контролируется только ее владельцем; после ввода подписи любое изменение, внесенное в электронную подпись, может быть обнаружено; и можно обнаружить любые изменения, внесенные в содержание и форму сообщения

---

[191] См.: Родионов А. В. О возможности признания иностранной электронной подписи в рамках БРИКС // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3 (127). С. 229–230.
[192] См.: Кофейников Д. В. Указ. соч. С. 127–142.
[193] Electronic Signature Law of the People's Republic of China. Adopted at the 11th Meeting of the Standing Committee of the Tenth National People's Congress on August 28, 2004 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/05/content_1381960.htm (дата обращения: 05.03.2025).

данных. При сопоставлении с признаваемыми видами электронной подписи в российском праве можно сделать вывод о том, что установленные критерии соответствуют усиленной неквалифицированной электронной подписи.

В соответствии со ст. 21 Закона КНР об электронной подписи сертификат электронной подписи должен быть точным и не содержать ошибок, в нем должны быть четко указаны следующие сведения: название удостоверяющего центра (electronic verification service); имя владельца сертификата; номер сертификата; срок действия сертификата; данные проверки электронной подписи. Такие требования тождественны предъявляемым сертификату ключа проверки в российском Законе об электронной подписи 2011 г.

Критерии надежности электронной подписи, закрепленные в ст. 13 Закона КНР об электронной подписи 2004 г. полностью идентичны установленным в ст. 3А Закона Республики Индия об информационных технологиях 2000 г.[194].

Законодательство Федеративной Республики Бразилия исходит из того, что цифровая подпись (digital signature) должна обладать свойствами целостности, аутентичности и неопровержимости[195]. Целостность предполагает неизменность документа, подписанного цифровой подписью, посредством использования криптографического преобразования информации. Аутентичность предусматривает использование закрытого ключа электронной подписи. Неопровержимость – гарантию подлинности содержащейся информации.

Закон ЮАР об электронных коммуникациях и сделках 2002 г., помимо электронной подписи (electronic signature), отдельно выделяет усиленную (квалифицированную) электронную подпись (advanced electronic signature). Под ней понимается электронная подпись, которая выданная поставщиком сертификационных услуг, получившего аккредитацию компетентного органа[196]. В

---

[194] The Information Technology Act, 2000 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/13116/1/it_act_2000_updated.pdf (дата обращения: 10.03.2025).

[195] Medida provisória Nº 2.200-2, de 24 de agosto de 2001 [Recurso eletrônico]. – Modo de acesso: https://www2.camara.leg.br/legin/fed/medpro/2001/medidaprovisoria-2200-2-24-agosto-2001-391394-normaatualizada-pe.doc (дата обращения: 14.03.2025).

[196] Electronic Communications and Transactions Act 30 August 2002 [Updated to 1 December 2021] [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.saflii.org/za/legis/consol_act/ecata2002427.pdf

качестве критериев для аккредитации в отношении самой подписи закон устанавливает: наличие уникальной связи с пользователем; способность идентифицировать этого пользователя; использование средств, которые могут быть осуществлены под исключительным контролем этого пользователя; связанность с содержащейся информацией таким образом, что любое последующее изменение будет обнаружено. Так, несмотря на специфику используемой в законодательстве терминологии, общий смысл правового регулирования электронной подписи в ЮАР аналогичен правовым системам вышерассмотренных государств.

В Эфиопии цифровая подпись (digital signature) в п. 4 Постановления об электронной подписи 2018 г. определяется как электронная подпись, использующая асимметричную криптосистему (asymmetric cryptosystem) и отвечающая таким требованиям как: однозначно связана с подписавшим лицом; способна идентифицировать подписавшее лицо; создается с использованием закрытого ключа, которым подписант владеет единолично; любое последующее изменение электронного сообщения или подписи можно обнаружить[197]. При этом эфиопское законодательство устанавливает довольно расширенный перечень информации, которую должен содержать сертификат ключа подписи, нежели законодательство остальных членов БРИКС. Так, в соответствии с п. 33 Постановления об электронной подписи 2018 г. любой сертификат должен содержать имя и адрес абонента; личную информацию или другие атрибуты абонента; открытый ключ, соответствующий закрытому ключу абонента; цифровую подпись поставщика сертификата; идентификационный код сертификата; тип используемого алгоритма; срок действия сертификата; имя и адрес поставщика сертификата и другую информацию, позволяющую проверить

(дата обращения: 11.03.2025).

[197] Electronic Signature Proclamation № 1072/2018 // Federal Negarit Gazette № 25, 16th February 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: http://laws.eag.gov.et/Upload/CassationDecisionsDocument/fce05041-f22e-4930-a225-95748dd53c3e.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

поставщика сертификата; информацию о пределах надежности сертификата; тип операций, для которых может быть использован сертификат.

В части признания иностранной электронной подписи эфиопское Постановление об электронной подписи 2018 г. не упоминает, что порядок и условия признания устанавливаются международным договором Эфиопии. Пункт 20 указанного Постановления предусматривает, что сертификат должен быть выдан признанным иностранным поставщиком сертификатов [198] . Признание иностранного поставщика сертификат осуществляется в случае, что он удовлетворяет рекомендованному пределу доверия и требованиям Постановления.

Закон Египта об электронной подписи и учреждении Управления по развитию индустрии информационных технологий 2004 г. исходит из минимальных требований для признания юридической силы электронной подписи, устанавливая в качестве таковых предназначение подписи исключительно для подписавшего лица; единоличный контроль подписанта над электронным носителем; возможность обнаружения любого изменения или замены данных электронного сообщения или электронной подписи [199] . Данный Закон сконцентрирован на правовом статусе Управления по развитию индустрии информационных технологий (ITIDA), не устанавливает требования в отношении сертификата ключа подписи и не содержит норм о признании электронной подписи, созданной в соответствии с нормами иностранного права.

Таким образом, в национальном праве ряда государств-участников БРИКС имеется специальное законодательное регулирование применения электронной цифровой подписи. Конкретные требования к электронной подписи, закрепленные в национальном законодательстве членов объединения, в значительной степени отличаются. Также законы используют неодинаковые термины при обозначении, например, вида электронной подписи (усиленная квалифицированная подпись в РФ, цифровая подпись (digital signature) – в Эфиопии и Бразилии, «продвинутая»

---

[198] Там же.

[199] Law № 15/2004 on E-signature and Establishment of the Information Technology Industry Development Authority (ITIDA) [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/13546 (дата обращения: 11.03.2025).

электронная подпись (advanced electronic signature) – в ЮАР), или же удостоверяющего центра (сервис электронной верификации (electronic verification service) – в КНР, управление/орган (the Authority) – в Египте, сертифицирующий орган (certifying authority) – в Индии, поставщик сертификата (certificate provider) – в Эфиопии, поставщик услуг криптографии (cryptography provider) – в ЮАР).

Безусловно, одним из способов решений проблемы взаимного признания иностранных электронных подписей может являться принятие членами БРИКС международного договора. Затруднительность данного способа обуславливается такими причинами, как сложность и длительность процедуры принятия международного договора; потенциальная конфронтация положений международного договора с нормами национального права участников объединения ввиду невысокой степени гармонизации законодательства; возможность предусмотреть механизм, который будет согласован с требованиями законодательства государств-участников и применяться их хозяйствующими субъектами при трансграничной торговле в рамках БРИКС, но не с внешними контрагентами из государств, не являющимися членами БРИКС.

Наиболее эффективным представляется решение проблемы взаимного признания иностранных электронных подписей между членами БРИКС посредством создания соответствующих сервисов и платформ. Важную роль в таком процессе является взаимодействие государственных и частных структур.

Результатом диалога между Федеральной налоговой службой России и группой компаний СКБ Контур, занимающейся разработкой программного обеспечения для бизнес-структур, явилось дополнение Федеральным законом от 04.08.2023 г. № 457-ФЗ частью 4 статьи 7 Закона об электронной подписи 2011 г., установившей, что участники электронного взаимодействия могут предусмотреть применение электронных подписей соглашением сторон при подтверждении соответствия подписей требованиям аккредитованной доверенной третьей стороной, аккредитованным удостоверяющим центром или иным уполномоченным лицом[200]. Как следствие 18 сентября 2024 г. в рамках XXII

[200] Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные

Международной конференции по проблематике инфраструктуры открытых ключей и электронной подписи состоялось подписание договора о сотрудничестве между СКБ Контур, одним из основных китайских операторов – SHECA (Shanghai Electronic Certification Authority) и ООО «Газинформсервис» об обеспечении электронного документооборота между компаниями из России и КНР с помощью проверки действительности иностранных электронных подписей. Следующим шагом СКБ Контуром планируется создание аналогичного механизма для осуществления трансграничных коммерческих сделок между РФ и Индией, РФ и Вьетнамом.

Ассоциацией экономического сотрудничества со странами Африки (далее – АЭССА) на форуме «Россия – Африка» 27–28 июля 2023 г. была представлена единая торговая платформа для совершения сделок между российскими и африканскими компаниями с помощью использования электронной цифровой подписи. АЭССА в основу такой платформы заложила общие для квалифицированной электронной подписи требования в части надежности и безопасности, сотрудничество с ведущими удостоверяющими национальными центрами, процедуру проверки действительности сертификата ключа подписи[201].

Как в случае с СКБ Контур и SHECA, так и торговой платформой АЭССА, в основе таких решений лежит частноправовой характер соглашения и наделение удостоверяющих центров полномочиями подтверждения подлинности сертификата электронной подписи, что видится перспективным.

Предлагается альтернативная модель признания иностранных электронных подписей, которая реализуется посредством заключения частноправового соглашения между участниками электронного документооборота при взаимодействии частных и государственных структур, предусматривающего:

– назначение сторонами частноправового соглашения удостоверяющих центров сторон в качестве доверенных посредников с наделением полномочиями подтверждения подлинности и статуса сертификата электронной подписи;

законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 32 (часть I). Ст. 6189.

[201] См.: Родионов А. В. Указ. соч. С. 230–234.

– признание достоверности электронной подписи, выданной удостоверяющим центром партнера, как равнозначной собственной квалифицированной подписи;

– установление взаимных механизмов верификации в отношении удостоверяющих центров, позволяющих определить совместимость форматов сертификатов, алгоритмов шифрования и протоколов проверки подписей;

– исключение необходимости повторного подписания или сертификации документа в каждой юрисдикции.

Данная модель выступает рациональным способом внедрения механизма взаимного признания иностранных электронных подписей, в частности, в двухсторонних отношениях, между членами БРИКС, для совершения сделок между российскими и африканскими компаниями.

§ 2.3. Совершение трансграничных коммерческих сделок посредством электронных агентов и применимое к ним право

Использование так называемых «электронных агентов» как в трансграничных, так и внутренних договорных правоотношениях является относительно новым явлением, возникшим в результате развития информационных технологий. Совершение трансграничных сделок с использованием компьютерных программ и автоматизированных систем (роботов) в данном процессе порождает широкий для международного частного права круг вопросов, требующих теоретического осмысления. В частности, это выявление иностранного элемента в сделке, совершенной посредством электронного агента; момент и способ выражения волеизъявления на совершение такой сделки; специфика сделок, совершаемых между человеком и электронным агентом и между электронным агентом и электронным агентом; вопросы об определении места совершения и применимом праве к трансграничным коммерческим сделкам, совершаемым посредством электронных агентов. Осмыслению поставленных вопросов предшествуют выявление признаков электронных агентов, их правовой

природы, исследование проблем юридической квалификации последствий допущенных технических ошибок.

Единый подход к понятию и признакам электронных агентов в отечественной и зарубежной доктрине отсутствует. В законодательных актах лишь некоторых государств содержатся нормы, регулирующие осуществление сделок с участием электронных агентов (например, США, Канада, ОАЭ, ЮАР).

По мнению В.К. Шайдуллиной, электронный агент – это «программа-робот, заключающая договоры без участия человека посредством электронных средств связи» [202] . Ключевой признак электронного агента заключается в самостоятельности в принятии решений, но такая самостоятельность ограничена информацией и данными, которые были запрограммированы владельцем электронного агента. В качестве особенностей договорных правоотношений с использованием электронного агента автор отмечает участие, помимо сторон, информационного посредника (провайдера) и выражение волеизъявления посредством программного обеспечения[203].

Ф.И. Шарков употребляет термин «технология интеллектуального агента», понимает под таковым программу-робота, ориентированную на сбор и обработку данных, проведение переговоров с другими идентичными программами-роботами[204]. В качестве признаков интеллектуального агента автор также выделяет эффект постоянного присутствия в сети Интернет.

Е.А. Березина использует понятие «программные агенты» и рассматривает их как разновидность одновременно цифровых и правовых технологий, поскольку использование программных агентов направлено на порождение юридических последствий [205] . Наиболее целесообразным представляется подход британского

---

[202] См.: Шайдуллина В. К. Использование роботов в электронной торговле при заключении договоров: проблемы правового регулирования // Baltic Humanitarian Journal. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 390.

[203] См.: там же.

[204] См.: Шарков Ф. И. Интерактивные электронные коммуникации (возникновение «Четвертой волны») : Учебное пособие. 3-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. С. 125.

[205] См.: Березина Е. А. Использование программных агентов в юридической практике // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 7 (152). С. 83.

профессора Х.С. Нвана о том, что программный агент представляет собой «структурный элемент программного обеспечения и/или аппаратного оборудования, который способен функционировать строго в соответствии с предписаниями в целях исполнения задач от имени лица, являющегося его пользователем»[206].

В зарубежной доктрине вопрос об использовании электронных агентов при заключении контрактов осмыслен обширнее.

Британский специалист И. Рахбари рассматривает электронных агентов как сложные компьютерные программы, позволяющие инициировать и осуществлять сделки без вмешательства человека[207].

Западный исследователь Ж.-Ф. Леруж выделяет такие черты электронного агента, как интеллектуальное программное обеспечение (intelligent software), персонализированность, непрерывное функционирование и полуавтономность[208]. Такая характеристика, как автономность, подразумевает, что хотя электронный агент действует в рамках заложенных в него владельцем предписаний, в отношении конкретных договоров стороны могут не знать об их существовании и условиях.

При характеристике электронного агента как технологии, основанной на применении искусственного интеллекта, необходимо обратиться к легальному понятию искусственного интеллекта. В ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные

---

[206] Березина Е. А. Указ. соч. С. 74.

[207] См.: Rahbari, E., Rezaee, A. The role of electronic agents in concluding of contract. Law Quarterly, 2011. № 41(4). P. 160.

[208] См.: Lerouge J.-F. The use of electronic agents questioned under contractual law: suggested solutions on a European and American level. Journal of Computer & Information Law. 1999. Vol. 18. Issue 2. P. 405–406.

функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [209] . Из данного определения становится очевидно, что не любая технология электронного агента основана на применении искусственного интеллекта, а потому «интеллектуальность» не может являться обязательным признаком электронного агента.

Британский профессор Х.С. Нвана в основу классификации электронных агентов закладывает первичные атрибуты, которые агенты должны проявлять: автономность (способность действовать самостоятельно, преимущественно не нуждаясь в человеческом руководстве), сотрудничество (способность взаимодействовать) и обучаемость (совершенствование в процессе реагирования и (или) взаимодействия с внешней средой)[210].

Нормативно-правовые акты ряда государств содержат определения понятия «электронный агент», причем в ряде случаев идентичное.

Так, в §7006 раздела 15 главы 96 Кодекса США (U.S.C.) под электронным агентом понимается компьютерная программа или электронное и иное автоматизированное средство, используемое самостоятельно для инициирования действия или ответа, или принятия мер полностью или частично, без проверки или действия со стороны человека[211]. Данное определение полностью воспроизводится в законодательстве ряда штатов США, в частности, Вирджинии, Юты, Небраски, Калифорнии и Пенсильвании[212].

---

[209] Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

[210] См. об этом: Nwana H. S. Software agents: an overview // Knowledge Engineering Review, 1996. Vol. 11. № 3. P. 212; Wooldridge, M., Jennings, N. R. Intelligent Agents: Theory and Practice. The Knowledge Engineering Review, 1995. № 10. P. 117–119; Nwana, H., Wooldridge, M. Software Agent Technologies. BT Technology Journal, 1996. № 14 (4). P. 68–78.

[211] 15 U.S. Code § 7006 // Pub. L. 106–229, title I, § 106, June 30, 2000, 114 Stat. 472.

[212] В штате Вирджиния: Code of Virginia. Title 59.1 «Trade and Commerce». Chapter 43 «Uniform Computer Information Transactions Act». 2000, с. 995 [Electronic resource]. – Mode of access: https://law.lis.virginia.gov/vacodepopularnames/uniform-electronic-transactions-

Действующие Акт об электронной коммерции 2000 г. в Канаде[213], Закон об электронных коммуникациях и сделках 2002 г. в ЮАР[214], Федеральный закон об электронной торговле и сделках 2006 г. в ОАЭ[215] содержат аналогичное Кодексу США понятие электронного агента.

Таким образом, электронные агенты могут именоваться по-разному: программный агент, программа-робот, интеллектуальный агент, мобильный агент. Электронный агент представляет собой автоматизированное автономное программное обеспечение, способное без непосредственного участия (проверки или действия) человека в конкретный момент времени осуществлять поиск информации, совершать сделки, производить платежи и (или) взаимодействовать с другими аналогичными программными обеспечениями на основе той информации и данных, которые были в него запрограммированы[216].

В зарубежной доктрине существуют подходы отдельных авторов, допускающих признание электронного агента с элементами искусственного интеллекта правосубъектным лицом, что не представляются верным[217].

---

act/#:~:text=(6)%20%22Electronic%20agent%22,or%20action%20by%20an%20individual (дата обращения: 01.04.2026).; в штате Небраска: NE Code. Chapter 86 «Telecommunications and Technology» // Laws 2002, LB 1105, § 381.; в штате Юта: Utah Code. Title 46 «Notarization and Authentication of Documents and Electronic Signatures». Chapter 4 «Uniform Electronic Transactions Act». Part 1. Section 102 [Electronic resource]. – Mode of access: https://le.utah.gov/xcode/Title46/Chapter4/46-4-S102.html#:~:text=(6),or%20action%20by%20an%20individual (дата обращения: 01.04.2026).; в штатах Калифорния и Пенсильвания: Uniform Electronic Transactions Act with California and Pennsylvania Consumer Revisions. Section 2 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.cga.ct.gov/lrc/ElectronicCommunications/ElectUETACalPAConsumRev.htm (дата обращения: 01.04.2026).

[213] Electronic Commerce Act, 2000, S.O. 2000, c. 17 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ontario.ca/laws/statute/00e17 (дата обращения: 01.04.2026).

[214] Electronic Communications and Transactions Act 30 August 2002 [Updated to 1 December 2021] [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.saflii.org/za/legis/consol_act/ecata2002427.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

[215] Federal Law № (1) of 2006 On Electronic Commerce and Transactions [Electronic resource]. – Mode of access: https://tahseen.ae/media/2670/uae-2006-ecommerce-and-transactions-law-english.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

[216] См.: Родионов А. В. Трансграничные сделки, заключаемые с участием электронных агентов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и Право». 2025. № 2. С. 139–140.

[217] См., например: Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. № 70. P. 1231–1232.; Huq A. Z. Artificial Intelligence and the Rule of Law // Public Law and Legal Theory Working Paper Series. 2021. №. 764. P. 5–9.

Профессор Оклендского университета Т. Малган разделяет сложившиеся в западной доктрине подходы к правосубъектности электронных агентов на четыре группы:

– концепция «эксклюзивизма» («exclusivism»), согласно которой самостоятельной правосубъектностью может быть наделен только человек как биологическое существо;

– концепция «минимального инклюзивизма» («minimal inclusivism»), согласно которой программа-робот может быть независимым агентом, но не может быть наделена правоспособностью наравне с человеком;

– концепция «умеренного инклюзивизма» («moderate inclusivism»), предполагающая, что программа-робот может быть независимым агентом и может быть наделена правоспособностью, но не самостоятельной правосубъектностью наравне с человеком;

– концепция «крайнего инклюзивизма» («extreme inclusivism»), допускающая наделение программы-робота полной самостоятельной правосубъектностью наравне с человеком, в том числе признание равного объема прав и значимости интересов цифрового существа[218].

Хотя Т. Малган допускает возможность имплементации концепции «крайнего инклюзивизма» в будущем, в настоящее время говорить о признании электронных агентов в качестве самостоятельных субъектов права не приходится. Такой позиции придерживаются и другие специалисты[219].

Следует отметить, что в рамках Европейского союза выделение «умных автономных роботов» (smart autonomous robots) в качестве субъектов права уже стало предметом законодательной инициативы [220] . При этом в резолюции

---

[218] См.: Mulgan T. Corporate Agency and Possible Futures // Journal of Business Ethics. 2019. Volume 154. P. 911.

[219] См., например: Lima P. U., Paiva A. Autonomous and Intelligent Robots: Social, Legal and Ethical Issues // Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law, Law, Governance and Technology. 2024. Series 58. P. 182–199.; Basu K., Mishra A. Law and Economic Development. Behavioral and Moral Foundations of a Changing World. Palgrave Macmillan, 2023. P. 30–43.; Quintavalla A., Temperman J. Artificial Intelligence and Human Rights. Oxford University Press, 2023. 689 p.

[220] Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics

Европейского парламента 2017 г. акцентируется возможность установления правосубъектности роботов как долгосрочной перспективы, относящейся исключительно к наиболее продвинутым и полностью автономным роботам[221].

Несмотря на характеристики, которые могут быть присущи программам-роботам, на данный момент их существование и функционирование невозможно без участия человека. Именно человек создает и «обучает» электронного агента, программирует на совершение конкретных действий, определяет и корректирует порядок и формы взаимодействия с людьми и другими электронными агентами, фактически ограничивает самостоятельность электронного агента той информацией и данными, которые в него закладывает. За любым электронным агентом в каждом отдельном случае стоит человек как биологическое существо.

Л.Ю. Василевская считает схоластическим утверждение о возможности правосубъектности искусственного интеллекта [222] . По мнению автора, искусственный интеллект не способен к имитации когнитивных функций как их осуществляет человек биологическими нейронными сетями; следствием ассимиляции искусственного интеллекта и его материального носителя является смешение правовых режимов вещей и объектов интеллектуальных прав; искусственный интеллект следует воспринимать как сложное программирование, созданное человеком для решения конкретных поставленных задач[223].

В аналитическом докладе представителей кафедры информационного права и цифровых технологий МГЮА им. О. Е. Кутафина авторами констатируется, что на текущий момент не существует полностью автономных программ-роботов, способных функционировать без участия человека[224].

(2015/2103(INL)) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML%2BCOMPARL%2BPE-582.443%2B01%2BDOC%2BPDF%2BV0//EN (дата обращения: 12.05.2025).

[221] Civil law rules on robotics. Plenary – February II 2017 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/599250/EPRS_ATA(2017)599250_EN.pdf (дата обращения: 03.05.2025).

[222] См.: Василевская Л. Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 34.

[223] См.: Василевская Л. Ю. Указ. соч. С. 35, 37.

[224] См.: Минбалеев А. В., Добробаба М. Б., Ефремов А. А., Щитова А. А. Аналитический доклад «Правовые проблемы использования искусственного интеллекта» [Электронный ресурс] С. 14–

П.М. Морхат критикует подход, допускающий признание юнита искусственного интеллекта в качестве субъекта права, поскольку он опирается только лишь на схожесть характеристик цифрового существа с присущими человеку как биологическому существу[225]. Выделение таких свойств и качеств является недостаточным для того, чтобы говорить о возможности признания механизма с искусственным интеллектом субъектом права.

В работах других авторов проблема правосубъектности автономных технических средств рассматривается через анализ возможных моделей взаимодействия человека с этими техническими средствами[226]. При наделении технического средства (механизма) правосубъектностью наравне с человеком затрагивается глубинная естественно-правовая сущность прав человека.

Несостоятельными являются и доводы о возможности распространения традиционной концепции агентских правоотношений на отношения между владельцем электронного агента и самим электронным агентом, то есть компьютерной программой.

Американский правовед Дж.П. Фишер рассматривает в качестве оптимального способ, предложенный американским законодателем в 1996 г., по восполнению пробела в федеральном американском праве о правовом статусе электронного агента посредством установления эквивалентности электронного агента человеку-агенту (human agent), применения общих принципов агентского права[227]. Необоснованность подобных доводов подтверждается тем, что и принципал, и агент являются субъектами права, а содержание агентских правоотношений составляют установленные законом и договором субъективные

---

17. – Режим доступа: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_4-AD-_Pravovye-problemy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

[225] См.: Морхат П. М. Концепт индивидуального субъекта права применительно к электронному лицу (правосубъектность юнита искусственного интеллекта, коррелируемая (соотносимая, сопоставимая) с правосубъектностью человека) // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8 (164). С. 77.

[226] См., например: Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах // Lex Russica. 2019. № 9 (154). С. 85–95.

[227] См.: Fischer J. P. Computers as Agents: A Proposed Approach to Revised U.C.C. Article 2. Indiana Law Journal. 1997. Vol. 72. Issue 2. Article 13. P. 557.

права и обязанности сторон. Более того, в Докладе Рабочей группы по электронной торговле 2001 г. прямо оговаривалось, что проводить аналогию между человеком-агентом и электронным агентом как автоматизированной системой сообщений неправомерно, как и применять общие принципы агентского права, в том числе ограничение ответственности при наличии вины агента[228].

Представители альтернативного подхода, заключающегося в экстраполяции конструкции юридического лица на электронных агентов, фактически смешивают категории субъекта и объекта права, что порождает правовую неопределенность.

Так, В.Б. Наумов и В.В. Архипов предлагают дополнить ГК РФ главой 5.1. «Роботы-агенты», определив, что «в пределах, установленных законом, робот-агент может иметь обособленное имущество и отвечать им по своим обязательствам, от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, а также выступать в качестве участника гражданского процесса»[229]. Авторами предлагается в качестве общего правила установить, что ответственность за действия робота-агента несут собственник и владелец робота-агента, но в пределах имущества, которое передано во владение и (или) пользование роботу-агенту. Очевидно, что одновременное установление вещных прав владельца в отношении робота-агента и присваивание роботу-агенту гражданской правоспособности, в том числе способности иметь имущество есть не что иное, как смешение объекта и субъекта права. В таком случае робот-агент выступает как вещь, способная быть участником гражданского оборота, что недопустимо.

Так, электронные агенты не могут быть признаны в качестве самостоятельных субъектов права. Утверждение о способности искусственного интеллекта к имитации когнитивных функций человека является несправедливым. Ни одна программа-робот не является полностью автономной, поскольку ее

---

[228] A/CN.9/484. С. 31.

[229] Наумов В. Б., Архипов В. В. Проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» / Вып. 7: Право и информация: вопросы теории и практики : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н. А. Шевелёва, д-р юрид. наук, проф. 2018. С. 221.

создание и функционирование обеспечивается человеком. Более того, именно владелец электронного агента предопределяет информацию и данные, которыми оперирует электронный агент, устанавливает границы в коммуникации с людьми и другими электронными агентами, обеспечивает обучаемость программы-робота. Как следствие невозможности наделения электронного агента правосубъектностью наравне с человеком, недопустима экстраполяция общих принципов агентского права на отношения между владельцем электронного агента и электронным агентом[230].

Действия электронного агента следует отождествлять с действиями его владельца – лица, которое определяет параметры функционирования и контролирует электронного агента, извлекает выгоду и несет риски, то есть оферента, акцептанта либо организатора платформы. Для целей международного частного права субъект, будучи иностранным элементом в сделке, совершенной посредством электронного агента, следует определять как лицо, от имени и в интересах которого функционирует электронный агент.

Представляет интерес вопрос оформления и выражения волеизъявления на совершение трансграничной сделки с использованием электронного агента, который имеет важное значение, в том числе, для установления сферы регулирования Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г.

В доктрине отмечается, что за юридическим лицом стоят его участники (в случае с корпоративным) и (или) коллектив работников, поэтому позволительно говорить о возможности реализации общей воли группы лиц. Электронный агент имеет владельца в лице физического или же юридического лица, а потому воля электронного агента отождествляется с волей его владельца. Юридическое лицо служит достижению определенных хозяйственных целей, решению социально-экономических задач общества и государства, сочетает интересы хозяйственные, коммерческие и государственные. Электронный же агент, участвующий в

---

[230] См.: Родионов А. В. Указ. соч. С. 141–142.

заключении сделок, всегда служит интересам конкретной организации (компании) и выполняет только функции коммерческого характера[231].

В науке частного права совпадение воли и волеизъявления единообразно признается в качестве условия законности сделки. Если исходить понимания волеизъявления как выражения воли лица вовне, благодаря которому она становится доступной восприятию других лиц, возникает вопрос о возможном искажении волеизъявления при совершении сделок посредством электронного агента. В ст. 157.1 ГК РФ допускает возможность выразить согласие на совершение сделки заранее. Также в п. 55 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 разъясняется, что согласно п. 3 ст. 157.1 ГК РФ согласие на совершение сделки может быть как предварительным, так и последующим (одобрение)[232].

Совершение сделки посредством электронного агента зачастую происходит через автоматическое сопоставление оферты и акцепта либо выполнение иных заранее определенных условий без непосредственного участия (в форме проверки или действий) сторон. В этой связи оформление воли происходит в момент и в пределах настройки алгоритма, а волеизъявление следует считать выраженным в момент совершения электронным агентом действий, предусмотренных этим заданным алгоритмом (например, в момент сопоставления оферты и акцепта, т. е. непосредственно совершения сделки).

При совершении сделок посредством электронного агента возможно так называемое искажение волеизъявления владельца электронного агента по внутренним или внешним причинам: допущенные при программировании электронного агента ошибки и неточности, взлом или иные атаки на программное обеспечение извне с изменением условий сделки, например, цены товара или услуги.

---

[231] См.: Блажеев В. В. Цифровое право : учебник / В.В. Блажеев, М.А. Егорова. М.: Проспект, 2020. С. 88.

[232] Постановление № 25 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

В случаях, когда сторона, оказавшая внешнее воздействие на электронного агента, одновременно выступает покупателем или заказчиком, то налицо не только невозможность признания сделки заключенной, но и наличие оснований для ответственности. Однако если сторона-заказчик является третьим лицом, обратившимся к платформе или веб-сайту стороны-исполнителя в момент искажения волеизъявления, действует презумпция действительности сделки. Владелец электронного агента (продавец) вправе оспорить такую сделку как сделку, совершенную под влиянием заблуждения, руководствуясь ст. 178 ГК РФ.

Владелец электронного агента является профессиональным участником рынка и должен осознавать риски и угрозы цифровой среды. В случае, когда им не были предприняты соответствующие меры по защите от вмешательства в работу электронного агента от ординарных внешних и внутренних обстоятельств, необходимость владельца электронного агента нести ответственность за последствия является обоснованной.

Следует отметить, что в целях устранения пробелов правового регулирования сделок, совершаемых с использованием средств автоматизированного формирования и выражения волеизъявления, предлагается закрепить в гражданском законодательстве понятие электронного агента; дополнить ГК РФ нормой, допускающей совершение сделки посредством электронного агента; установить ответственность владельца электронного агента за действия электронного агента.

Произведенный анализ на данном этапе позволяет сделать два значимых вывода в отношении правовой природы электронного агента. Первый заключается в том, что использование электронного агента фактически выступает одним из способов совершения трансграничной коммерческой сделки, наряду, в частности, с такими способами, как посредством обмена электронными документами (сообщениями), конструкций click-wrap, browse-wrap, shrink-wrap, хотя и с особенностями в части оформления и выражения воли владельца электронного агента. Особенности формы совершения сделки с использованием электронных агентов влияют прежде всего на порядок установления юридически значимых

обстоятельств (в частности, идентификацию сторон, фиксацию волеизъявления), однако не влияют на природу самих обязательственных отношений. Так, второй вывод состоит в том, что несмотря на выявленную специфику трансграничной коммерческой сделки, совершенной посредством электронного агента, отсутствуют основания для выделения и формулирования принципиально новых коллизионных привязок для определения применимого права к таким отношениям. В свою очередь попытки формулирования «новых» (основных или субсидиарных) коллизионных привязок, основанных на технических характеристиках цифровой среды (место нахождения серверов, место создания и размещения программного обеспечения и т.п.), представляются необоснованными, поскольку такие факторы не отражают существа регулируемых отношений и не обеспечивают установление наиболее тесной связи сделки с правопорядком.

В отношении места совершения трансграничной сделки с участием электронного агента необходимо отметить следующее. Создание самого программного обеспечения зачастую происходит подрядчиками по договору с лицом, в интересах которого оно создается и будет функционировать. В отличие от факторов, характеризующих непосредственно коммерческую или управленческую деятельность владельца электронного агента, место разработки программного обеспечения носит случайный характер и может быть обусловлено соображениями технической или материальной целесообразности, не имея при этом какой-либо устойчивой связи с конкретной будущей сделкой. Аналогичным образом, место размещения программного обеспечения (включая сервер) может быть изменено, находиться в нескольких юрисдикциях и (или) определяться исключительно техническими соображениями (стоимость обслуживания, требования к хранению данных). Потому место создания и размещения программного обеспечения для электронного агента является иррелевантным фактором в отношении определения места совершения трансграничной коммерческой сделки с участием электронного агента, оно отражает исключительно техническую сторону цифровой инфраструктуры.

Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. в отношении определения места отправления и получения электронного сообщения в ст. 10 устанавливает, что электронное сообщение считается отправленным в месте нахождения коммерческого предприятия составителя и считается полученным в месте нахождения коммерческого предприятия адресата [233] . Считать местом совершения трансграничной сделки с участием электронного агента местонахождение коммерческого предприятия (place of business) лица, от имени и в интересах которого действует электронный агент, а если лицо не имеет коммерческого предприятия, то место его жительства не всегда является обоснованным. Сделка, совершенная посредством электронного агента, может не всегда иметь связь с местонахождением коммерческого предприятия владельца электронного агента. В условиях цифровой среды электронный агент может быть ориентирован в использовании на иные рынки, нежели страну, где находится коммерческое предприятие его владельца, потому необходимо выделить иной критерий.

Так, в отношении определения места совершения трансграничной сделки посредством электронного агента представляется справедливым применение разработанной в практике американских судов концепции «целенаправленной деятельности» [234] . Согласно данной концепции, направленность может быть активной и пассивной. К активным способам относятся, например, производство электронным агентом email- и sms-рассылок, направление персональных предложений. К пассивным – рекламные сообщения, предназначенные для неопределенного круга лиц, информация размещаемая и обновляемая на веб-сайтах компании по заранее заданному алгоритму. Об ориентированности на

---

[233] Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (заключена в г. Нью-Йорке 23.11.2005) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 01.04.2026).

[234] См.: Мальцев А. С. Коллизионно-правовое регулирование трансграничных гражданско-правовых отношений, возникающих в процессе электронного взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Московская государственная юридическая академия. – М., 2006. С. 17–18.

соответствующий рынок могут свидетельствовать также язык веб-сайта, валюты цены товара или услуги, доменная зона, но не изолированно.

Применение доктрины целенаправленной деятельности, то есть выявления направленности сделки на достижение правового результата в конкретной юрисдикции с учетом как активных, так и пассивных способов передачи информации, учитывает и отражает устойчивую связь сделки, совершаемой посредством электронного агента, с конкретным правопорядком и потому может являться критерием для определения места совершения трансграничной коммерческой сделки с использованием электронного агента.

В заключение настоящей главы необходимо отметить следующее.

Критерий идентификации лица, выразившегося волю, закрепленный, в частности, в Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г., требует уточнения в отношении таких способов заключения электронной трансграничной коммерческой сделки, как click-wrap-, browse-wrap- и shrink-wrap-соглашения.

Действительность совершаемых трансграничных коммерческих click-wrap-соглашений позволят обеспечить доктринальное закрепление стандарта «реальной информированности»; установление презумпции полномочий при акцепте с корпоративного аккаунта; законодательное требование сохранять версию текста соглашения, действовавшего на момент акцепта. Воля в случае заключения click-wrap-соглашения выражается активным действием пользователя посредством производства команды. Идентифицирующими признаками являются регистрационные данные пользователя, возможное использование двухфакторной аутентификации, подтверждение действия через систему мгновенных сообщений.

При совершении трансграничной коммерческой сделки посредством browse-wrap-соглашения размещение условий на видном месте и уведомление пользователя об их изменении исключает обеспечение действительности соглашения. Воля выражается конклюдентно: пользователь продолжает пользоваться сайтом, на котором размещены условия. Идентифицирующими признаками выступают следы цифрового поведения (технические данные сессии

пользователя (IP-адрес, cookies, временные метки) или идентификатор устройства. Такие признаки являются ненадежными, цифровых следов недостаточно для идентификации лица и как следствие такая сделка является несовершенной. Преодоление проблемы недостаточности идентифицирующих признаков при заключении browse-wrap соглашений видится во внедрении дополнительных механизмов аутентификации, проблемы выражения воли – в законодательном закреплении презумпций контроля лица над электронным средством и согласия при устойчивом цифровом взаимодействии; повышении сторонами стандарта информирования, т. е. обеспечении достаточной демонстрации условий, чтобы это можно было обоснованно считать разумно заметным уведомлением, автоматическое открытие на экране электронного устройства условий с обязательной прокруткой стороной (пользователем) текста соглашения (scroll-up).

Обеспечение действительности shrink-wrap-соглашений как способа заключения электронной трансграничной коммерческой сделки достигается за счет наличия на товаре предупреждения (уведомления) о существовании лицензионного соглашения и возможность возврата товара при несогласии стороны с условиями такового. Воля проявляется в действии, свидетельствующим о намерении использовать продукт – вскрытием упаковки, установкой или активацией программного обеспечения. Идентифицирующими признаками являются серийный номер продукта или регистрационный ключ, данные об активации стороной продукта, учетная запись при установке программного обеспечения.

Препятствием в эффективном признании электронных подписей, созданных в соответствии с нормами иностранного права, выступает проблема множественности стандартов условий технической совместимости сертификатов. Правовое регулирование в данном случае не может носить декларативный и диспозитивный характер.

Одним из способов решения проблемы множественности стандартов условий технической совместимости сертификатов выступает формирование

международно-правового механизма в рамках региональной организации, предусматривающего:

– назначение сторонами частноправового соглашения удостоверяющих центров сторон в качестве доверенных посредников с наделением полномочиями подтверждения подлинности и статуса сертификата электронной подписи;

– признание достоверности электронной подписи, выданной удостоверяющим центром партнера, как равнозначной собственной квалифицированной подписи;

– установление взаимных механизмов верификации в отношении удостоверяющих центров, позволяющих определить совместимость форматов сертификатов, алгоритмов шифрования и протоколов проверки подписей;

– исключение необходимости повторного подписания или сертификации документа в каждой юрисдикции.

Наиболее успешно предложенная модель может быть имплементирована в региональных организациях с высокой степенью гармонизации национального законодательства ее членов, в частности, в ЕАЭС.

Вторая предлагаемая модель, которая может быть использована в двухсторонних отношениях, между членами БРИКС, и в других случаях, когда речь идет о государствах с невысокой степенью гармонизации национального законодательства, реализуется посредством заключения частноправового соглашения между участниками электронного документооборота при взаимодействии частных и государственных структур, предусматривающего:

– назначение сторонами частноправового соглашения удостоверяющих центров сторон в качестве доверенных посредников с наделением полномочиями подтверждения подлинности и статуса сертификата электронной подписи;

– признание достоверности электронной подписи, выданной удостоверяющим центром партнера, как равнозначной своей квалифицированной подписи;

– установление взаимных механизмов верификации в отношении удостоверяющих центров, позволяющих определить совместимость форматов сертификатов, алгоритмов шифрования и протоколов проверки подписей;

– исключение необходимости повторного подписания или сертификации документа в каждой юрисдикции.

Под электронным агентом предлагается понимать автоматизированное автономное программное обеспечение, способное без непосредственного участия (проверки или действия) человека в конкретный момент времени осуществлять поиск информации, совершать сделки, производить платежи и (или) взаимодействовать с другими аналогичными программными обеспечениями на основе той информации и данных, которые были в него запрограммированы. Действия электронного агента следует связывать с действиями его владельца – лица, которое контролирует электронного агента, извлекает выгоду и несет риски, то есть оферента, акцептанта либо организатора платформы. Воля считается выраженной лицом в момент и в пределах настройки алгоритма принятия решений электронного агента.

Место создания и размещения программного обеспечения для электронного агента является иррелевантным фактором в отношении определения места совершения трансграничной коммерческой сделки посредством электронного агента. Применение доктрины целенаправленной деятельности, то есть выявления направленности сделки на достижение правового результата в конкретной юрисдикции с учетом как активных, так и пассивных способов передачи информации, может являться критерием для определения места совершения трансграничной коммерческой сделки с использованием электронного агента.

Поскольку использование электронного агента фактически выступает одним из способов совершения трансграничной коммерческой сделки, наряду с другими (click-wrap, browse-wrap, и прочие), хотя и с особенностями в части оформления и выражения воли владельца электронного агента, отсутствуют основания для выделения и формулирования принципиально новых коллизионных привязок для определения применимого права к таким отношениям. Попытки формулирования

«новых» (основных или субсидиарных) коллизионных привязок, основанных на технических характеристиках цифровой среды (место нахождения серверов, место создания и размещения программного обеспечения и т.п.), представляются необоснованными, поскольку такие факторы не отражают существа регулируемых отношений и не обеспечивают установление наиболее тесной связи сделки с правопорядком.

ГЛАВА 3. ОТДЕЛЬНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ И ИСПОЛНЕНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ СДЕЛОК

§ 3.1. Определение местонахождения коммерческого предприятия стороны в условиях электронной трансграничной коммерческой сделки

Местонахождение коммерческого предприятия стороны сделки (place of business) выступает ключевым элементом в вопросах определения сферы действия международного договора, непосредственно определения применимого к сделке права, надлежащего уведомления стороны, юрисдикции судебных органов.

Английский профессор Ф.Ф. Ванг отмечает, что концепция коммерческого предприятия в цифровом пространстве бросает вызов традиционному подходу к определению местонахождения коммерческого предприятия, который опирается на физические факторы, такие как расположение офиса и место доставки товаров, ведь место деятельности онлайн-бизнеса зачастую не располагается в конкретном здании[235].

Венская конвенция о международной купли-продажи товаров 1980 г. в ст. 1 при определении сферы применения использует критерий местонахождения коммерческих предприятий сторон в разных государствах, а в ст. 10 устанавливает порядок применений данного критерия при наличии у стороны более одного коммерческого предприятия, а также если коммерческое предприятие отсутствует[236].

Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. также в ст. 1 при определении сферы применения использует критерий местонахождения коммерческих предприятий

---

[235] Wang F. F. Internet Jurisdiction and Choice of Law : Legal Practices in the EU, US and China. Cambridge University Press. 2010. P. 1–6.

[236] Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf (дата обращения: 05.07.2025).

сторон в разных государствах, а в ст. 2 дает определение понятию «коммерческое предприятие»[237].

Регламент ЕС Рим I в ст. 19 устанавливает, что обычным местом жительства физического лица, действующего в ходе осуществления своей предпринимательской деятельности (habitual residence), является основное место осуществления им предпринимательской деятельности (place of business)[238].

Конвенция о праве, применимом к определенным полномочиям в отношении ценных бумаг, держателем которых является посредник 2006 г. в ст. 4 использует критерий осуществления коммерческой и иной деятельности на регулярной основе по ведению счетов ценных бумаг (business or other regular activity of maintaining securities accounts) в целях определения применимого права[239].

Принципы УНИДРУА используют принцип местонахождения коммерческого предприятия (place of business) при направлении уведомления (ст. 1.10), при определении основного места осуществления предпринимательской деятельности ввиду наличия у стороны более одного коммерческого предприятия (ст. 1.11), при подтверждении официального праздника или нерабочего дня в месте деятельности одной из сторон (ст. 1.12)[240].

Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. с изменениями, принятыми в 2006 году в ст. 1 определяет арбитраж как международный, использует критерий нахождения коммерческих предприятий сторон арбитражного соглашения в различных государствах[241].

---

[237] Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (заключена в г. Нью-Йорке 23.11.2005) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 05.04.2025).

[238] Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2008/593/oj/eng (дата обращения: 10.04.2025).

[239] Convention of 5 July 2006 on the Law Applicable to Certain Rights in Respect of Securities held with an Intermediary (concluded 5 July 2006) [Electronic resource]. – Mode of access: https://assets.hcch.net/docs/3afb8418-7eb7-4a0c-af85-c4f35995bb8a.pdf (дата обращения: 18.07.2025).

[240] Unidroit Principles of International Commercial Contracts 2016 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

[241] Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (принят ЮНСИТРАЛ

Различное толкование термина «place of business» в зарубежной и «коммерческое предприятие» в отечественной доктринах порождает правовую проблему определения как сферы действия международных конвенций, так и применимого к трансграничной сделке права. Теоретического осмысления требует вопрос определения содержания критерия местонахождения коммерческого предприятия при совершении электронной трансграничной коммерческой сделки, когда стороны взаимодействуют в сети Интернет и не имеют физического местонахождения осуществления коммерческой деятельности.

Профессор Бостонского университета У.В. Парк рассматривает вопросы изменений в сфере международного коммерческого арбитража и отмечает, что ведение коммерческой деятельности через филиалы или удаленно выступает осложняющим для определения места коммерческого предприятия и установления юрисдикции фактором[242].

В ходе анализа Венской конвенции о международной купли-продажи товаров 1980 г. Э.Е. Батлер обращает внимание на необходимость учета фактических обстоятельств, в частности, места управления и контроля при определении места осуществления коммерческой деятельности компании в условиях цифровизации[243]. Немецкие профессоры И. Швенцер и У.Г. Шретер в комментарии к Венской конвенции подчеркивают значимость принципа наиболее тесной связи места осуществления коммерческой деятельности компании с договором и его исполнением[244].

Немецкий профессор К.П. Бергер акцентирует, что при совершении сторонами, чьи коммерческие предприятия (place of business) находятся в разных

21.06.1985), С изменениями, принятыми в 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/07-87000_ebook.pdf (дата обращения: 07.01.2025).

[242] William W. Park Arbitration of International Business Disputes: Studies in Law and Practice. Oxford University Press. 2006. P. 30–36.

[243] An International Approach to the Interpretation of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (1980) as Uniform Sales Law. Cambridge University Press. 2007. P. 59–62.

[244] Schwenzer I., Schroeter U. G. Schlechtriem & Schwenzer: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) 5th Edition. Oxford University Press. 2023. P. 218–223.

странах, сделки в электронной форме определение места ведения коммерческой деятельности должно осуществляться с учетом фактических обстоятельств и гибкости подхода в условиях глобализации и цифровизации бизнеса[245].

Представители российской доктрины в большинстве своем разделяют подход, согласно которому под коммерческим предприятием следует понимать место осуществления деловой активности субъекта предпринимательской деятельности, место осуществления деловых операций. Вопрос определения местонахождения коммерческого предприятия компании, имеющей физическое присутствие, достаточно проработан в отечественной доктрине, в частности, в работах М.М. Богуславского, В.А. Канашевского, А.И. Муранова, чего нельзя сказать о компаниях, осуществляющих коммерческую деятельность в Интернет-среде[246].

На международно-правовом уровне впервые понятие «коммерческое предприятие» (place of business) было закреплено в Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. (далее – Нью-Йоркская конвенция 2005 г.). Согласно ст. 2 Нью-Йоркской конвенции 2005 г. «коммерческое предприятие» означает любое место, в котором сторона сохраняет не носящее временного характера предприятие для осуществления иной экономической деятельности, чем временное предоставление товаров или услуг из конкретного места[247]. При этом в ст. 6 устанавливается, что местонахождение не является коммерческим предприятием только в силу того, что в этом месте находятся оборудование и технические средства, поддерживающие

---

[245] Berger K. P. Private Dispute Resolution in International Business: Negotiation, Meditation, Arbitration. 2nd Edition. Wolters Kluwer Law & Business. 2009. P. 322–325.

[246] См., например: Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров / Комментарий под ред. М. М. Богуславского. М., 1994; Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. М., 2008; Розенберг М. Г. Международная купля-продажа товаров. М., 2001; Терентьева Л. В. Использование электронных сообщений в международных договорах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 2. С. 77–87.

[247] Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (заключена в г. Нью-Йорке 23.11.2005) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 05.04.2025).

информационную систему, используемую какой-либо стороной в связи с заключением договора; а также, что то обстоятельство, что какая-либо сторона использует доменное имя или адрес электронной почты, связанное с какой-либо конкретной страной, не создает само по себе презумпции, что ее коммерческое предприятие находится в этой стране[248].

Так, из текста Нью-Йоркской конвенции 2005 г. следует существенное обстоятельство в связи с совершением трансграничной сделки с помощью электронных средств: только лишь технические инструменты не могут выступать определяющими местонахождение коммерческого предприятия стороны факторами.

Доводы о придании решающего значения, так называемым, цифровым индикаторам, включая IP-адрес, местонахождение серверов, доменную зону, язык и валюту веб-сайта не могут быть признаны состоятельными.

Например, IP-адрес не может являться надежным критерием определения местонахождения коммерческого предприятия организации, ведущей деятельность онлайн и не имеющей физического присутствия ввиду ряда причин. IP-адрес как адрес онлайн-устройства, используемый для связи через Интернет, не характеризуется способностью достоверно отражать геолокацию пользователя, поскольку может указывать на местоположение сервера интернет-провайдера, на нерелевантное местоположение ввиду использования VPN-сервера, прокси-сервера или облачного сервиса, а также на местоположение, отличное от фактического управления коммерческой деятельностью. Так, IP-адрес российской компании, которая использует облачный сервис в Казахстане, будет указывать на Казахстан.

Помимо этого, немецкий профессор Т. Луци ссылается на возможность использования динамического IP-адреса, суть которого состоит в том, что такой IP-адрес присваивается устройству пользователя на некоторое время, не является уникальным и обновляется при переподключении устройства к сети[249]. Возможно

---

[248] Там же.

[249] Lutzi T. Private International Law Online: Internet Regulation and Civil Liability in the EU. Oxford

провести аналогию между IP-адресом устройства и юридическим и фактическим местонахождением организации: наличие IP-адреса в конкретном государстве не означает, что коммерческая деятельность осуществляется из него.

Так, поскольку IP-адрес не характеризуется способностью достоверно отражать информацию о геолокации, он не может являться основным фактором для определения местонахождения коммерческого предприятия стороны, а только лишь вспомогательным.

Подобная ситуация складывается и с местонахождением сервера, что само по себе выступает недостаточным критерием для определения местонахождения коммерческого предприятия стороны сделки. На практике сервера расположены в специальных центрах (дата-центры и ЦОДы) и могут быть использованы несколькими компаниями, быть арендованы у третьих лиц или представлять собой облачные сервисы. Сервер как устройство, которое хранит данные, не имеет прямой связи с коммерческой деятельностью: сервер может находиться в одной стране в то время, как компания зарегистрирована в другой, а ведет коммерческую деятельность в третьей. Потому местоположение сервера наряду с IP-адресом могут учитываться при установлении местонахождения коммерческого предприятия только лишь в качестве второстепенных (дополнительных) факторов.

Доменная зона веб-сайта компании без физического присутствия имеет двойственное значение. С одной стороны, домен принадлежит конкретному лицу и его владелец может быть легко идентифицирован, в частности, посредством сервиса для проверки домена Whois. Такой сервис позволяет любому заинтересованному лицу как ознакомиться с историей домена, сроком, когда завершится его регистрация, DNS-серверах, так и информацией о регистраторе и лице, кому принадлежит веб-сайт. С другой стороны, национальная доменная зона веб-сайта не создает презумпцию ведения коммерческой деятельности в стране регистрации. Так, при регистрации адреса веб-сайта в доменной зоне «.ru» коммерческое предприятие (place of business) стороны сделки может находиться не в России, а, например, в Беларуси или Казахстане и наоборот.

University Press. 2020. P. 197–204.

Некоторые страны устанавливают дополнительные требования для регистрации домена в своих национальных доменных зонах. Например, для регистрации домена в зоне .eu (Европейский союз) юридическое лицо должно иметь представительство в странах Европейского союза. Аналогичное требование применимо к доменной зоне .us (США), либо же компания должна быть зарегистрирована в США. Для регистрации домена в зоне .de (Германия), необходимо указать адрес в Германии. Приобретение официального домена верхнего уровня в зоне .ae (ОАЭ) невозможно без представительства компании в ОАЭ. Хотя большинство стран не имеют ограничений в отношении субъектов регистрации домена, существуют и иные национальные доменные зоны, требующие наличие представительства в стране, в частности, .th (Таиланд).

Однако преодоление данного рода ограничений в случае их наличия не приводит к «перемещению» коммерческого предприятия в соответствующую национальную доменную зону. Доменная зона используется компаниями как маркетинговый инструмент, ориентирована на выход на новые рынки, развитие сотрудничества и лишь в редких случаях влечет за собой смену места постоянного осуществления деловых операций и контроля. Одна компания также может иметь несколько адресов веб-сайтов, зарегистрированных в различных национальных доменных зонах, фактически управляемая с территории одного государства.

Помимо этого, существуют и универсальные (международные) доменные зоны, которые не привязываются к какой-либо стране и региону, в частности, .com, .shop, .online, .website, .xyz, .fun, .pro, .art, .tech., .net, .org, .biz, .info, .travel, .farm, .pizza, .market, .menu, .vet, .voyage, .ooo, .events, .expert, .estate, .exchange и множество других. Такие доменные зоны не содержат ценностную информацию о релевантном месте осуществления коммерческой деятельности стороны сделки.

Американский профессор А.В. Лангвардт обращает внимание, что американской судебной практике известны случаи, когда домен и привязанная к нему электронная почта учитывались при установлении местонахождения

коммерческого предприятия [250] . Компания Wolfe’s Borough Coffee Inc. реализовывала кофейную продукцию по электронной почте и через Интернет, а также в ограниченном количестве супермаркетов Новой Англии, включающей шесть штатов США. У компании была выявлена также единственная собственная торговая точка в штате Нью-Гэмпшир. Наличие торговой точки и продукции в местных магазинах сыграло решающую роль для определения местонахождением коммерческого предприятия Wolfe’s Borough Coffee Inc. штата Нью-Гэмпшир, а использование домена второго уровня .nh.us и созданной на нем электронной почты – второстепенную.

Такие факторы, как язык интерфейса и валюта веб-сайта, указание локальных телефонных номеров с кодом соответствующей страны могут выступать критериями «направленной деятельности», но не создают презумпцию местонахождения коммерческого предприятия в каком-либо государстве.

О.В. Сергеева (О.В. Муратова) отмечает, что язык веб-сайта как критерий «направленной деятельности» закреплен в Регламенте Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 593/2008 от 17.06.2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (Рим I) и лежит в основе определения юрисдикции и применимого к трансграничным онлайн-контрактам права в сфере B2C, не имеет прямого отношения к определению местонахождения коммерческого предприятия в сфере B2B[251].

Создание мультиязычных веб-сайтов, когда пользователь вручную или браузер автоматически подбирает подходящий язык есть признак ориентации бизнеса на различные рынки. Например, сайт авиакомпании Turkish Airlines автоматически определяет регион и предлагает выбрать удобный для пользователя язык: для региона Россия – русский, английский или турецкий, для региона Чили – испанский или английский, для региона Франция – французский, английский или

---

[250] Langvardt A. W. Business law : the ethical, global, and e-commerce environment. New York : McGraw-Hill Education. 2019. P. 336–337.

[251] См.: Сергеева О. В. Трансграничные дистанционные контракты B2C в практике Суда Европейского Союза: потребитель всегда прав? // Lex russica. 2021. Т. 74. № 7. С. 131–132.

турецкий[252]. При выборе языка и региона автоматически обновляется валюта: в регионе Россия на русском языке – на российские рубли (RUB), в регионе Турция на турецком и английском языках – на турецкую лиру (TRY), в регионе ОАЭ на арабском и английских языках – на дирхамы (AED). Такой подход чаще применим по отношению к оказанию услуг или продаже товаров потребителям (B2C).

В трансграничной B2B торговле и оказании услуг чаще на веб-сайт добавляется «международный язык» – английский (в странах Латинской Америки встречается испанский) с или без национального по месту инкорпорации компании. Например, веб-сайт дочерней Turkish Airlines авиакомпании Turkish Cargo, которая занимается грузоперевозками, включая генеральный груз, скоропортящиеся продукты, живых животных представлен на английском и турецком языках[253]. Веб-сайт авиакомпании Emirates SkyCargo, базирующейся в ОАЭ, представлен только на английском языке [254] . В данном случае язык и валюта веб-сайта не свидетельствуют ни о местонахождении коммерческого предприятия, ни о направленной на конкретный рынок деятельности. Создание веб-сайта на «международном» языке – английском – в совокупности с иными факторами может свидетельствовать о направленности на «международную» аудиторию.

Однако только лишь язык веб-сайта не свидетельствует и о направленности деятельности. Европейские суды неоднократно ссылались на то, что язык веб-сайта носит пассивный характер и сам по себе не может быть доказательством осуществления деятельности, направленной на конкретную страну[255].

Отметим, что в западной доктрине существует деление веб-сайтов на активные и пассивные. Одна из ключевых характеристик активных или динамических веб-сайтов заключается в том, что они предлагают пользователю, которым может быть потребитель или коммерческая организация, возможность

---

[252] Turkish Airlines : website. – Mode of access: https://www.turkishairlines.com (дата обращения: 08.04.2025).
[253] Turkish Cargo : website. – Mode of access: https://www.turkishcargo.com/en/ (дата обращения: 08.04.2025).
[254] Emirates SkyCargo: website. – Mode of access: https://www.skycargo.com (дата обращения: 08.04.2025).
[255] Svantesson D. J. Extraterritoriality and targeting in EU data privacy law: the weak spot undermining the regulation // International Data Privacy Law. 2015. Vol. 5. P. 226–234.

приобрести товары или услуги в форме электронной сделки, заключаемой преимущественно посредством click-wrap- или browse-wrap-соглашений[256].

В объединенных делах C-585/08 Peter Pammer v. Reederei Karl Schlüter GmbH & Co. KG и C-144/09 Hotel Alpenhof GesmbH v. Oliver Heller суд в вопросе определения применимого права к дистанционному договору с потребителем сослался на п. 24 преамбулы к Регламенту ЕС Рим I и отметил, что язык или валюта, используемые веб-сайтом, не являются релевантным фактором[257]. Перед судом был поставлен вопрос относительно того, является ли веб-сайт профессиональной стороны достаточным условием для подтверждения направленности деятельности по смыслу ст. 15 (1) (c) Регламента № 44/2001. Суд Европейского Союза отметил, что доступность сайта в конкретном государстве не свидетельствует об ориентированности на территорию этого государства, равно как и использование национальной валюты, языка.

Л.В. Терентьева акцентирует, что сама доступность веб-сайта с территории конкретного государства, а также использование локального языка, электронной почты и иных контактных данных не обозначает намерение на заключение трансграничных контрактов с потребителями, проживающими в этом государстве [258] . Автор отмечет, что содержание критерия «направленной деятельности» также составляют использование доменного имени верхнего уровня, отличного от национального домена соответствующего государства места нахождения профессиональной стороны; демонстрация наличия клиентов-потребителей, проживающих в иностранных государствах; возможность исполнения договора на территории «направленного» государства; наличие

[256] См. об этом: Makesinis B., Underath H., Johston A. The German Law of Contract: A Comparative Treatise. Hart Publishing. 2006. P. 95–104.; Valenzuela E. G. International electronic contracting: offer and acceptance. European Scientific Journal. 2018. Vol. 8. № 28. P. 267–270.

[257] Judgment in Joined Cases C-585/08 and C-144/09 Peter Pammer v Reederei Karl Schlüter GmbH & Co. KG and Hotel Alpenhof GesmbH v Oliver Heller. Court of Justice of the European Unio. Press release № 118/10. Luxembourg, 7 December 2010.

[258] См.: Терентьева Л. В. Критерий «направленной деятельности» применительно к отношениям, связанным с защитой персональных данных // Правовая информатика. № 1. 2021. С. 62–63.

расходов на поисковую систему ссылок в целях облегчения доступа к сайту профессиональной стороны[259].

Появление сервисов Zadarma, Continent-telecom, Freezvon, Twilio и подобных позволило арендовать и покупать виртуальные номера в любой стране и осуществлять переадресацию звонков на номера собственной юрисдикции. Такие сервисы на своих веб-сайтах прямо используют призыв к приобретению виртуального номера в нужной стране «для создания впечатления локального офиса или контакта для клиентов». Фактически, любая компания, имеющая коммерческое предприятие (place of business) в России, может приобрести виртуальный номер в ОАЭ и посредством переадресации вызовов принимать их на российском номере.

В европейской судебной практике поднимался вопрос о необходимости совершения сделки в электронной форме, что наряду с доступностью веб-сайта, языка и валюты, номера телефона может позволить сделать вывод о «направленности деятельности» компании на соответствующий рынок.

В деле Daniela Mühlleitner v. Ahmad Yusufi and Wadat Yusufi истец, имеющая австрийское гражданство и проживающая в Австрии, на веб-сайте www.mobile.de, размещенном в доменной зоне Германии, заполнила форму по подбору автомобиля и получила перечень подходящих по указанным характеристикам вариантов[260]. После выбора автомобиля истец по номеру телефона, указанному на веб-сайте, связалась с ответчиками, чья компания зарегистрирована в Германии. На адрес электронной почты истца ответчиками было направлено письмо с характеристиками автомобиля, который доступен к покупке. Истец совершила поездку в Германию, где подписала договор купли-продажи автомобиля. Когда были выявлены недостатки автомобиля, истец попросила их устранить, на что получила отказ ответчиков и обратилась в австрийский суд. Ответчики возражали

---

[259] См. подробнее: Терентьева Л. В. Критерий «направленной деятельности» применительно к отношениям, связанным с защитой персональных данных // Правовая информатика. № 1. 2021. С. 61–69.; Judgment in Joined Cases C-585/08 and C-144/09 Peter Pammer v Reederei Karl Schlüter GmbH & Co. KG and Hotel Alpenhof GesmbH v Oliver Heller. Court of Justice of the European Unio. Press release № 118/10. Luxembourg, 7 December 2010.

[260] Case C-190/11 Daniela Mühlleitner v Ahmad Yusufi and Wadat Yusufi [2012] CEC 923, para 46.

против придания истцу статуса потребителя и юрисдикции австрийского суда, обосновывая это тем, что их коммерческое предприятие (place of business) находится в Германии, а деятельность компании не направлена на австрийский рынок. Суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу, что сам по себе пассивный веб-сайт не свидетельствует об осуществлении деятельности, ориентированной на соответствующее государство. Поскольку договор между сторонами не был заключен дистанционно, австрийский суд не обладал компетенцией рассматривать данный спор.

Верховный суд Австрии, напротив, занял иную позицию, указав, что доступность веб-сайта для истца, а также осуществление сторонами дистанционного взаимодействия посредством телефонной связи и электронной почты свидетельствуют о направленности деятельности ответчика на потребителей в Австрии. В связи с этим перед Судом Европейского Союза был поставлен вопрос о том, требует ли применение ст. 15 (1) (c) Регламента № 44/2001 заключения договора между потребителем и профессиональной стороной посредством дистанционных средств. Суд Европейского Союза дал отрицательный ответ, отметив, что из содержания указанной нормы не вытекает требование о заключении договора дистанционным способом.

Так, язык и валюта веб-сайта, контактные данные имеют отношение к установлению факта направленной деятельности компании на потребительский сегмент соответствующего государства с вытекающими из этого правовыми последствиями. Указанные факторы не имеют отношения к определению места постоянных деловых операций стороны коммерческой сделки. Предложения зарубежных и отечественных специалистов об установлении наиболее тесной связи Интернет-отношения с правом какого-либо государства, опираясь на концепцию «направленной деятельности» представляются несостоятельными.

При определении местонахождения коммерческого предприятия стороны электронной сделки необходимо выявлять реальные факторы, отражающие место постоянного осуществления деловой активности субъекта предпринимательской деятельности. В этом смысле электронная трансграничная коммерческая сделка не

меняет сути сложившихся подходов к установлению места постоянного осуществления деловых операций, а требует их адаптации, меняет круг доказательств и усложняет их сбор.

В деле Scot Typewriter Co. v. Underwood Corp., когда еще не шла речь об электронном способе заключения сделок, суд для установления местонахождения коммерческого предприятия (place of business) ответчика применил тест поиска «нервного центра» (the “nerve center” test)[261]. Ответчик имел несколько заводов: основной в Хартфорде, штате Коннектикут, второй, на котором производятся расходные материалы, в Берлингтоне, штате Нью-Джерси, и третий завод в Калифорнии, на котором производятся компоненты ракет и радаров по государственным контрактам. При этом распространение выпускаемой продукции внутри страны осуществлялось через филиалы, расположенные более чем в ста городах США, а международный бизнес компании функционировал через дочерние компании, которые ведут производственные операции за пределами США. Суд посчитал, что в случае, когда компания занимается различными видами деятельности, которые «разбросаны» и находятся в различных местах, ее основное место ведения бизнеса является «нервным центром», от которого зависят составные части и из которого ее должностные лица направляют, контролируют и координируют всю деятельность без учета местоположения для достижения корпоративной цели[262]. Суть теста “the nerve center test” заключается в том, что место, где корпорация имеет офис, из которого осуществляется руководство и контроль за ее деятельностью, является местом, где вся ее деятельность находится под высшим руководством и контролем ее должностных лиц.

Профессор А.В. Лангвардт анализирует возможность адаптировать тест «нервного центра» по отношению к определению местонахождения коммерческого предприятия корпорации в эпоху дистанционной работы. Автор отмечает, что судам может быть затруднительно определять, какие факторы имеют решающее значение: местоположение центров продаж или обслуживания, место

[261] Scot Typewriter Co. v. Underwood Corp., 170 F. Supp. 862, 865 (S.D.N.Y. 1959).
[262] Там же.

начисления заработной платы или получения дохода. А.В. Лангвардт приходит к выводу, что основное место ведения бизнеса лучше всего толковать как относящееся к месту, где должностные лица корпорации осуществляют руководство, контроль и координируют деятельность корпорации. Это место и будет являться «нервным центром» корпорации. Автор допускает, что при использовании теста «нервный центр» будут возникать трудные случаи, тем не менее такой тест направляет суды в одном направлении, к центру общего управления, контроля и координации[263].

Ф.Ф. Ванг акцентирует, что в связи с тем, что Интернет не имеет границ и какого-либо конкретного географического места, для определения местонахождения коммерческого предприятия стороны электронной сделки целесообразно изучать ее постоянное деловое поведение и местонахождение до заключения договора, нежели чем на момент заключения договора. К факторам, на основании которых следует определять местонахождение коммерческого предприятия, автор относит места, где продавец имеет «минимальные контакты», «целенаправленно нацелен» или «оказывает воздействие» на конкретный рынок[264].

Идея адаптации теста «нервного центра» для определения местонахождения коммерческого предприятия А.В. Лангвардта представляется перспективной, однако она предполагает, в том числе поиск признаков, так или иначе, связанных со «следами физического присутствия» и требует углубления и доработки в отношении виртуальных компаний (не имеющих ни физического офиса, ни точек продаж, ни мест обслуживания партнеров/клиентов).

При определении местонахождения коммерческого предприятия (place of business) стороны необходимо смещение от формальных к операционным критериям. Местонахождение коммерческого предприятия стороны электронной трансграничной сделки следует определять на основании реальных экономических (материально-хозяйственных) и организационно-управленческих факторов.

---

[263] Langvardt A. W. Business law : the ethical, global, and e-commerce environment. New York : McGraw-Hill Education. 2019. P. 44–46.

[264] Wang F. F. Internet Jurisdiction and Choice of Law : Legal Practices in the EU, US and China. Cambridge University Press. 2010. P. 114.

Экономические факторы связаны с фактическим осуществлением хозяйственной деятельности и движением экономических результатов, организационно-управленческие – с формированием и реализацией управленческой воли субъекта, то есть отражают место принятия ключевых решений.

В качестве таковых факторов предлагается рассматривать: место, где проводится обработка заказов; место осуществления производства товаров (при наличии); место, откуда ведется деловая переписка; место исполнения ключевых функций по ведению стороной своей коммерческой (хозяйственной) деятельности. Место, где проводится обработка заказов, отражает операционный центр коммерческой деятельности, функции выполняются на регулярной основе, т. е. системно. Установлению места, где проводится обработка заказов, служит информация из договоров с операторами обработки данных, внутренних регламентов, условий пользовательского соглашения, трудовых договоров сотрудников; сведения о лице, оказывающем услуги обработки (систем CRM). Место осуществления производства товаров (при наличии) является одним из наиболее устойчивых факторов, отражает материально-хозяйственную основу деятельности субъекта и указывает на правовой порядок, с которым связан процесс создания товаров. Место, откуда ведется деловая переписка, хотя и способно отражать правопорядок, в рамках которого осуществляется взаимодействие с контрагентами, в то же время может носить случайный характер. В условиях цифровой среды такой фактор выполняет вспомогательную функцию как один из индикаторов возможного фактического места управления коммерческими процессами, приобретает значение лишь в совокупности с иными признаками. Констатируется затруднительность выявления места, откуда ведется деловая переписка, поскольку информация о контроле над аккаунтами и служебные инструкции находятся в ограниченном доступе, а IP-адрес и домен корпоративной почты, как это было рассмотрено, не всегда достоверно отражают местоположение.

В отличие от формальных критериев (место регистрации, доменное имя, местонахождение серверов), предложенные факторы отражают реальную связь субъекта с определенным правопорядком, характеризуют как сферу

осуществления хозяйственной деятельности, так и центр ее организационного обеспечения, а потому не носят случайного характера, обладают большей устойчивостью.

В случае, если компания осуществляет коммерческую деятельность исключительно в цифровой среде для определения местонахождения коммерческого предприятия предлагается устанавливать страну, в которой осуществляется управленческое руководство деятельностью (центр принятия решений). Основным признаком, свидетельствующим о центре принятия решений в отношении «виртуальной компании», предлагается рассматривать фактическое руководство компанией.

Использование признака фактического руководства компанией представляется обоснованным, поскольку данный признак позволяет выявить реальный центр формирования и реализации управленческой воли. С точки зрения содержания, в основе критериев фактического руководства компанией лежит критерий контроля, известный доктрине налогового права и содержащийся в законодательстве о контролируемых иностранных компаний (далее – КИК).

М.Н. Садчиков характеризует контроль как часть управленческого процесса, позволяющую контролирующему субъекту получать информацию о реализации управленческого решения и принимать соответствующие меры, направленные на достижение целей управления[265].

Интерес представляют пункты 7 и 8 статьи 25.13. НК РФ. В соответствии с п. 7 ст. 25.13. НК РФ осуществлением контроля над организацией признается оказание или возможность оказывать определяющее влияние на решения, принимаемые этой организацией в отношении распределения полученной организацией прибыли (дохода) после налогообложения в силу прямого или косвенного участия в такой организации, участия в договоре (соглашении), предметом которого является управление этой организацией, или иных

[265] См.: Садчиков М. Н. Контроль как критерий налогово-правового статуса контролируемой иностранной компании // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 143.

особенностей отношений между лицом и этой организацией и (или) иными лицами[266]. В соответствии с п. 8 ст. 25.13 НК РФ осуществлением контроля над иностранной структурой без образования юридического лица признается оказание или возможность оказывать определяющее влияние на решения, принимаемые лицом, осуществляющим управление активами такой структуры, в отношении распределения полученной прибыли (дохода) после налогообложения в соответствии с личным законом и (или) учредительными документами этой структуры[267].

Примечательны и наработки, содержащиеся в Проекте OECD/G20 по борьбе с размыванием налоговой базы и перемещением прибыли, в рамках которого разрабатывались правила для КИК[268]. В Проекте выделяются четыре вида контроля: юридический, экономический, де-факто контроль и контроль, основанный на консолидации. Правовой контроль созвучен с положениями ст. 25.13 НК РФ, экономический – опирается на объем прав на прибыль, а также на потенциальный капитал и активы в случае наступления определенных обстоятельств, например, прекращения деятельности компании. Контроль де-факто основывается на тех факторах, которые учитываются при определении налогового резидентства, включает выявление лиц, принимающих решения на высшем уровне или влияющих на текущую операционную деятельность компании.

Применение критерия контроля в регулировании КИК подтверждает, что именно фактическое руководство позволяет выявить юрисдикцию, в которой осуществляется реальное управление деятельностью субъекта. Значимо и то обстоятельство, что в материально-хозяйственном контексте фактическое руководство компанией охватывает принятие текущих (операционных) и стратегических решений, координацию бизнес-процессов и распределение

---

[266] Налоговый Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
[267] Там же.
[268] OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project. Designing Effective Controlled Foreign Company Rules, Action 3 – 2015 Final Report [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2015/10/designing-effective-controlled-foreign-company-rules-action-3-2015-final-report_g1g58ce1/9789264241152-en.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

прибыли, и в отличие от фактического местонахождения ключевых лиц, ориентировано на выявление постоянного центра управления (центра принятия решений).

Установление фактического руководства деятельностью может осуществляться на основе совокупности данных, включая, но не ограничиваясь, анализ корпоративной структуры, распределения управленческих функций и финансовых потоков; трудовые или корпоративные договоры; сведения о налоговом резидентстве контролирующих лиц; корпоративные документы (протоколы собраний, решения).

Таким образом, признак фактического руководства деятельностью позволяет выявить центр принятия решений, обладает устойчивым характером и может быть установлен на основе совокупности объективных данных, что делает его применимым для определения местонахождения коммерческого предприятия (place of business) стороны (компании), осуществляющей деятельность исключительно в цифровой среде. Свидетельствовать о центре принятия решения могут такие признаки, как конечный получатель денежных средств при их движении на банковском счете и конечная валюта транзакций, статус налогового резидента, место хранения бухгалтерских и юридических документов. Если фактическое руководство не может быть достоверно установлено, субсидиарно последовательно следует применять следующие критерии: страна, где находится конечный банковский счет, используемый для основных расчетов по сделкам; место хранения бухгалтерских и юридических документов, необходимых для ведения деятельности.

Такие факторы, как IP-адрес, местонахождение серверов не являются надежными критериями определения местонахождения коммерческого предприятия стороны сделки, поскольку легко изменчивы и не всегда содержат достоверную информацию об устройстве. Доменная зона, язык и валюта веб-сайта, номер телефона являются маркетинговыми инструментами, и их локализация свидетельствует о направленности на аудиторию соответствующего региона, а не о месте совершения постоянных деловых операций. Сегодня компании, не

имеющие физического присутствия, использующие VPN или прокси-сервер, имеющие мультиязычный веб-сайт с указанием национальной валюты соответствующей страны и локального номера телефона не являются единичными. Подобные факторы не могут создавать презумпцию нахождения коммерческого предприятия в каком-либо государстве.

§ 3.2. Проблемы применимого права к сделкам, совершаемым на электронных трансграничных аукционах

Электронный аукцион как один из способов заключения договора занимает особое место в сфере электронной трансграничной коммерции. В настоящее время доля электронных аукционов оценивается от 10 до 35% в обороте электронной коммерции различных стран, исчисляется миллиардами долларов США в год с прогнозируемым значительным ростом к 2030 году[269].

Несмотря на то, что институт аукциона не является новым в науке частного права и получил широкое распространение в национальной и трансграничной бизнес-практике, существует большое количество теоретических проблем, требующих осмысления. Как следствие отсутствия унифицированных норм, регулирующих процедуру электронного аукциона, результаты аукциона, признаваемые в одной стране, могут являться недействительными в другой. Констатируется отсутствие в законодательстве и доктрине единства, относительно определения места проведения электронного аукциона. Анализа требуют и механизмы исполнения результатов аукциона на территории другого государства. Институт электронного аукциона ставит вопросы об определении местонахождения его участников, признании юридической силы электронных документов.

---

[269] См.: Online Auction Market Report 2025 (Global Edition). Cognitive Market Research. 2025. 265 p.; Online Auction Market 2025-2029. TechNavio. 2024. 201 p.; Online Auction – Global Strategic Business Report. Global Industry Analysts Inc. 2025. 172 p.

В национальной и зарубежной доктринах отсутствует единый общепризнанный подход к определению понятия электронного аукциона. Представители правовой и экономической доктрин различным образом характеризуют электронный аукцион, зачастую встречается отождествление аукциона и торгов. В национальных правовых системах также устанавливаются разнородные требования в отношении процедур проведения электронного аукциона, признания достоверности электронных документов, правил идентификации участников аукциона, а в ряде случаев такие требования и вовсе отсутствуют.

Например, О.Ш. Рашидов характеризует аукцион в электронной форме как один из ключевых способов размещения заказов для государственных нужд по действующему законодательству, который осложнен рисками. К рискам автор относит вероятность технических сбоев, высокие финансовые затраты, возможность злоупотребления в рамках электронного аукциона при отсутствии механизмов пресечения таковых[270].

К.П. Чечкова рассматривает электронный аукцион как централизованный или децентрализованный механизм обеспечения экономической безопасности, с учетом расходования бюджетных средств, в рамках жизнедеятельности государства, базирующийся на принципах открытости и гласности[271].

Е.В. Лунева исследует правовую модель порядка проведения «земельных» электронных аукционов. Отметим, что закреплена обязательность электронной формы аукциона по предоставлению находящихся в публичной собственности земельных участков. Автор в качестве главного отличия традиционной и электронной формы торгов усматривает наличие электронной площадки и ее оператора, то есть появляется одно дополнительное процедурное действие –

---

[270] См.: Рашидов О. Ш. Правовое регулирование электронного аукциона как основного способа размещения заказов // Государство и право в изменяющемся мире: правовая система в условиях информатизации общества : материалы IV научно-практической конференции с международным участием. Н. Новгород : Изд-во «Автор». 2019. С. 342–343.

[271] См.: Чечкова К. П. Открытый аукцион в электронной форме как механизм обеспечения экономической безопасности // Россия в мировом пространстве: точки экономического роста в современных условиях: Материалы международной конференции. Ростов-на-Дону. 2019. С. 428–431.

заключение договора на проведение электронных торгов между его организатором и оператором электронной площадки[272].

Экономисты А.А. Шаршебаев и А.М. Турсунбекова обуславливают электронный аукцион как наиболее перспективный, инновационный способ проведения торгов, где электронные аукционы позволяют больше привлечь участников для ведения торгов, расширить географический фактор взаимодействия субъектов права, снизить бумажный уровень документооборота, сократить временные затраты на организацию и проведения аукциона[273].

Экономисты Ю.А. Савинов и М.О. Алымов рассматривают аукцион как публичную продажу товаров, ценных бумаг, имущества предприятий, произведений искусства и других объектов с индивидуальными признаками[274]. К характеристикам аукциона авторы относят установленную процедуру проведения, нерегулярный характер, воплощение принципа состязательности между покупателями. Электронные же аукционы (или онлайн-аукцион, сетевой, виртуальный) проводятся в сети Интернет при помощи специального программного обеспечения (базы данных), установленного на сайте организатора торгов. К числу наиболее популярных «международных» электронных торговых площадок относят eBay, Amazon.com, Lycos (проект Sotheby’s и Amazon.com), auctions.yahoo.com, и иные.

Л.П. Гаврилов отмечает, что электронная торговая площадка представляет собой информационную торговую систему, которая позволяет производить поиск, покупку и продажу товаров и услуг, а также совершать сделки и финансовые операции[275].

---

[272] См.: Лунина Е. В. Электронные торги по предоставлению земельных участков, находящихся в публичной собственности, как способ обеспечения рационального землепользования // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 120, 131–132.

[273] См.: Шаршебаев А. А., Турсунбекова А. М. Актуальные проблемы, связанные с проведением онлайн-аукциона по аренде госимущества // Развитие бухгалтерского учета и аудита в условиях цифровой экономики: Материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 2019. С. 297–301.

[274] См.: Савинов Ю. А., Алымов М. О. Интернет-аукционы в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 4. С. 33–34.

[275] См.: Гаврилов, Л. П. Электронная коммерция : учебник и практикум для вузов / Л. П. Гаврилов. – 6-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2025. С. 89–103.

Вышеуказанные подходы к пониманию электронного аукциона содержат неточности. Так, зачастую авторы сводят суть электронного аукциона к способу размещения заказов для государственных нужд, что является неверным. В таком случае упускаются из виду коммерческие электронные торговые площадки сферы B2B. Только лишь на одном из наиболее популярных Интернет-аукционов eBay ежедневно выставляется примерно 3,5 млн видов товаров[276]. Помимо этого, проблемы идентификации участников, риска неисполнения сделки встречаются именно на такого рода электронных торговых площадках.

Встречается допущение отождествления аукциона и торгов, хотя данные категории необходимо разграничивать. В соответствии с п. 4 ст. 447 ГК РФ торги (в том числе электронные) проводятся в форме аукциона, конкурса или в иной форме, предусмотренной законом. Выигравшим торги на аукционе признается лицо, предложившее наиболее высокую цену, а по конкурсу – лицо, которое по заключению конкурсной комиссии, заранее назначенной организатором торгов, предложило лучшие условия[277]. В деле Pitchfork Ranch Co. v. Bar TL Верховный суд штата Вайоминг определил аукцион как публичную продажу имущества тому, кто предложит наибольшую цену, лицом, имеющим на это лицензию и полномочия, целью которой (публичной продажи) является получение продавцом наибольшей финансовой выгоды в результате свободной и честной конкуренции между участниками торгов[278]. Так, аукцион является одной из форм торгов и представляет собой продажу объектов с индивидуальными признаками лицу, предложившему наиболее высокую цену.

Некоторые авторы рассматривают торги как способ заключения договора, основанный на принципе состязательности, однако данный принцип может быть присущ и другим способам заключения договора. В.В. Романова выделяет конкурентные переговоры как особую форму торгов, не предусмотренная в п. 4 ст.

---

[276] См.: Савинов Ю. А., Алымов М. О. Интернет-аукционы в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 4. С. 34.

[277] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[278] 615 P.2d 541

447 ГК РФ[279]. К.В. Кичик называет запросы котировок и запросы предложений упрощенными видами торгов[280]. Исходя из этого, к конкурентным процедурам заключения договора возможно относить также конкурентные переговоры, запрос предложений и котировок цен, продажу имущества посредством публичного предложения и без объявления цены. Представляется справедливым тезис о том, что аукцион как форма торгов представляет собой конкурентную процедуру заключения договора.

Не являются корректными и характеристика электронного аукциона только как публичной продажи, ограничение объектов лишь товарами, выведение на первый план экономических характеристик аукциона.

Объектами электронного аукциона могут выступать не только товары, но и ценные бумаги, результаты интеллектуальной деятельности, недвижимость, имущественные права и права требования. Квалификация электронного аукциона как механизма обеспечения экономической безопасности, перспективного и инновационного порядка проведения торгов, способа публичной продажи товаров не раскрывает и искажает сущность рассматриваемого института.

Электронный аукцион существует не только в публичной (открытой) форме. В соответствии с п. 1 ст. 448 ГК РФ аукционы и конкурсы могут быть открытыми и закрытыми. В открытом аукционе и открытом конкурсе может участвовать любое лицо. В закрытом аукционе и закрытом конкурсе участвуют только лица, специально приглашенные для этой цели[281]. В зарубежном законодательстве, судебной практике и доктрине закрытый аукцион обозначается как «непубличный аукцион» (non-public auction) или «частный аукцион» (private auction)[282]. Такой

---

[279] См.: Романова В. В. Правовые вопросы, возникающие при заключении договоров на торгах, проводимых предприятиями энергетического комплекса с использованием электронных торговых площадок // Третейский суд. 2009. № 3. С. 164–165.

[280] См.: Кичик К.В. Государственный (муниципальный) заказ России: правовые проблемы формирования, размещения и исполнения. М., 2012. С. 213–214.

[281] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[282] См., например: [2015] KEHC 6971 (KLR); Harris v Nickerson (1873) LR 8 QB 286; Hoffman v. Horton 212 Va. 565, 186 S.E.2d 79 (Va. 1972); Huang Y., Cummings J. R., Spahr R., Sunderman M. A. Public Auction versus Private Negotiation in Residential Property Sales. Journal of Housing Research. 2022. Vol. 32 (3). P. 1–20.

аукцион необходимо разграничивать с понятием “sealed-bid auction” (или “sealed bidding”), которое также может переводиться на русский язык как «закрытый аукцион» [283] . Данное понятие предполагает такую форму аукциона, когда участники аукциона в частном порядке «вслепую» подают ставки в запечатанном конверте или же электронной форме, не владея информацией о предложениях других участников. Такой форму аукциона следует переводить как «аукцион с закрытыми ставками по первой цене», относить к открытым или публичным аукционам, поскольку круг участвующих лиц не ограничен.

Так, под электронным аукционом следует понимать открытую или закрытую форму торгов, представляющую собой продажу объектов с индивидуальными признаками лицу, предложившему наиболее высокую цену, осуществляемую в сети Интернет при помощи специального программного обеспечения, установленного на веб-сайте организатора торгов.

С одной стороны, коммерческие электронные аукционы сферы B2B за счет обеспечения анонимности поставщиков позволяют исключить нерыночные механизмы влияния и содействуют открытой ценовой конкуренции. С другой, ввиду отсутствия унифицированного правового регулирования осложнены рисками, ключевым среди которых являются уклонение продавца или покупателя от заключения и исполнения договора.

Осуществление электронного аукциона в сети Интернет предопределяет некоторую степень уязвимости его участников. К другим рискам можно отнести потенциальные ненадежность, недобросовестность поставщика, отсутствие у продавца реализуемой на аукционе вещи. Если договор между продавцом и покупателем был заключен, это не гарантирует, что вещь будет передана в соответствии с заявленными характеристиками, свойствами и качеством. Необходимо учитывать и риски, связанные с тем фактом, что во многих случаях по результатам трансграничного электронного аукциона продавец обязуется выслать

[283] Аукцион “Sealed Bidding” находит широкое правовое регулирование, например, в части 14 Положения о федеральных закупках США: Federal Acquisition Regulation (FAR) [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.acquisition.gov/sites/default/files/current/far/pdf/FAR.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

товар почтой или аналогичными сервисами доставки в другую страну, в том числе в труднодоступные места.

Негосударственные электронные торговые площадки в целях минимизации рисков предусмотрели необходимость авторизации продавца и покупателя, а также некоторые из них произвели интеграцию платежных систем. Предоставление участником сведений о регистрации, открытых банковских счетах позволяет обеспечить его идентификацию. Платежные системы способствуют не только упрощению процесса осуществления ставок за товар и последующих взаиморасчетов между сторонами, но и дают дополнительные гарантии исполнения обязательств по сделке.

Хотя зачастую в соответствии с принимаемой публичной офертой электронная торговая площадка выступает как посредник, предоставляющий программное обеспечение, а не как сторона сделки, некоторые «международные» торговые площадки предусматривают систему защиты участников аукциона.

Например, на eBay реализована система защиты как продавцов, так и покупателей в ходе электронного аукциона. В соответствии с Политикой гарантии возврата денег в случае непоставки товара или поставки товара, качество которого отличается от заявленного на аукционе, eBay компенсирует покупателю понесенные расходы в пределах до 2 тысяч долларов США[284]. Политика защиты продавца предусматривает возможность отказа продавца от сделки, если покупатель отказывается от своей ставки и это срывает аукцион, если покупатель не проводит оплату в течение установленного срока, а также гарантию того, что площадка eBay удалит все негативные или нейтральные отзывы и дефекты отмененного заказа[285]. В соответствии с Политикой отмены недействительных ставок реализована техническая невозможность отзывать ставку в случае, если покупатель передумал покупать товар; если покупатель намеревался приобрести

---

[284] eBay Money Back Guarantee policy [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ebay.com/help/policies/ebay-money-back-guarantee-policy/ebay-money-back-guarantee-policy?id=4210 (дата обращения: 03.05.2025).

[285] Seller protections [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ebay.com/help/policies/selling-policies/seller-protection-policy?id=4345 (дата обращения: 03.05.2025).

только один предмет, но сделал ставку на несколько одинаковых предметов; если ставка сделана на товары категории «Trading Cards»[286]. Также на площадке предусмотрена возможность использования продавцом функции немедленной оплаты (Auction with Buy It Now) при условии, что участник имеет действующую учетную запись продавца и подключен к платежной системе, стоимость товара не превышает 60 тысяч долларов США, указана стоимость доставки и все дополнительные платежи, включая налоги.

Напротив, на «государственных» электронных торговых площадках при участии в аукционе подобного рода риски минимизированы требованием об использовании электронной цифровой подписи. Такими электронным торговыми площадками являются Единая электронная торговая площадка (ЕЭТП, roseltorg.ru), Национальная электронная площадка (НЭП, etp-ets.ru), Общероссийская система электронной торговли (ZakazRF.RU, zakazrf.ru), РТС-тендер (rts-tender.ru), Сбербанк-АСТ (sberbank-ast.ru), ТЭК-Торг (tektorg.ru), ЭТП ГПБ (etpgpb.ru), АСТ ГОЗ (astgoz.ru), Всероссийская универсальная торговая площадка «Российский аукционный дом» (lot-online.ru). Исключительность электронной формы всех открытых аукционов на право заключения государственных и муниципальных контрактов обеспечивает публичность процедуры размещения заказов и способствует привлечению максимально широкого круга лиц для участия в них[287].

На этот счет есть и альтернативные точки зрения. Л. В. Андреева отмечает, что внедрение обязательной электронной формы такого рода аукционов влечет необходимость получения электронной цифровой подписи участниками, что усложняет доступ заинтересованных лиц к участию в электронном аукционе[288].

Безусловно, для получения усиленной квалифицированной электронной подписи (далее – КЭП) субъекту необходимо предпринять определенные действия.

---

[286] Invalid bid retraction policy [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ebay.com/help/policies/rules-policies-buyers/invalid-bid-retraction-policy?id=4227 (дата обращения: 03.05.2025).

[287] См.: Беляева О. А. Электронные аукционы по размещению государственных заказов: совершенствование правового регулирования // Журнал российского права. 2011. № 7. С. 17.

[288] См.: Андреева Л. В. Аукцион в электронной форме: новые правила и новые проблемы // Хозяйство и право. 2009. № 11. С. 35.

Однако в настоящее время для получения КЭП достаточно заполнить электронное заявление в личном кабинете на сайте ФНС России и единожды явиться в налоговый орган с USB токеном для записи сертификата на носитель. Более того, возможна выдача сертификата КЭП без физической явки в налоговый орган через мобильное приложение, в том числе по ранее самостоятельно сгенерированному сертифицированным ФСБ России средством электронной подписи запросу на сертификат КЭП[289].

Представить современное осуществление деятельности юридического лица или индивидуального без предпринимателя без электронной цифровой подписи весьма затруднительно, поскольку она широко применяется в работе с банковскими счетами, при сдаче бухгалтерской, налоговой, статистической и кадровой отчетности, осуществлении обмена документами с контрагентами. При этом следует отметить, что в открытом доступе отсутствуют точные статистические данные о соотношении количества зарегистрированных организаций и организаций, имеющих электронную цифровую подпись.

В силу технических характеристик квалифицированной электронной подписи, включая обеспечение идентификации подписанта и сохранении информации в ее неизменном виде, а также особого статуса в силу прямого указания в законодательстве, придании юридической силы подписанному с ее помощью документу равнозначной документу на бумажном носителе, именно авторизация пользователя на электронной торговой площадке с помощью электронной цифровой подписи позволяет исключить риски, связанные с уклонением продавца или покупателя от заключения и надлежащего исполнения договора.

На законодательном уровне предпринимаются шаги для обеспечения возможности получения иностранными компаниями электронной цифровой подписи в удостоверяющем центре ФНС России. Так, разработанным Минцифры

---

[289] См.: Памятка: «Как получить и как использовать квалифицированную электронную подпись?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/related_activities/ucfns/el_sign_getting/How_Use_Ecp.pdf. (дата обращения: 08.08.2025).

России Проектом Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи» предусматривается возможность выдачи усиленной квалифицированной электронной подписи юридическому лицу, зарегистрированному в соответствии с законодательством иностранного государства, международной организации, филиалу, представительству и иному обособленному подразделению указанных иностранных лиц и международных организаций, дипломатическому представительству или консульскому учреждению иностранных государств удостоверяющим центром ФНС России [290] . Внесение законопроекта в Государственную Думу и последующее его принятие позволят беспрепятственно участвовать иностранным организациями в аукционах, проводимых на российских «государственных» электронных торговых площадках.

Предписывать обязательность авторизации участника трансграничного электронного аукциона на коммерческих торговых площадках сферы B2B с помощью квалифицированной электронной цифровой подписи в целях снижения рисков в настоящее время обернется практической невозможностью совершения сделок на таких аукционах. Как это было рассмотрено во второй главе настоящего исследования, проблема множественности стандартов условий технической совместимости сертификатов выступает камнем преткновения в признании электронных подписей, выданных в соответствии с нормами иностранного права, на универсальном уровне.

Предпосылкой внедрения авторизации участника трансграничного электронного аукциона с помощью квалифицированной электронной цифровой подписи должно являться принятие универсального международного договора, который установит надлежащим образом разработанный перечень требований и

[290] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи», подготовлен Минцифры России, ID проекта 01/05/02-25/00154933, не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.02.2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=154933# (дата обращения: 08.08.2025).

могущих быть примененными технологий, создаст единообразные правовые нормы в национальном праве государств.

На региональном уровне наиболее целесообразным решением проблемы представляется создание единой платформы, учитывающей положения национального права или же посредством заключения соглашения между участниками электронного документооборота при взаимодействии частных и государственных структур (аналогично внедренному механизму в рамках договора о сотрудничестве СКБ Контур, SHECA и ООО «Газинформсервис»). Создание такой платформы, например, в рамках БРИКС, позволит внедрить необходимость авторизации участников электронного аукциона с помощью электронной цифровой подписи для заключения сделок между организациями и государствами-участниками объединения БРИКС и тем самым исключить риски, связанные с уклонением продавца или покупателя от заключения и надлежащего исполнения договора.

В соответствии с п. 5 ст. 1211 ГК РФ в отношении договора, заключенного на аукционе, по конкурсу или на бирже, применяется право страны, где проводится аукцион или конкурс либо находится биржа[291].

В своих работах А.И. Савельев обращает внимание, что данное правило применимо к договорам, заключаемым на классических аукционах, но не ко всем интернет-аукционам. На трансграничных площадках нередки случаи, когда владелец не управляет ходом ведения аукциона, а отбирает заявки сам продавец. Автор отмечает, что тогда безоговорочное применение закрепленной в ГК РФ коллизионной нормы вряд ли обоснованно, тем более что наличествуют сложности определить, что следует понимать под страной, где проводится аукцион[292].

В случае с электронным аукционом могут возникать сложности определения места его проведения, поскольку такой аукцион осуществляется в сети Интернет. Если крупнейшие площадки такие, как eBay, Amazon, Yahoo! имеют элементы

---

[291] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4985.

[292] См.: Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. С. 120–121.

физического присутствия, в частности, штаб-квартиры, откуда могут приниматься решения и осуществляться управление, то другие могут таковых не иметь и существовать исключительно в «виртуальном» мире.

Проблема определения места проведения электронного аукциона влияет не только на вопрос об установлении применимого права, но и юрисдикции, соответствия процедуры требованиям национального законодательства.

Использование формального подхода, предполагающего определение места аукциона по месту инкорпорации организатора торгов или владельца электронной торговой площадки, может не отражать фактическую связь с аукционом. Необходимо применять функциональный подход, иными словами, опираться на реальную тесную связь с правоотношением, то есть выявлять, откуда осуществляется управление аукционом, принимаются решения, где осуществляется идентификация участников.

Г.К. Дмитриева усматривала возможное решение рассматриваемой проблемы посредством законодательного закрепления правил, «согласно которым место проведения аукциона, конкурса или нахождения биржи в сети Интернет определяется местонахождением организатора такого аукциона, конкурса или биржи, а если это невозможно, то оно устанавливается на основании информации об их месте проведения или нахождения, указанной на соответствующем сайте, или по доменному имени, обеспечивающему проведение такого аукциона, конкурса либо доступа к электронной бирже»[293]. В то же время автор отмечала, что если определять местонахождение по информации с веб-сайта или доменному имени, то сохраняется возможность различного рода манипуляций: доменная зона веб-сайта и действительное местонахождение лиц, отвечающих за проведение торгов может отличаться[294].

Действительно, доменное имя, равно как и иные технические факторы, не могут создавать презумпцию реальной тесной связи государства, в национальной

---

[293] Дмитриева Г. К. Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 124.
[294] См.: там же. С. 124–125.

доменной зоне которого зарегистрирован веб-сайт, с правоотношением. Как уже было отмечено в настоящем исследовании, необходимо не забывать и о существовании международных доменных зон, их нередком использовании в качестве маркетингового инструмента, возможности иметь одновременно несколько адресов веб-сайтов, зарегистрированных в различных доменных зонах.

Именно организатор электронного аукциона решающим образом влияет на размещение условий, допуск участников, процедуру, контроль за ходом аукциона, обеспечивает его техническую надежность, с его действиями связана реализация ключевых юридических последствий. Потому под местом проведения электронного аукциона предлагается понимать местонахождение коммерческого предприятия организатора электронного аукциона (электронной торговой площадки), определяемое на основании реальных экономических и организационных факторов как место, где исполняются ключевые функции, а если организатором электронного аукциона является физическое лицо, местом проведения аукциона следует считать место его обычного проживания либо иное место, с которым деятельность по организации и юридическому оформлению аукциона имеет наиболее тесную связь, при условии, что именно там лицо принимает ключевые организационные решения и несет основные экономические риски. Субсидиарно может быть применен договорный подход. Организатор электронного аукциона может прямо указать в условиях, что аукцион считается проведенным, например, в месте управления его электронной торговой площадкой, что обеспечит предсказуемость и снизит риски правовой неопределенности.

С точки зрения анализа механизмов исполнения результатов аукциона на территории другого государства, процедура должна соответствовать требованиям национального законодательства. Различия в правовых режимах, стандартах, требованиях к форме сделки, трактовках в законодательстве места проведения аукциона, необходимость выполнения требований, предъявляемых к электронной торговой площадке, способны влиять на то, что результаты аукциона, признаваемые в одной стране, могут быть признаны недействительными в другой.

Деятельность любой трансграничной электронной торговой площадки так или иначе затрагивает территориальный суверенитет того государства, на которое направлена. В этой связи примечательно обратиться к делу LICRA et UEJF v. Yahoo! Inc[295]. Ввиду того, что, по мнению истцов, на электронном аукционе Yahoo! осуществлялись продажи предметов с нацистской символикой, требовалось ограничить доступ к торговой площадке. Была обоснована связь территориального суверенитета Франции и Интернет-пространства, доказана направленность деятельности по распространению рекламы на территории Франции, где установлена уголовная ответственность за оправдание нацизма. Несоответствие процедуры требованиям закона может повлечь за собой непризнание результатов электронного аукциона, например, в государстве покупателя. Единство требований к процедуре проведения электронного аукциона следует обеспечить посредством разработки типового закона, направленного на устранение коллизий различных правовых систем в сфере трансграничных торгов.

Таким образом, под электронным аукционом следует понимать открытую или закрытую форму торгов, представляющую собой продажу объектов с индивидуальными признаками лицу, предложившему наиболее высокую цену, осуществляемую в сети Интернет при помощи специального программного обеспечения, установленного на веб-сайте организатора торгов.

Под местом проведения электронного аукциона предлагается понимать местонахождение коммерческого предприятия организатора электронного аукциона (электронной торговой площадки), определяемое на основании реальных экономических и организационных факторов как место, где исполняются ключевые функции. Именно организатор электронного аукциона решающим образом влияет на размещение условий, допуск участников, процедуру, контроль за ходом аукциона, обеспечивает техническую надежность, с его действиями связана реализация ключевых юридических последствий. Субсидиарно может быть применен договорный подход. Организатор электронного аукциона может прямо указать в условиях, что аукцион считается проведенным, например, в месте

[295] LICRA et UEJF v. Yahoo! Inc. Tribunal de Grande Instance de Paris, RG 05308 (May 22, 2000).

управления его электронной торговой площадкой, что обеспечит предсказуемость и снизит риски правовой неопределенности.

В целях обеспечения единообразного определения применимого права к отношениям, возникающим из электронных аукционов, предлагается дополнить пункт 5 статьи 1211 ГК РФ положением, согласно которому если иное не предусмотрено соглашением сторон, местом проведения электронного трансграничного аукциона является страна, в которой находится коммерческое предприятие организатора электронного аукциона (оператора электронной торговой площадки).

Исключить риски недобросовестных действий участников, уклонения продавца или покупателя от заключения и надлежащего исполнения договора, возможность применять меры ответственности возможно обеспечить внедрением авторизации участника трансграничного электронного аукциона с помощью квалифицированной электронной цифровой подписи. Такому внедрению должно предшествовать принятие универсального международного договора, который установит надлежащим образом разработанный перечень требований и могущих быть примененными технологий, создаст единообразные правовые нормы в национальном праве государств. На региональном уровне наиболее целесообразным решением проблемы представляется создание единой платформы, учитывающей положения национального права или же посредством заключения соглашения между участниками электронного документооборота при взаимодействии частных и государственных структур.

Представляется, что обеспечить единство правового регулирования процедуры проведения электронного аукциона, требований к электронным торговым площадкам (включая трансграничные), а также правил признания электронных документов и исполнения результатов аукциона возможно посредством разработки и принятия модельных (типовых) норм по аналогии с Принципами УНИДРУА или Гаагскими принципами, которые будут ориентированы на электронные аукционы.

§ 3.3. Определение права, применимого к преддоговорной ответственности сторон (culpa in contrahendo), по совершению электронной трансграничной коммерческой сделки

В условиях цифровизации и трансграничного характера коммерческих сделок институт преддоговорной ответственности приобретает особую значимость. Взаимодействие сторон в электронной среде сопровождается неоднозначными ситуациями, когда договор еще не заключен, но сторона уже понесла убытки вследствие недобросовестного поведения контрагента. Актуальность усиливается отсутствием универсального подхода к институту culpa in contrahendo в национальной и зарубежной доктрине, различным правовым регулированием. В настоящем исследовании поставлена задача теоретического осмысления вопросов определения момента, с которого начинается преддоговорная стадия при взаимодействии сторон с использованием электронных средств связи; имеет ли место быть преддоговорная ответственность онлайн-платформ и маркетплейсов; проблема доказуемости в цифровой среде.

Институт преддоговорной ответственности (culpa in contrahendo) применительно ко внутренним отношениям исследован в работах различных авторов. О.В. Сушкова характеризует термин culpa in contrahendo как подходящий и удобный для коммерческой деятельности, в том числе и с целью привлечения недобросовестной стороны к ответственности [296] . Й. Унгер отмечает, что «преимуществом данной концепции является ее эластичность: она соответствует конкретным условиям договора и, в зависимости от возникшей ситуации, имеет разный объем наступления юридических последствий» [297] . Высказывались и альтернативные позиции. В частности, Б. Виндшайд считает, что институт преддоговорной ответственности не имеет практической реализации, поскольку

---

[296] См.: Сушкова О. В. Адаптация правового института преддоговорной ответственности (culpa in contrahendo) в российском предпринимательском праве // Вестник Университета имение О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3. С. 81.

[297] Unger J. Der Kampf und die Rechtwissenschaft, in DJZ 1906 // Zeitschrift für das Privat- und Öffentliche Recht der Gegenwart 15. Bd. S. 679.

предполагает дискуссионную конструкцию негативного договорного интереса и как следствие отсутствие у стороны оснований требовать возмещение убытков[298]. Обсуждается в литературе и вопрос о том, что при заключении сторонами соглашения о порядке ведения переговоров ответственность носит двойственный характер: является договорной и преддоговорной.

Трансграничные преддоговорные отношения стали предметом диссертационного исследования А.М. Степанищевой[299]. Автор проводит анализ природы, сущности и механизма правового регулирования трансграничных преддоговорных отношений, процесса их квалификации с учетом определения договорной и внедоговорной природы на основе отечественных и иностранных доктринальных подходов; предлагает квалифицировать трансграничные преддоговорные отношения квалифицировать как отношения sui generis в силу того, что они являются уникальной правовой конструкцией.

Гражданское законодательства ряда государств прямым образом регулирует вопросы преддоговорной ответственности стороны.

В соответствии с п. 2 ст. 434.1 ГК РФ устанавливается обязанность стороны при вступлении в переговоры о заключении договора действовать добросовестно, в частности не допускать вступление в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. Недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагаются: предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны; внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого

---

[298] Windscheid B. (Bernhard). Lehrbuch des Pandektenrechts / B. Windscheid ; bearb. von Th. Kipp. Neunte Auflage. Frankfurt am Main : Literarische Anstalt Rutten&Loening, 1906. Bd. 2 S. 156. № 5.

[299] См.: Степанищева А. М. Правовое регулирование и юридическая квалификация преддоговорных отношений в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, 2015. – 185 с.

ожидать[300]. Пунктом 3 ст. 434.1 ГК РФ закреплена обязанность стороны, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, возместить другой стороне причиненные этим убытки. Убытками, подлежащими возмещению недобросовестной стороной, признаются расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом[301]. Аналогичная обязанность закреплена и в отношении раскрытия конфиденциальной информации, ставшей известной стороне в ходе переговоров о заключении договора.

Статья 500 ГК КНР устанавливает, что в случае, если сторона в ходе заключения договора под видом заключения договора ведет переговоры со злым умыслом, намеренно скрывает существенные факты или предоставляет ложную информацию относительно заключения договора или совершает любые другие действия, противоречащие принципу добросовестности и тем самым причиняет убытки другой стороне, она несет ответственность за возмещение ущерба[302].

Например, сербское гражданское законодательство защищает участников переговоров, в том числе переговоров по государственным закупкам, не только от вреда, причиненного другой стороной, но и от любого поведения контрагента, противоречащего принципу добросовестности[303].

В некоторых других государствах институт culpa in contrahendo не находит прямой регламентации, закрепляется лишь общий принцип добросовестной реализации гражданских прав и исполнения обязанностей.

В Турецком Гражданском Кодексе и Турецком Кодексе об Обязательствах прямым образом не урегулирован вопрос преддоговорной ответственности. Турецкая правовая доктрина, следуя швейцарской традиции, признает лишь то, что

---

[300] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[301] Там же.

[302] Civil Code of the People's Republic of China (Adopted at the Third Session of the Thirteenth National People's Congress on May 28, 2020) [Electronic resource]. – Mode of access: https://english.www.gov.cn/atts/stream/files/5feda5b8c6d0cc300eea77ac (дата обращения: 13.04.2025).

[303] Rašević Ž., Despotović D. Public Procurement in Serbia as the Special Regime of Contract Law // Kultura polisa. № 20 (1), P. 133–136.

существует общий принцип добросовестного ведения переговоров[304]. Статья 2 ГК Турции устанавливает, что каждое лицо должно соблюдать правило добросовестности при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей [305] . Турецкий Кодекс об Обязательствах регулирует право на компенсацию в случае расторжения договора одной из сторон по причине собственной ошибки[306]. Специальные нормы также отсутствуют, в частности, в праве Швейцарии, Нидерландов, Индии.

Необходимо отметить и различное понимание правовой природы института преддоговорной ответственности в различных национальных правовых системах.

Во французском гражданском законодательстве институт culpa in contrahendo рассматривается как внедоговорная ответственность и основывается на общих положениях деликтного обязательства. Основное правило установлено в ст. 1240 ГК Франции, согласно которой любое действие лица, причинившее ущерб другому лицу, обязывает того, по чьей вине оно произошло, возместить его[307]. Данное положение применяется в том числе и к преддоговорной ответственности при введении в заблуждение (fausse déclaration), недобросовестном прекращении переговоров (rupture de mauvaise foi des négociations), сокрытии существенной информации (dissimulation d'informations importantes). Так, во Франции институт culpa in contrahendo защищается деликтным правом.

В Германии же институт преддоговорной ответственности регулируется специальными нормами и рассматривается как договорная ответственность особого рода (квазидоговорная). В соответствии с п. 2 параграфа 311 ГГУ

---

[304] Yildirim A. E. The concept of pre-contractual duties and a comparison between the draft common frame of reference, English and Turkish legal systems // Ankara Avrupa Çalışmaları Dergisi. 2017. Vol. 16. № 2. P. 191–194.

[305] Turkish Civil Code. Law N. 4721, dated 7/12/2002 (accepted 22.11.2001) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.lawsturkey.com/law/turkish-civil-code-4721 (дата обращения: 10.06.2025).

[306] Turkish Code of Obligations. Law N. 6098 of January 11, 2011 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/11084 (дата обращения: 10.06.2025).

[307] Code civil. Version en vigueur au 09 juin 2025 [Ressource électronique]. – Mode d'accès: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (дата обращения: 13.06.2025).

обязательство возникает также путем начала переговоров о заключении договора[308]. Параграф 280 ГГУ устанавливает правило об ответственности за причиненный ущерб вследствие нарушения обязательств, вытекающих из параграфа 311, если сторона не докажет отсутствие вины[309].

Так, в национальном праве существует два основных подхода к пониманию института преддоговорной ответственности (culpa in contrahendo). Согласно внедоговорному (деликтному) подходу, преддоговорная ответственность рассматривается как вид внедоговорного правонарушения, аналогичного причинению вреда, в этом случае сторона отвечает за виновное причинение убытков другой стороне до заключения договора (Франция, Италия, Испания, Бельгия). Квазидоговорный подход предполагает, что преддоговорная ответственность возникает из договорного обязательства особого рода, которое появляется в момент начала переговоров или деловых контактов, в некотором смысле вытекает из обязательства добросовестного поведения (Германия, Австрия, Швейцария).

В странах общего права как таковой институт преддоговорной ответственности отсутствует. Английские суды исходят из того, что контрагенты в переговорах преследует собственные интересы и делают это правомерно, кроме случаев прямого введения в заблуждение[310]. В случае причинения убытков до заключения договора неумышленно, на практике имеет место быть подача иска о введении в заблуждение по неосторожности (negligent misstatement claim).

В свою очередь, встречаются правовые системы, в которых институт culpa in contrahendo признается самостоятельным видом ответственности (Греция), а также в которых оценка правовой природы зависит от конкретных обстоятельств: в одной ситуации преддоговорная ответственность может быть определена как деликтная, а в другой – как договорная (Португалия).

---

[308] Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) (ausfertigungsdatum: 18.08.1896) [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BGB.pdf (дата обращения: 13.06.2025).
[309] Там же.
[310] Walford v. Miles. [1992] 2 AC 128, [1992] 1 A11 ER 453, [1992] 2 WLR 174 (HL 1992).

На международном уровне отсутствует акт, кодифицирующий правила о преддоговорной ответственности, а существующие международные конвенции зачастую регулируют отношения уже после заключения договора сторонами, например, Венская конвенция о международной купли-продаже товаров 1980 г. При этом в некоторых актах негосударственного регулирования такие нормы содержатся и отражают континентальную правовую традицию. В соответствии со ст. 2:301 Принципов европейского договорного права сторона может свободно вести переговоры и не несет ответственности за недостижение соглашения; однако сторона, которая вела переговоры или прервала их вопреки доброй воле и честному ведению дел, несет ответственность за убытки, причиненные другой стороне; противоречит добросовестности и честности сделки, в частности, вступление в переговоры или их продолжение без реального намерения достичь соглашения с другой стороной[311]. Идентичные положения закреплены и в ст. 2.1.15 Принципов УНИДРУА, в соответствии с которой сторона может свободно вести переговоры и не несет ответственности за недостижение соглашения; однако сторона, которая ведет переговоры или прерывает их недобросовестно, несет ответственность за убытки, причиненные другой стороне; недобросовестным, в частности, является вступление стороны в переговоры или их продолжение при намерении не достичь соглашения с другой стороной[312]. На практике отсутствие императивных унифицированных норм означает, что для трансграничной коммерческой сделки вопрос о наличии и содержании преддоговорной ответственности должен решаться в каждом конкретном случае в соответствии с применимым правом, выбранном сторонами, или на которое указывает коллизионная норма.

Различные подходы к пониманию правовой природы института преддоговорной ответственности вызывают проблемы квалификации правоотношений. От того или иного понимания правовой природы зависит

---

[311] Principles of European Contract Law – PECL [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.trans-lex.org/400200/_/pecl/#head_41 (дата обращения: 29.01.2025).

[312] Unidroit Principles of International Commercial Contracts 2016 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

коллизионный вопрос: в одном государстве будут применены нормы, регулирующие договорные обязательства, в другом – внедоговорные. Наиболее ярким примером может являться ситуация, когда немецкая компания внезапно прекратила переговоры о заключении договора с французской компанией, когда последняя вследствие такого поведения понесла убытки. А.М. Степанищева акцентирует, что необходимость квалификации трансграничных преддоговорных отношений возникает только в случае решения вопроса о преддоговорной ответственности, возникающей вследствие нарушения обязанности добросовестного ведения переговоров[313].

О.В. Сергеева (О.В. Муратова) обращает внимание на проблему выбора права, применимого к преддоговорной ответственности, поскольку данный вопрос сопряжен с трудностями определения наиболее значимого (тесно связанного) момента (факта), что особенно актуально в отношении места причинения вреда, местонахождения стороны[314].

В отношении определения права, применимого к преддоговорной ответственности сторон, в ГК РФ действуют норма о применении права, подлежащего применению к договору и применяемая субсидиарно норма, допускающая выбор сторонами права в отношении внедоговорных обязательств. Так, в соответствии с п. 1 ст. 1222.1 ГК РФ к обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора, применяется право, подлежащее применению к договору, а если договор не был заключен, применяется право, которое применялось бы к договору, если бы он был заключен[315]. В соответствии с п. 1 ст. 1223.1 ГК РФ если иное не вытекает из закона, после совершения действия или наступления иного обстоятельства, повлекших

---

[313] См.: Степанищева А. М. Правовое регулирование и юридическая квалификация преддоговорных отношений в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – М., 2015. С. 23.

[314] См.: Муратова О. В. Обязательства, возникающие вследствие ведения деловых переговоров с иностранным контрагентом: европейский опыт коллизионного регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 65.

[315] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4985.

причинение вреда или неосновательное обогащение, стороны могут выбрать по соглашению между собой право, подлежащее применению к обязательству, возникающему вследствие причинения вреда или вследствие неосновательного обогащения[316].

Представляется обоснованной критика рассмотренных норм О.В. Сергеевой (О.В. Муратовой), поскольку они ограничивают возможность применения соглашения о выборе права к преддоговорным обязательствам фактом причинения вреда; автор справедливо предлагает в целях реализации принципа автономии воли сторон изменение редакции ст. 1222.1 ГК РФ, предусмотрев, прежде всего, что к преддоговорным обязательствам применяется право, выбранное сторонами как до заключения договора, так и в последующем[317].

Возможно согласиться с предложением А.М. Степанищевой осуществлять коллизионное регулирование трансграничных преддоговорных отношений преддоговорным статутом, в основе определения которого лежит lex causae (закон, регулирующий существо отношений); в качестве которого (lex causae) могут выступать lex volunatis (закон, избранный сторонами отношения), characteristic performance (принцип характерного исполнения), Proper Law (наиболее подходящее право), lex loci delicti commissii (закон места причинения вреда)[318].

Проблематика выбора права, применимого к трансграничной преддоговорной ответственности, усиливается, когда речь заходит о взаимодействии сторон с помощью электронных средств связи с намерением заключить будущую электронную сделку. Возникает ряд вопросов, требующих теоретического осмысления. С какого момента начинаются переговоры в таком случае? Какое обстоятельство можно считать за предпосылку для преддоговорной ответственности: первые сообщения в мессенджере, видеозвонок, письмо на электронную почту, заполнение формы на веб-сайте, само посещение веб-сайта,

---

[316] Там же.

[317] См.: Муратова О. В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: от материально-правового к коллизионному регулированию : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М., 2017. С. 12–14.

[318] См.: Степанищева А. М. Указ. соч. С. 24–25.

автоматический отклик электронного агента? Если при проведении переговоров в традиционной форме момент начала преддоговорных отношений связывается со встречей для обсуждения условий будущей сделки, документальном оформлением условий, то при электронном взаимодействии сторон ориентиры размываются.

А.В. Дёмкина выделяет три этапа развития преддоговорных контактов сторон: «предпереговорный», этап согласования условий договора и заключение договора по результатам переговорного процесса[319]. На первом этапе выясняется наличие интереса у субъекта в ведении переговоров по поводу договора. По мнению автора, «предпереговорные» отношения возникнут при наличии двух волевых действий. При согласовании условий договора стороны уже определяются, что совершение сделки в принципе возможно и отвечает их интересам. На этапе заключения договора по результатам переговорного процесса сторонами уже согласованы вид и условия договора, остается его заключить. На последнем этапе может быть подписан и предварительный договор, тогда преддоговорное обязательство по ведению переговоров трансформируется в обязательство по заключению основного договора.

Недобросовестные действия стороны и причинение убытков могут иметь место быть и на «предпереговорном» этапе при предоставлении информации о предмете сделки, ознакомлении с объектом, вещи или документами. В данном случае лица, ведущие переговоры, это не обязательно именно стороны будущего договора. Возникает вопрос о том, кто будет нести ответственность. Представляется возможным согласиться с В.В. Богдановым, который предлагает частично перенять немецкий опыт регулирования преддоговорных отношений и считает, что по общему правилу преддоговорную ответственность перед контрагентами по сделкам, заключаемым посредниками в чужих интересах, должны нести последние, если только представляемый (комитент, доверитель,

[319] См.: Дёмкина А. В. Основы теории преддоговорного обязательства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 151–152.

принципал) не принял на себя дополнительную ответственность за действия посредника либо не освободил его от такой ответственности[320].

Что касается трансграничного взаимодействия с помощью электронных средств связи, например, французские суды, с одной стороны, конституируют отсутствие единообразного критерия, позволяющего достоверно определить момент, с которого сторона должна нести деликтную ответственность при электронной коммуникации, а с другой, отмечают отсутствие существенных отличий внезапного прерывания переговоров и отказа от заключения договора при традиционной форме переговоров и электронной[321]. Непропорциональный отказ при наличии обоснованных ожиданий у противоположной стороны, порождающий деликтную ответственность, равнозначным образом может возникать как при оформлении условий будущего договора на бумаге, так и при обмене документами с помощью электронной почты, как при переговорах в очной форме, так и в дистанционной с использованием любых средств связи, включая мессенджеры, email, платформы для видеосвязи.

Если сторона предоставляет ложные сведения о предмете сделки в переписке, безосновательно отказывается от заключения договора после длительной переписки, когда у другой стороны сформировалось обоснованное ожидание, что сделка будет совершена, разумно считать, что с этого момента может возникать преддоговорная ответственность.

Так, в вопросе определения момента вступления сторон в стадию преддоговорного взаимодействия предлагается применять подход активного юридически значимого действия. Суть такого подхода заключается в том, что преддоговорная ответственность может наступить с момента, когда сторона совершает активное действие, разумно воспринимаемое как начало деловых переговоров, а не просто техническое взаимодействие. К таким действиям в зависимости от конкретных обстоятельств могут быть отнесены начало деловой

---

[320] См.: Богданов В. В. Преддоговорные правоотношения в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 17–18.

[321] См. подробнее: CA Paris, 7 nov. 2018, A.D.A, EDA, ADA Services c/ Chris & Tif, RG n° 16/10209; Fr. Supr. Court, Jan. 25th, 2017, N° 15-28064, CP création / Solab Notre-Dame-de-Bondeville e.a.

переписки по электронной почте или в мессенджере, обсуждение условий будущей сделки в режиме видеосвязи, запрос коммерческого предложения по электронным каналам связи, регистрация на онлайн-платформе или заполнение формы обратной связи и т.п. Очевидно, что в данном случае само посещение веб-сайта, автоматические уведомления или ответы чат-бота, клик по рекламному баннеру не могут быть отнесены к активным юридически значимым действиям, влекущим за собой наступление преддоговорной ответственности.

Однако при удаленном взаимодействии сторон возникает проблема доказуемости. Для использования деловой переписки по email в качестве доказательства необходимо подтвердить, что электронной адрес принадлежит стороне, с которой велась переписка, что при отсутствии соответствующего документа (договора, соглашения о ведении переговоров) с указанием в контактной информации адреса электронной почты является затруднительным. Аналогично и при ведении деловой переписки с использованием диалогового окна на веб-сайте стороны переговоров – отсутствие указания адреса веб-сайта в документах порождает трудности доказывания принадлежности домена конкретному лицу. Современные мессенджеры и вовсе предоставляют пользователям возможность редактировать текст сообщений и полностью удалять их, и если одни лишь в течение определенного промежутка времени с момента отправки сообщения, то другие – без ограничений в любой момент. Сторонам переговоров, осуществляемых с помощью электронных средств связи, надлежит учитывать специфику такого взаимодействия, фиксировать и удостоверять доказательства в установленном национальным законом порядке.

С точки зрения преддоговорной ответственности онлайн-платформ и маркетплейсов, вопрос зависит от того, в какой роли выступает такая платформа. Трансграничная торговая площадка одновременно может являться техническим посредником, то есть связующим звеном между продавцом и покупателем; организатором и стороной сделки, например, когда сама платформа (Ozon, Amazon, eBay) является продавцом.

В 2020 году Федеральный верховный суд Германии при рассмотрении вопроса об ответственности Amazon.de за предложения на торговой площадке отметил, что в ситуации, когда поставщик пользуется торговой площадкой для размещения своих товаров, на нем лежит ответственность за предоставление достоверных сведений о товаре, включая изображения [322] . Также условия деятельности поставщиков на торговой площадке предполагают, что сторонние поставщики услуг должны обеспечивать соответствие продуктов и предложений всем применимым законодательным актам, а не торговая площадка. Именно сторонний поставщик продает от своего имени и за свой счет и, соответственно, несет полную ответственность за предложения по продаже и описания товаров.

Преддоговорная ответственность маркетплейса возможна в тех случаях, когда сама торговая площадка выступает стороной будущей сделки или будучи посредником совершает действия, влияющие на совершение сделки между сторонним продавцом и покупателем. Такими действиями могут являться: предоставление недостоверной или вводящей в заблуждении информация на платформе; безосновательный отказ в допуске продавца или покупателя к заключению сделки (торговая площадка допускает сторону к торгам, а затем внезапно блокирует аккаунт); создание ложных ожиданий у пользователей (торговая площадка направляет автоматические сообщения о подтверждении заказа, когда сделка еще юридически не оформлена).

В заключение третьей главы следует отметить, что повсеместная цифровизация коммерческих отношений, появление и развитие альтернативных форм ведения трансграничной торговли требует пересмотра сложившихся подходов.

Местонахождение коммерческого предприятия (place of business) стороны электронной трансграничной сделки следует определять на основании реальных экономических (материально-хозяйственных) и организационно-управленческих факторов. Такими факторами являются место, где проводится обработка заказов,

[322] OLG München, Urteil v. 20.02.2020 – 29 U 876/19.

осуществляется производство товаров, ведется деловая переписка, исполняются ключевые функции по ведению стороной своей коммерческой (хозяйственной) деятельности.

IP-адрес, местонахождение серверов не являются надежными критериями определения местонахождения коммерческого предприятия стороны сделки, поскольку легко изменчивы и не всегда содержат достоверную информацию об устройстве. Доменная зона, язык и валюта веб-сайта, номер телефона являются маркетинговыми инструментами, и их локализация свидетельствует о направленности на аудиторию соответствующего региона, а не о месте совершения постоянных деловых операций. Сегодня компании, не имеющие физического присутствия, использующие VPN или прокси-сервер, имеющие мультиязычный веб-сайт с указанием национальной валюты соответствующей страны и локального номера телефона не являются единичными. Подобные факторы не могут создавать презумпцию нахождения коммерческого предприятия в каком-либо государстве.

При осуществлении коммерческой деятельности компании исключительно в цифровой среде для определения местонахождения коммерческого предприятия стороны предлагается устанавливать страну, в которой осуществляется управленческое руководство деятельностью (центр принятия решений) такой стороны. Основным признаком, свидетельствующим о центре принятия решений, является фактическое руководство компанией. Если фактическое руководство не может быть достоверно установлено, субсидиарно последовательно применяются следующие критерии: страна, где находится конечный банковский счет, используемый для основных расчетов по сделкам; место хранения бухгалтерских и юридических документов, необходимых для ведения деятельности.

Под электронным аукционом следует понимать открытую или закрытую форму торгов, представляющую собой продажу объектов с индивидуальными признаками лицу, предложившему наиболее высокую цену, осуществляемую в сети Интернет при помощи специального программного обеспечения, установленного на веб-сайте организатора торгов.

Под местом проведения электронного аукциона предлагается понимать местонахождение коммерческого предприятия организатора электронного аукциона (электронной торговой площадки), определяемое на основании реальных экономических и организационных факторов как место, где исполняются ключевые функции, а если организатором электронного аукциона является физическое лицо, местом проведения аукциона следует считать место его обычного проживания либо иное место, с которым деятельность по организации и юридическому оформлению аукциона имеет наиболее тесную связь, при условии, что именно там лицо принимает ключевые организационные решения и несет основные риски. Именно организатор электронного аукциона решающим образом влияет на размещение условий, допуск участников, процедуру, контроль за ходом аукциона, обеспечивает техническую надежность, с его действиями связана реализация ключевых юридических последствий. Также организатор электронного аукциона может прямо указать в условиях, что аукцион считается проведенным, например, в месте управления его электронной торговой площадкой, что обеспечит предсказуемость и снизит риски правовой неопределенности.

Исключить риски недобросовестных действий участников, уклонения продавца или покупателя от заключения и надлежащего исполнения договора, возможность применять меры ответственности возможно обеспечить внедрением авторизации участника трансграничного электронного аукциона с помощью квалифицированной электронной цифровой подписи. Такому внедрению должно предшествовать принятие универсального международного договора, который установит надлежащим образом разработанный перечень требований и могущих быть примененными технологий, создаст единообразные правовые нормы в национальном праве государств. На региональном уровне наиболее целесообразным решением проблемы представляется создание единой платформы, учитывающей положения национального права или же посредством заключения соглашения между участниками электронного документооборота при взаимодействии частных и государственных структур.

Представляется, что обеспечить единство правового регулирования процедуры электронного аукциона, требований к электронным торговым площадкам, правил признания электронных документов и исполнения результатов аукциона возможно посредством разработки и принятия модельных (типовых) норм по аналогии с Принципами УНИДРУА или Гаагскими принципами, которые будут ориентированы на электронные аукционы.

Существуют различные подходы к пониманию правовой природы института преддоговорной ответственности. В одних национальных правовых системах преддоговорная ответственность рассматривается как вид внедоговорного правонарушения, в других – в качестве ответственности из договорного обязательства особого рода, в третьих правовых системах – оценка зависит от конкретных обстоятельств, а в странах общего права как таковой институт преддоговорной ответственности отсутствует. Вследствие этого возникает проблема квалификация правоотношений: в зависимости от государства рассмотрения трансграничного спора к одному и тому же правоотношению могут быть применены как нормы, регулирующие договорные обязательства, так и деликтные.

В целях определения момента вступления сторон в стадию преддоговорного взаимодействия предлагается применять подход активного юридически значимого действия, суть которого заключается в том, что преддоговорная ответственность может наступить с момента, когда сторона совершает активное действие, разумно воспринимаемое как начало деловых переговоров, а не просто техническое взаимодействие. К таким действиям в зависимости от конкретных обстоятельств могут быть отнесены начало деловой переписки по электронной почте или в мессенджере, обсуждение условий будущей сделки в режиме видеосвязи, запрос коммерческого предложения по электронным каналам связи, регистрация на онлайн-платформе или заполнение формы обратной связи и т.п. В таком случае само посещение веб-сайта, автоматические уведомления или ответы чат-бота, клик по рекламному баннеру не могут быть отнесены к активным юридически значимым действиям, влекущим за собой наступление преддоговорной ответственности.

Торговые площадки и маркетплейсы могут нести преддоговорную ответственность в тех случаях, когда сама торговая площадка выступает стороной будущей сделки или будучи посредником совершает действия, влияющие на совершение сделки между сторонним продавцом и покупателем. Такими действиями могут являться: предоставление недостоверной или вводящей в заблуждении информация на платформе; безосновательный отказ в допуске продавца или покупателя к заключению сделки; создание ложных ожиданий у пользователей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что использование понятий «электронная коммерция», «электронный бизнес» и «электронная сделка» как взаимозаменяемых является некорректным и искажает существо содержащихся в них явлений. Электронный бизнес отражает форму ведения операционной деятельности, включает цифровые технологии, обеспечивающие оптимизацию хозяйственных бизнес-процессов. Сформулирован вывод о том, что понятие электронного бизнеса шире понятия электронной коммерции. Отношения, связанные с заключением, исполнением и расторжением электронных сделок выступают основным компонентом электронной коммерции.

Под электронной трансграничной коммерческой сделкой следует понимать совершаемую в рамках предпринимательской деятельности сделку, направленную на установление, изменение или прекращение частноправовых отношений и осуществляемую с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и электронных средств связи, при условии, что волеизъявление сторон выражается в цифровой форме и наличествует связь с правопорядками двух или более государств. Обосновано, что ограничение способа совершения такой сделки исключительно сетью Интернет не соответствует признакам технологической нейтральности, закрепленным в Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г. Связь с правопорядками двух или более государств, помимо прочего, может проявляться через наличие иностранного элемента в фактическом составе частноправового отношения в виде юридического факта, когда иностранный информационный посредник выполняет юридически значимые функции по оформлению или подтверждению волеизъявления сторон; и субъекта, если информационный посредник вступает в самостоятельное обязательство и несет имущественную ответственность. О связи сделки с иностранным правопорядком также могут свидетельствовать включенность объекта (сделки) в иностранный правовой режим, экономическая направленность и функциональные параметры использования объекта.

На основании методов анализа и синтеза, компаративного метода исследования выявлено, что национальное право ряда государств (РФ, Казахстан, КНР, страны ЕС, Турция, ОАЭ) содержит требование о письменной форме трансграничной коммерческой сделки, заключенной посредством использования электронных средств связи. Одни государства (РФ, Турция, Казахстан) законодательно закрепляют лишь презумпцию действительности заключенных таким образом сделок, другие (ОАЭ, страны ЕС) – принимают специальные законы, регулирующие электронную коммерцию.

Аргументировано, что в качестве критериев допустимости тех или иных способов совершения электронных трансграничных коммерческих сделок могут быть выделены: идентификация лица, выразившего волю, доступность и достаточная демонстрация условий сделки. Под идентификацией лица, выразившего волю на совершение электронной сделки, предлагается понимать процесс достоверного установления субъекта, выразившего волю к заключению сделки, осуществляемый с использованием технических и правовых средств, позволяющих установить связь между совершенным действием и конкретным участником и обеспечить юридическую силу такого действия. В зависимости от конкретных обстоятельств, таким требованиям могут удовлетворять: обмен сторонами электронными сообщениями (электронными документами); подписание документа электронной подписью в порядке, соответствующем требованиям законодательства; использование конструкций «click-wrap» и «shrink-wrap».

На основании диалектических методов познания выявлено, что препятствием в эффективном признании электронных подписей, созданных в соответствии с нормами иностранного права и международными стандартами, выступает проблема множественности стандартов условий технической совместимости сертификатов. Для решения данной проблемы предложены две правовые модели внедрения механизма признания иностранных электронных подписей: для организаций, обладающих высокой степенью гармонизации национального законодательства, и иных организаций и объединений, а также в двухсторонних отношениях.

Установлено, что под электронным агентом следует понимать автоматизированное автономное программное обеспечение, способное без непосредственного участия (проверки или действия) человека в конкретный момент времени осуществлять поиск информации, совершать сделки, производить платежи и (или) взаимодействовать с другими аналогичными программными обеспечениями на основе той информации и данных, которые были в него запрограммированы.

Обосновано, что действия электронного агента следует связывать с действиями его владельца – лица, которое контролирует электронного агента, извлекает выгоду и несет риски, то есть оферента, акцептанта либо организатора платформы. Воля считается выраженной лицом в момент и в пределах настройки алгоритма принятия решений электронного агента. Субъект как иностранный элемент в сделке, совершенной посредством электронного агента, необходимо выявлять не через электронного агента, а через лицо, от имени и в интересах которого он действует.

Сформулирован вывод о том, что, поскольку использование электронного агента выступает одним из способов совершения трансграничной коммерческой сделки, наряду с другими (click-wrap, browse-wrap, и прочие), отсутствуют основания для выделения и формулирования принципиально новых коллизионных привязок для определения применимого права к таким отношениям. Попытки формулирования «новых» коллизионных привязок, основанных на технических характеристиках цифровой среды (место нахождения серверов, место создания и размещения программного обеспечения и подобных), являются необоснованными, поскольку такие факторы не отражают существа регулируемых отношений и не обеспечивают установление наиболее тесной связи сделки с правопорядком.

Доказано, что возникающие в результате технического и частного регулирования электронной коммерции lex informatica, lex electronica и иные феномены, происходящие от lex mercatoria, способны эффективно обеспечивать порядок взаимодействия участников, особенно в части процедурной и технической организации электронных сделок, однако данные источники не обладают

достаточной легитимностью и не могут в полной мере регулировать существо отношения: вопросы имущественной ответственности, защиты слабой стороны, публичного порядка и принудительного исполнения обязательств. Применение эклектического подхода, предполагающего сочетание нескольких способов правового регулирования, позволит развивать роль lex informatica и lex electronica как дополнительную и вспомогательную по отношению к государственному праву и унифицированным международным актам.

Выявлено, что местонахождение коммерческого предприятия стороны электронной трансграничной сделки необходимо определять на основании реальных экономических и организационных факторов. Такими факторами являются место, где проводится обработка заказов, осуществляется производство товаров, ведется деловая переписка, исполняются ключевые функции. При осуществлении деятельности компании исключительно в цифровой среде для определения местонахождения коммерческого предприятия стороны предлагается устанавливать страну, в которой осуществляется управленческое руководство деятельностью (центр принятия решений). В таком случае необходимо смещение от формальных к операционным критериям. Основным признаком, свидетельствующим о центре принятия решений, является фактическое руководство компанией. Если фактическое руководство не может быть достоверно установлено, субсидиарно последовательно применяются следующие критерии: страна, где находится конечный банковский счет, используемый для основных расчетов по сделкам; место хранения бухгалтерских и юридических документов, необходимых для ведения деятельности.

Установлено, что под электронным аукционом следует понимать открытую или закрытую форму торгов, представляющую собой продажу объектов с индивидуальными признаками лицу, предложившему наиболее высокую цену, осуществляемую в сети Интернет при помощи специального программного обеспечения, установленного на веб-сайте организатора торгов.

Под местом проведения электронного аукциона предлагается понимать местонахождение коммерческого предприятия организатора электронного

аукциона (электронной торговой площадки), определяемое на основании реальных экономических и организационных факторов как место, где исполняются ключевые функции. В работе обосновано, что именно организатор электронного аукциона решающим образом влияет на размещение условий, допуск участников, процедуру, контроль за ходом аукциона, обеспечивает техническую надежность, с его действиями связана реализация ключевых юридических последствий.

Сформулирован вывод о том, что обеспечить единство правового регулирования процедуры электронного аукциона, требований к электронным торговым площадкам, правил признания электронных документов и исполнения результатов аукциона возможно посредством разработки и принятия модельных (типовых) норм по аналогии с Принципами УНИДРУА или Гаагскими принципами, которые будут ориентированы на электронные аукционы.

Анализ отечественной и зарубежной судебной практики позволил определить, что для определения момента вступления сторон в стадию преддоговорного взаимодействия по совершению электронной трансграничной сделки следует применять подход активного юридически значимого действия, суть которого заключается в том, что преддоговорная ответственность может наступить с момента, когда сторона совершает активное действие, разумно воспринимаемое как начало деловых переговоров, а не просто техническое взаимодействие. К таким действиям в зависимости от конкретных обстоятельств могут быть отнесены начало деловой переписки по электронной почте или в мессенджере, обсуждение условий будущей сделки в режиме видеосвязи, запрос коммерческого предложения по электронным каналам связи, регистрация на онлайн-платформе или заполнение формы обратной связи. В таком случае само посещение веб-сайта, автоматические уведомления или ответы чат-бота, клик по рекламному баннеру не могут быть отнесены к активным юридически значимым действиям, влекущим за собой наступление преддоговорной ответственности.

В работе предлагается за основание преддоговорной ответственности торговых площадок и маркетплейсов рассматривать факты, когда сама торговая площадка выступает стороной будущей сделки или будучи посредником совершает

действия, влияющие на совершение сделки между сторонним продавцом и покупателем. Такими действиями могут являться: предоставление недостоверной или вводящей в заблуждении информация на платформе; безосновательный отказ в допуске продавца или покупателя к заключению сделки; создание ложных ожиданий у пользователей.

Самостоятельный научный интерес представляет дальнейшее изучение критериев определения местонахождения коммерческого предприятия участников экономических отношений, осуществляемых хозяйственную деятельность исключительно в цифровой среде, а также исследование роли негосударственного регулирования электронных трансграничных коммерческих сделок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Международные нормативные акты

1. Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в г. Вена 23.05.1969) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 22.01.2025).

2. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (вместе с «Дополнительным протоколом») (заключена в г. Варшаве 12.10.1929) (с изм. от 18.09.1961) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121448/ (дата обращения: 18.01.2025).

3. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (заключена в г. Монреале 28.05.1999) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_279611/ (дата обращения: 18.07.2025).

4. Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров (заключена в г. Нью-Йорке 14.06.1974) (вместе с «Протоколом об изменении Конвенции об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Вена, 1980 г.)» (подписан в г. Вене 11.04.1980)) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2650/ (дата обращения: 07.02.2025).

5. Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) (заключена в г. Женеве 19.05.1956) (с изм. от 05.07.1978) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4190/ (дата обращения: 05.04.2025).

6. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf (дата обращения: 05.07.2025).

7. Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (заключена в г. Нью-Йорке 23.11.2005) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 05.04.2025).

8. Конвенция Организации Объединенных Наций об оборотных грузовых документах («Аккрская конвенция об оборотных грузовых документах») (заключена в г. Нью-Йорк 15.12.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/default/files/2026-03/ch_x_22_certified_true_copy.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

9. Конвенция Организации Объединенных Наций о морской перевозке грузов (заключена в г. Гамбурге 31.03.1978) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3826/ (дата обращения: 05.01.2025).

10. Конвенция о международных железнодорожных перевозках (КОТИФ) (заключена в г. Берне 09.05.1980 г.) (с изм. от 03.06.1999) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=47835#eGshHvU8ScgvovcJ1 (дата обращения: 18.07.2025).

11. Конвенция УНИДРУА по международным факторинговым операциям (заключена в г. Оттаве 28.05.1988) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4966/ (дата обращения: 05.07.2025).

12. Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге (заключена в Оттаве 28.05.1988) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4965/ (дата обращения: 05.07.2025).

13. Рамочное соглашение об упрощении процедур трансграничной безбумажной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (принято 19.05.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://publication.pravo.gov.ru/file/pdf?eoNumber=0001202311280011 (дата обращения: 05.01.2025).

14. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке признания электронной подписи (электронной цифровой подписи) в электронном документе при трансграничном электронном взаимодействии (заключено 15.04.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62478/ (дата обращения: 07.12.2025).

15. Convention on the Law Applicable to Certain Rights in Respect of Securities held with an Intermediary (concluded 5 July 2006) [Electronic resource]. – Mode of access: https://assets.hcch.net/docs/3afb8418-7eb7-4a0c-af85-c4f35995bb8a.pdf (дата обращения: 18.07.2025).

Нормативные акты Российской Федерации

16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4985.

18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 231-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52. – Ст. 5496.

19. Налоговый Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

20. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (части I-II). – Ст. 3448.

21. Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах

государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4850.

22. Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

23. Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2023. – № 32 (часть I). – Ст. 6189.

24. Закон Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ – 1993. – № 32. – Ст. 1240.

25. Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

Нормативные акты зарубежных стран

26. Гражданский Кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Введен в действие Постановлением Верховного Совета РК от 27 декабря 1994 года № 269-XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 10.05.2025).

27. Закон Кыргызской Республики от 19 июля 2017 года № 128 «Об электронной подписи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/111635/edition/985628/ru (дата обращения: 12.05.2025).

28. Закон Республики Армения об электронном документе и электронной цифровой подписи от 14.12.2004 № ЗР-40-Н 2004 г. // СДЗ РА 2004–2005. – Том 9.

29. Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» // Национальный реестр

правовых актов Республики Беларусь. – 2010. – № 15. – 2/1665.

30. Закон Республики Казахстан от 7 января 2003 года № 370 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2003. – № 1-2. – Ст. 1.

31. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) (ausfertigungsdatum: 18.08.1896) [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BGB.pdf (дата обращения: 13.06.2025).

32. Digital Signature Act 1997. Laws of Malaysia. Act 562 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.commonlii.org/my/legis/consol_act/dsa1997181/ (дата обращения: 03.06.2025).

33. Civil Code of the People's Republic of China (Adopted at the Third Session of the Thirteenth National People's Congress on May 28, 2020) [Electronic resource]. – Mode of access: https://english.www.gov.cn/atts/stream/files/5feda5b8c6d0cc300eea77ac (дата обращения: 13.04.2025).

34. Code of Virginia. Title 59.1 «Trade and Commerce». Chapter 43 «Uniform Computer Information Transactions Act». 2000, c. 995 [Electronic resource]. – Mode of access: https://law.lis.virginia.gov/vacodepopularnames/uniform-electronic-transactions-act/#:~:text=(6)%20%22Electronic%20agent%22,or%20action%20by%20an%20individual (дата обращения: 01.04.2026).

35. Code civil. Version en vigueur au 09 juin 2025 [Ressource électronique]. – Mode d'accès: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (дата обращения: 13.06.2025).

36. Contract Law of the People's Republic of China. Adopted at the Second Session of the Ninth National People's Congress on March 15, 1999 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/11/content_1383564.htm (дата обращения: 20.04.2025).

37. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8

June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ('Directive on electronic commerce') [Electronic resource]. – Mode of access: http://data.europa.eu/eli/dir/2000/31/oj (дата обращения: 10.04.2025).

38. Electronic Commerce Act, 2000, S.O. 2000, c. 17 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ontario.ca/laws/statute/00e17 (дата обращения: 01.04.2026).

39. Electronic Commerce Act 2006. Laws of Malaysia. Act 658 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.commonlii.org/my/legis/consol_act/eca2006182/ (дата обращения: 03.06.2025).

40. Electronic Communications and Transactions Act 30 August 2002 [Updated to 1 December 2021] [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.saflii.org/za/legis/consol_act/ecata2002427.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

41. Electronic Signature Law of the People's Republic of China. Adopted at the 11th Meeting of the Standing Committee of the Tenth National People's Congress on August 28, 2004 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/05/content_1381960.htm (дата обращения: 05.03.2025).

42. Electronic Signature Proclamation № 1072/2018 // Federal Negarit Gazette № 25, 16th February 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: http://laws.eag.gov.et/Upload/CassationDecisionsDocument/fce05041-f22e-4930-a225-95748dd53c3e.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

43. Federal Law № (1) of 2006 On Electronic Commerce and Transactions [Electronic resource]. – Mode of access: https://tahseen.ae/media/2670/uae-2006-ecommerce-and-transactions-law-english.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

44. Law № 15/2004 on E-signature and Establishment of the Information Technology Industry Development Authority (ITIDA) [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/13546 (дата обращения:

11.03.2025).

45. Medida provisória Nº 2.200-2, de 24 de agosto de 2001 [Recurso eletrônico]. – Modo de acesso: https://www2.camara.leg.br/legin/fed/medpro/2001/medidaprovisoria-2200-2-24-agosto-2001-391394-normaatualizada-pe.doc (дата обращения: 14.03.2025).

46. NE Code. Chapter 86 «Telecommunications and Technology» // Laws 2002, LB 1105, § 381.

47. Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2008/593/oj/eng (дата обращения: 10.04.2025).

48. Regulation (EU) № 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC [Electronic resource]. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2014.257.01.0073.01.ENG (дата обращения: 15.04.2025).

49. The Digital Millenium Copyright Act of 1998 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

50. The Federal Decree-Law № 46/2021 Concerning Electronic Transactions and Trust Services [Electronic resource]. – Mode of access: https://tdra.gov.ae/-/media/About/Trust-Services/Laws-and-regulations/Federal-Decree-Law-No-46-OF-2021-On-Electronic-Transactions-and-Trust-Services-EN.ashx (дата обращения: 13.02.2025).

51. The Information Technology Act, 2000 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/13116/1/it_act_2000_updated.pdf (дата обращения: 10.03.2025).

52. The Internet Tax Freedom Act, 1998 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.congress.gov/bill/105th-congress/senate-bill/442/text (дата обращения:

19.01.2025).

53. Turkish Civil Code. Law N. 4721, dated 7/12/2002 (accepted 22.11.2001) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.lawsturkey.com/law/turkish-civil-code-4721 (дата обращения: 10.06.2025).

54. Turkish Code of Obligations. Law N. 6098 of January 11, 2011 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/11084 (дата обращения: 10.06.2025).

55. Uniform Electronic Transaction Act (s. 668.50) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&URL=0600-0699/0668/0668.html (дата обращения: 18.07.2025).

56. Uniform Electronic Transactions Act with California and Pennsylvania Consumer Revisions. Section 2 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.cga.ct.gov/lrc/ElectronicCommunications/ElectUETACalPAConsumRev.htm (дата обращения: 01.04.2026).

57. U.S. Code 15 § 7006 // Pub. L. 106–229, title I, § 106, June 30, 2000, 114 Stat. 472.

58. Utah Code. Title 46 «Notarization and Authentication of Documents and Electronic Signatures». Chapter 4 «Uniform Electronic Transactions Act». Part 1. Section 102 [Electronic resource]. – Mode of access: https://le.utah.gov/xcode/Title46/Chapter4/46-4-S102.html#:~:text=(6),or%20action%20by%20an%20individual (дата обращения: 01.04.2026).

59. Zákon č. 250/2017 Sb. Zákon o elektronické identifikaci [Elektronický zdroj]. – Režim přístupu: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2017-250 (дата обращения: 12.01.2025).

60. Zákon č. 297/2016 Sb. Zákon o službách vytvářejících důvěru pro elektronické transakce [Elektronický zdroj]. – Režim přístupu: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2016-297 (дата обращения: 12.01.2025).

Типовые соглашения и акты рекомендательного характера

61. Содействие укреплению доверия к электронной торговле: правовые вопросы международного использования электронных методов удостоверения подлинности и подписания 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/ru/08-55700_ebook.pdf#:~:text=information%20society%20services%2C%20in%20particular%20electronic%20commerce%2C,the%20Internal%20Market%2C%20Official%20Journal%20of%20the. (дата обращения: 20.03.2026).

62. Стандартные условия сотрудничества ООО «Интернет Решения» (Ozon.ru) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.ozon.ru/common/yuridicheskim-litsam/standartnye-usloviya-sotrudnichestva/?country=RU (дата обращения: 07.01.2025).

63. Казанская декларация. XVI Саммит БРИКС. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация. 23 октября 2024 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/Казанская_декларация.pdf?1729693488382423 (дата обращения: 01.02.2025).

64. Лицензионное соглашение на использование программы «ozon.ru для Android» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.ozon.ru/common/pravila-prodayoi-i-rekvizity/litsenzionnoe-soglashenie-na-ispol-zovanie-programmy-ozon-ru-dlya-android/?country=RU (дата обращения: 07.01.2025).

65. Лицензионное соглашение на использование программы «ozon.ru для iPhone» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.ozon.ru/common/pravila-prodayoi-i-rekvizity/litsenzionnoe-soglashenie-na-ispol-zovanie-programmy-ozon-ru-dlya-iphone/?country=RU (дата обращения: 07.01.2025).

66. Условия продажи товаров и услуг юридическим лицам на сайте Ozon.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.ozon.ru/common/pravila-

prodayoi-i-rekvizity/usloviya-prodayoi-tovarov-yuridicheskim-litsam-na-ozon-ru/?country=RU (дата обращения: 07.01.2025).

67. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (принят ЮНСИТРАЛ 21.06.1985), С изменениями, принятыми в 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/07-87000_ebook.pdf (дата обращения: 07.01.2025).

68. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях (принят ЮНСИТРАЛ 05.07.2001) и Руководство по принятию 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/ml-elecsig-r.pdf (дата обращения: 07.01.2025).

69. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (принят ЮНСИТРАЛ 12.06.1996) и Руководство по принятию 1996 г. с дополнительной статьей 5 бис, принятой в 1998 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/v1504119_ebook.pdf (дата обращения: 07.01.2025).

70. Юридическая таксономия по вопросам, касающимся цифровой экономики. Подготовлено секретариатом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/ru/digitaleconomytaxonomy_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

71. Civil law rules on robotics. Plenary – February II 2017 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/599250/EPRS_ATA(2017)599250_EN.pdf (дата обращения: 03.05.2025).

72. Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML%2BCOMPARL%2BPE-582.443%2B01%2BDOC%2BPDF%2BV0//EN (дата обращения: 12.05.2025).

73. eBay Money Back Guarantee policy [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ebay.com/help/policies/ebay-money-back-guarantee-policy/ebay-money-back-guarantee-policy?id=4210 (дата обращения: 03.05.2025).

74. Guide to the Main Provisions of an Availability-based PPP Contract Public-Private Partnerships in the Western Balkans. European PPP Expertise Centre. 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wbif.eu/library/page/guide-main-provisions-availability-based-ppp-contract2 (дата обращения: 01.05.2025).

75. International Chamber of Commerce “GUIDEC” [Electronic resource]. – Mode of access: https://iccwbo.org/home/guidec (дата обращения: 20.03.2026).

76. Invalid bid retraction policy [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ebay.com/help/policies/rules-policies-buyers/invalid-bid-retraction-policy?id=4227 (дата обращения: 03.05.2025).

77. Model Rules on Online Platforms. Report of the European Law Institute [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/ELI_Model_Rules_on_Online_Platforms.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

78. OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project. Designing Effective Controlled Foreign Company Rules, Action 3 – 2015 Final Report [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2015/10/designing-effective-controlled-foreign-company-rules-action-3-2015-final-report_g1g58ce1/9789264241152-en.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

79. Principles of European Contract Law – PECL [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.trans-lex.org/400200/_/pecl/#head_41 (дата обращения: 29.01.2025).

80. Seller protections [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ebay.com/help/policies/selling-policies/seller-protection-policy?id=4345 (дата обращения: 03.05.2025).

81. State Guarantees in PPPs: A Guide to Better Evaluation, Design, Implementation and Management. European PPP Expertise Centre. 2011 [Electronic

resource]. – Mode of access: https://www.eib.org/attachments/epec/epec_state_guarantees_in_ppps_en.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

82. Unidroit Principles of International Commercial Contracts 2016 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

83. UNCITRAL Guide on legal issues relating to the use of distributed ledger technology in trade (2025) [Electronic resource]. – Mode of access: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/EN/Texts/UNCITRAL/2516855e-ebook-accessible.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

84. User Agreement eBay from July 26, 2024 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ebay.com/help/policies/member-behaviour-policies/user-agreement?id=4259 (дата обращения: 03.05.2025).

85. World Bank: Guidance on PPP Contractual Provisions. 2019 Edition [Electronic resource]. – Mode of access: https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/sites/default/files/2021-03/Guidance%20on%20PPP%20Contractual%20Provisions_2019%20edition.pdf (дата обращения: 03.05.2025).

86. WTO – UNESCAP – UNCITRAL Cross-border Paperless Trade Toolkit [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/paperlesstrade2022_e.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

Судебная и иная практика

87. Постановление № 49 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 2. С.

24–32.

88. Постановление № 25 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

89. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.04.2019 г. по делу № А62-3369/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8049f9d2-a5fa-43d2-be4d-c67cf014fc24/ccb8f50e-b806-42ca-8405-9011be0f0f95/A62-3369-2018_20190401_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.02.2025).

90. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.11.2013 г. № 18002/12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arbitr.ru/materials/106641?path=%2Farxiv%2Fpost_pres%2F (дата обращения: 27.02.2025).

91. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 25.04.2016 г. по делу № А12-34919/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/iLUdUdPfZxrd/ (дата обращения: 27.02.2025).

92. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 29.03.2019 г. по делу № А40-26540/18-3-185 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8fdd4555-6e96-4526-99d4-5c9cf0fe4d6e/7d95298b-70c4-42fb-918f-b8654020a4cf/A40-26540-2018_20190329_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.02.2025).

93. Решение Коллегии ЕЭК № 120 от 22.08.2023 г. О Правилах признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе и обеспечения юридической силы электронных документов при трансграничном информационном взаимодействии юридических лиц (хозяйствующих субъектов) с уполномоченными органами государств – членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией с использованием службы

доверенной третьей стороны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01440785/err_24082023_120 (дата обращения: 30.04.2025).

94. Amanda Rushing, et al., Plaintiffs, v. Viacom Inc., et al., Defendants., 2018 U.S. Dist. LEXIS 176988.

95. Berman v. Freedom Financial Network, LLC. Case № 4:18-cv-01060-YGR. F.4th 849. 9th Cir. 2022.

96. Beta Computers (Europe) Ltd v. Adobe Systems (Europe) Ltd. 1996 S.L.T. 604.

97. Brower v. Gateway 676 N.Y.S.2d 569.

98. CA Paris, 7 nov. 2018, A.D.A, EDA, ADA Services c/ Chris & Tif, RG n° 16/10209; Fr. Supr. Court, Jan. 25th, 2017, N° 15-28064, CP création / Solab Notre-Dame-de-Bondeville e.a.

99. Daniela Mühlleitner v. Ahmad Yusufi and Wadat Yusufi Case C-190/11 [2012] CEC 923, para 46.

100. Fteja v. Facebook, Inc. Case № 11 Civ. 918 (RJH). S.D.N.Y. 2012.

101. Gaker v. Citizen's Disability, LLC. Case № 1:20-cv-11031-AK. D. Mass. 2023.

102. Harris v. Nickerson (1873) LR 8 QB 286.

103. Hoffman v. Horton 212 Va. 565, 186 S.E.2d 79 (Va. 1972).

104. Holdbrook Pediatric Dental, LLC v. Pro Computer Service, LLC. Case № 1:2014cv06115. D.N.J. 2015.

105. Judgment in Joined Cases C-585/08 and C-144/09 Peter Pammer v. Reederei Karl Schlüter GmbH & Co. KG and Hotel Alpenhof GesmbH v. Oliver Heller. Court of Justice of the European Unio. Press release № 118/10. Luxembourg, 7 December 2010.

106. Van Money Pie Inc., et al. C98-20064, 1998 WL 388389 (N.D. Ca., April 20, 1998).

107. LICRA et UEJF v. Yahoo! Inc. Tribunal de Grande Instance de Paris, RG 05308 (May 22, 2000).

108. Oberlandesgericht Hamburg 13.06.2002 – 3 U 168/00.

109. OLG München, Urteil v. 20.02.2020 – 29 U 876/19.

110. Pitchfork Ranch Co. v. Bar TL 615 P.2d 541.

111. ProCD, Inc. v. Zeidenberg, 86 F.3d 1447 39 U.S.P.Q.2d 1161, 1 ILRD 634 (7th Cir. 1996).

112. Rudder et al. v. Microsoft Corp., (1999) 106 O.T.C. 381 (SC);

113. Scot Typewriter Co. v. Underwood Corp., 170 F. Supp. 862, 865 (S.D.N.Y. 1959).

114. Sentenza Giudice di Pace di Partanna n.15/2002, nella causa civile n° 206/2001 R.G.A.C.

115. Steven J. Caspi, et al. v. The Microsoft Network, L.L.C., et al. 1999 WL 462175, 323 N.J. Super. 118, 732 A.2d 528 (N.J. App. Div., July 2, 1999).

116. The Canadian Real Estate Association v. Sutton (Québec) Real Estate Services Inc., Québec Supreme Court. Case № 500-05-074815-026. 10 April 2003.

117. Velocity Investments, LLC v. McCaffrey 1998 N.Y. App. Div. Lexis 8872.

118. Walford v. Miles. [1992] 2 AC 128, [1992] 1 A11 ER 453, [1992] 2 WLR 174 (HL 1992).

119. Wanjigi & another v. Bank of Africa Kenya Ltd & 2 others (Civil Case 237 of 2014) [2015] KEHC 6971 (KLR).

Монографии и сборники

120. Василевская, Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота : проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : в 5 томах / Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова, Ф. А. Тасалов / отв. ред. Л. Ю. Василевская / Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва : Проспект, 2021. – Том 1. – 367 с.

121. Вилкова, Н. Г. От глобального контрактного права к глобальному применимому праву / Н. Г. Волкова // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота : сб. ст . / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. С. Комарова. – М. : Статут , 2016. – 272 с.

122. Ильичев, С. К. Особенности налогообложения в сфере электронной

коммерции. / С. К. Ильичев. – М.: Маркет ДС, 2004. –188 с.

123. Калятин, В. О. Право в сфере Интернета / В. О. Калятин. – М.: Норма, 2004. – 480 с.

124. Канашевский, В. А. Внешнеэкономические сделки : материально-правовое и коллизионное регулирование / В. А. Канашевский. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 300 с.

125. Карев, Я. А. Электронные документы и сообщения в коммерческом обороте: правовое регулирование / Я. А. Карев. – М.: Статут, 2006. – 319 с.

126. Кичик, К. В. Государственный (муниципальный) заказ России: правовые проблемы формирования, размещения и исполнения / К. В. Кичик. – М.: Юстицинформ, 2012. – 260 с.

127. Кудашкин, В. В. Правовое регулирование международных частных отношений / В. В. Кудашкин. – М.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2004. – 378 с.

128. Минбалеев, А. В., Добробаба, М. Б., Ефремов, А. А., Щитова, А. А. Аналитический доклад «Правовые проблемы использования искусственного интеллекта» [Электронный ресурс] / А. В. Минбалеев, м. Б. Добробаба, А. А. Ефремов, А. А. Щитова. – 101 с. – Режим доступа: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_4-AD-_Pravovye-problemy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

129. Рашидов, О. Ш. Правовое регулирование электронного аукциона как основного способа размещения заказов / О. Ш. Рашидов // Государство и право в изменяющемся мире: правовая система в условиях информатизации общества : материалы IV научно-практической конференции с международным участием. – Н. Новгород : Изд-во «Автор», 2019. – 564 с.

130. Розенберг, М. Г. Международная купля-продажа товаров: Комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров / М. Г. Розенберг. – 4-е изд. – М.: Статут, 2010. – 462 с.

131. Рубанов, А. А. Вопросы теории правоотношения в международном частном праве / А. А. Рубанов // XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. –

233 с.

132. Савельев, А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А. И. Савельев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2020. – 918 с.

133. Смоленцев, Н. И. Информационные сети и телекоммуникации / Н. И. Смоленцев. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – 93 с.

134. Тедеев, А. А. Электронная коммерция (электронная экономическая деятельность). Правовое регулирование и налогообложение / А. А. Тедеев. – М.: Приор-издат., 2002. – 224 с.

135. Терентьева, Л. В. Трансграничные электронные сделки: международно-правовое и национально-правовое регулирование / Л. В. Терентьева. – М.: Проспект, 2026. – 165 с.

136. Чечкова, К. П. Открытый аукцион в электронной форме как механизм обеспечения экономической безопасности / К. П. Чечкова // Россия в мировом пространстве: точки экономического роста в современных условиях: Материалы международной конференции. – Ростов н/Д.: Изд- во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. – 208 с.

137. Шаршебаев, А. А., Турсунбекова, А. М. Актуальные проблемы, связанные с проведением онлайн-аукциона по аренде госимущества / А. А. Шашебаев, А. М. Турсунбекова // Развитие бухгалтерского учета и аудита в условиях цифровой экономики: Материалы Международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во КГАУ, 2019. – 349 с.

Научные статьи

138. Алимова, Я. О. Небольшой исторический экскурс по правилам Инкотермс с 1936 по 2020 г. С акцентом на новой редакции / Я. О. Алимова // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М., 2019. – № 10. – С. 147 – 156.

139. Андреева, Л. В. Аукцион в электронной форме: новые правила и новые проблемы / Л. В. Андреева // Хозяйство и право. – 2009. – № 11. – С. 27 – 35.

140. Астахов, Е. М. БРИКС: перспективы развития / Е. М. Астахов // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 1 (46). – С. 42 – 50.

141. Беляева, О. А. Электронные аукционы по размещению государственных заказов: совершенствование правового регулирования / О. А. Беляева // Журнал российского права. – 2011. – № 7. – С. 17 – 23.

142. Березина, Е. А. Использование программных агентов в юридической практике / Е. А. Березина // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 7 (152). – С. 71 – 85.

143. Былинкина, Е. В. Блокчейн: правовое регулирование и стандартизация / Е. В. Былинкина // Право и политика. – 2020. – № 9. – С. 143 – 155.

144. Василевская, Л. Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации / Л. Ю. Василевская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 5. – С. 32 – 40.

145. Виноградов, А. В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира / А. В. Виноградов // Сравнительная политика. – 2014. – № 1 (14). – С. 47 – 52.

146. Дёмкина, А. В. Основы теории преддоговорного обязательства / А. В. Дёмкина // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 39. – С. 148 – 161.

147. Дмитриева, Г. К. Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования / Г. К. Дмитриева // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 120 – 128.

148. Ефимова, Л. Г. Правовые особенности электронной формы банковских сделок / Л. Г. Ефимова // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М., 2017. – № 1. – С. 22 – 41.

149. Ефимова, Л. Г., Михеева, И. В., Чуб, Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах / Л. Г. Ефимова, И. В. Михеева, Д. В. Чуб // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 78 – 105.

150. Кауракова, М. В. Изучение опыта исходного состояния отрасли

электронной коммерции в России / М. В. Кауракова // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 4 (63). – С. 117 – 129.

151. Козлова, М. Ю. Текст договора в электронной форме / М. Ю. Козлова // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18. – № 4. – С. 48 – 53.

152. Кузнецов, М. Н. Некоторые особенности развития международного частного права / М. Н. Кузнецоы // Советский ежегодник международного права. – 1991. – № 1. – С. 23 – 32.

153. Кутейников, Д. Л., Ижаев, О. А., Лебедев, В. А., Зенин, С. С. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, В. А. Лебедев, С. С. Зенин // Lex Russica. – 2019. – № 9 (154). – С. 85–95.

154. Ловцов, Д. А., Терентьева, Л. В. Правовое регулирование международных коммерческих электронных контрактов. Технологические и правовые аспекты электронной подписи / Д. А. Ловцов, Л. В. Терентьева // Lex russica. – 2020. – Т. 73. – № 7. – С. 115 – 126.

155. Лунина, Е. В. Электронные торги по предоставлению земельных участков, находящихся в публичной собственности, как способ обеспечения рационального землепользования / Е. В. Лунина // Журнал российского права. – 2019. – № 4. – С. 120 – 134.

156. Мажорина, М. В. Киберпространственные подсистемы lex mercatoria / М. В. Мажорина // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 3. – С. 109 – 123.

157. Мажорина, М. В. Право на выбор неправа: как открыть ящик Пандоры с помощью lex voluntatis / М. В. Мажорина // Lex Russica. – 2021. – Т. 74. – № 12 (181). – С. 9 – 21.

158. Мажорина, М. В. Право международной торговли и Lex mercatoria / М. В. Мажорина // Российский юридический журнал. – 2010. – № 1. – С. 33 – 41.

159. Мажорина, М. В. Lex mercatoria — средневековый миф или феномен глобализации? / М. В. Мажорина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – С. 4 – 19.

160. Маслова, С. В. Lex PPPs как источник регулировании трансграничных отношений в сфере государственно-частного партнерства и роль международных организаций в формировании lex PPPs / С. В. Маслова // Международное право и международные организации. – 2021. – № 4. – С. 1 – 10.

161. Мельник, В. Д. О некоторых особенностях интернет-споров, возникающих из сделок, совершенных на маркетплейсах / Д. В. Мельник // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – № 5. – С. 47 – 54.

162. Минбалеев, А. В., Сафронов, Е. Г. Правовая природа блокчейн / А. В. Минбалеев, Е. Г. Сафронов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2018. – Т. 18, – № 2. – С. 94 – 97.

163. Михалева, Е. С., Шубина, Е. А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники / Е. С. Михалева, Е. А. Шубина // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 12 (109). – С. 26 – 35.

164. Мохат, П. М. Концепт индивидуального субъекта права применительно к электронному лицу (правосубъектность юнита искусственного интеллекта, коррелируемая (соотносимая, сопоставимая) с правосубъектностью человека) / П. М. Мохат // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 8 (164). – С. 74 – 77.

165. Муратова, О. В. Обязательства, возникающие вследствие ведения деловых переговоров с иностранным контрагентом: европейский опыт коллизионного регулирования / О. В. Муратова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 3. – С. 64 – 68.

166. Наумов, В. Б., Архипов, В. В. Проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» / В. Б. Наумов, В. В. Архипов // Вып. 7: Право и информация: вопросы теории и практики : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н. А. Шевелёва, д-р юрид. наук, проф. – 2018. – С. 220 – 226.

167. Перетерский, И. С. Система международного частного права / И. С. Перетерский // Советское государство и право. – 1946. – № 8 – 9. – С. 17 – 30.

168. Родионов, А. В. Квалификация понятия электронной трансграничной коммерческой сделки / А. В. Родионов // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. – № 8 (177). – С. 79 – 84.

169. Родионов, А. В. О возможности признания иностранной электронной подписи в рамках БРИКС / А. В. Родионов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 3 (127). – С. 228 – 235.

170. Родионов, А. В. Проблема выполнения требований к форме трансграничной коммерческой сделки, заключенной посредством электронных средств связи / А. В. Родионов // Юридическая наука. – 2025. – № 12. – С. 82 – 84.

171. Родионов, А. В. Трансграничные сделки, заключаемые с участием электронных агентов / А. В. Родионов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и Право». – 2025. – № 2. – С. 139 – 142.

172. Романова, В. В. Правовые вопросы, возникающие при заключении договоров на торгах, проводимых предприятиями энергетического комплекса с использованием электронных торговых площадок / В. В. Романова // Третейский суд. – 2009. – № 3. – С. 159 – 169.

173. Савинов, Ю. А., Алымов, М. О. Интернет-аукционы в международной торговле / Ю. А. Савинов, М. О. Алымов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 4. – С. 33 – 44.

174. Садчиков, М. Н. Контроль как критерий налогово-правового статуса контролируемой иностранной компании / М. Н. Садчиков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 5 (112). – С. 142 – 146.

175. Сакович, О. М. Законодательное регулирование электронных сделок в Чехии и Словакии / О. М. Сакович // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 5. – С. 79 – 91.

176. Саяпин, С. П. К вопросу об определении понятия «блокчейн» в целях нормативного регулирования / С. П. Саяпин // Образование и право. – 2024. – № 8. – С. 420 – 427.

177. Сергеева, О. В. Влияние цифровизации на преддоговорные отношения в международном частном праве / О. В. Сергеева // Право. Журнал Высшей школы

экономики. – 2020. – № 3. – С. 162 – 184.

178. Сергеева, О. В. Трансграничные дистанционные контракты B2C в практике Суда Европейского Союза: потребитель всегда прав? / О. В. Сергеева // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 7. – С. 130 – 138.

179. Серова, О. А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы / О. А. Серова // Гражданское право. – 2018. – № 3. – С. 22 – 24.

180. Стригунова, Д. П. О заключении дистанционных контрактов / Д. П. Стригунова // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 5. – С. 162 – 165.

181. Сушкова, О. В. Адаптация правового института преддоговорной ответственности (culpa in contrahendo) в российском предпринимательском праве / О. В. Сушкова // Вестник Университета имение О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 3. – С. 79 – 87.

182. Терентьева, Л. В. Использование электронных сообщений в международных договорах / Л. В. Терентьева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – № 2. – С. 77 – 87.

183. Терентьева, Л. В. Критерий «направленной деятельности» применительно к отношениям, связанным с защитой персональных данных / Л. В. Терентьева // Правовая информатика. – 2021. № 1. – С. 61 – 69.

184. Фролова, Е. Е., Берман, А. М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения / Е. Е. Фролова, А. М. Берман // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17. – № 3. – С. 57 – 83.

185. Храпунова, Е. А. Особенности заключения договора с помощью технических средств связи / Е. А. Храпунова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – № 4. – С. 59 – 66.

186. Чубукова, С. Г. Развитие концепции правового регулирования международного информационного обмена / С. Г. Чубукова // Правовая информатика. – 2018. – № 4. – С. 59 – 65.

187. Шайдуллина, В. К. Использование роботов в электронной торговле при заключении договоров: проблемы правового регулирования / В. К. Шайдуллина // Baltic Humanitarian Journal. – 2020. – Т. 9. – № 1 (30). – С. 390 – 392.

Учебники, пособия и справочные издания

188. Ануфриева, Л. П. Международное частное право: В 3-х т. Том 2. Особенная часть: Учебник / Л. П. Ануфриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство БЕК, 2002. – 656 с.

189. Блажеев, В. В. Цифровое право : учебник / В.В. Блажеев, М.А. Егорова. – М.: Проспект, 2020. – 640 с.

190. Богуславский, М. М. Международное частное право : учебник / М. М. Богуславский. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2026. – 672 с.

191. Бройдо, В. Л., Ильина, О. П. Вычислительные системы, сети и телекоммуникации: Учебник для ВУЗов / В. Л. Бройдо, О. П. Ильина. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2011. – 560 с.

192. Брун, М. И. Международное частное право / М. И. Брун. – М.: Издат. Комиссия общ-ва взаимопомощи студ. Моск. коммерческого ин-та, 1912. – 312 с.

193. Гаврилов, Л. П. Электронная коммерция : учебник и практикум для вузов / Л. П. Гаврилов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 579 с.

194. Гетьман-Павлова, И. В. Международное частное право в 3 т. Том 3. Материально-процессуальные и процессуальные отрасли : учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 271 с.

195. Кобелев, О. А. Электронная коммерция: Учеб. пособие / под ред. С. В. Пирогова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2020. – 682 с.

196. Лунц, Л. А. Курс международного частного права : в 3 т. / Л. А. Лунц. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.

197. Международное частное право : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2016. – 680 с.

198. Международное частное право: Учебник: В 2 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. А. И. Абдуллин, Н. М. Артемьева, С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. – М.: Статут, 2011. – 400 с.

199. Международное частное право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Особенная часть / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. – М.: Статут, 2015. – 764 с.

200. Международное частное право : учебник для академического бакалавриата / под ред. Н. И. Марышевой. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 507 с.

201. Международное частное право : учебник для бакалавров / А. И. Кривенький. – 6-е изд., перераб. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2023. – 437 с.

202. Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Суханов Е. А., 4-е изд., стер. – М.: Статут, 2015. – 958 с.

203. Шарков, Ф. И. Интерактивные электронные коммуникации (возникновение «Четвертой волны») : Учебное пособие / Ф. И. Шарков. – 3-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. – 260 с.

Диссертации и авторефераты

204. Богданов, В. В. Преддоговорные правоотношения в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Богданов Владимир Владимирович. – М., 2011. – 29 с.

205. Борщёв, В. Г. Становление и развитие предпринимательской деятельности в Интернет-экономике : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Борщёв Виталий Геннадьевич. – СПб., 2004. – 150 с.

206. Гницевич, К. В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (culpa in contrahendo) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Гницевич Константин Викторович. – СПб., 2009. – 26 с.

207. Горшкова, Л. В. Правовые проблемы регулирования частноправовых отношений международного характера в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Горшкова Людмила Вячеславовна. – М., 2004. – 184 с.

208. Дмитрик, Н. А. Способы осуществления субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей с использованием сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Дмитрик Николай Андреевич. – М., 2007. – 31 с.

209. Зажигалкин, А. В. Международно-правовое регулирование электронной коммерции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Зажигалкин Александр Владимирович. – СПб., 2005. – 189 с.

210. Зайнутдинова, Е. В. Смарт-контракт в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Зайнутдинова Елизавета Владимировна. – Красноярск, 2022. – 238 с.

211. Камалян, В. М. Правовые особенности заключения и исполнения банковских договоров в цифровой экономике : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Камалян Владислав Михайлович. – М., 2021. – 211 с.

212. Карев, Я. А. Правовое регулирование использования электронных документов в договорных отношениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Карев Ян Александрович. – М., 2005. – 36 с.

213. Козинец, Н. В. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Козинец Никита Владимирович. – М., 2017. – 209 с.

214. Косарев, А. С. Проблемы правового регулирования сделок в сфере электронной коммерции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Косарев Антон Сергеевич. – М., 2010. – 209 с.

215. Кофейников, Д. В. Международно-правовое регулирование электронной торговли государств БРИКС : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Кофейников Денис Владимирович. – М., 2019. – 175 с.

216. Красикова, А. В. Гражданско-правовое регулирование электронных сделок : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Красикова Анна Валерьевна. – Волгоград, 2005. – 180 с.

217. Кудряшов, С. Ю. Применение технологии блокчейн с целью повышения доверия пользователей к использованию юридически значимых баз данных : дис. ... канд. техн. наук : 05.13.18 / Кудряшов Сергей Юрьевич. – М., 2021. – 184 с.

218. Курбатов, А. Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования и проблемы реализации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Курбатов Алексей Янович. – М., 2009. – 422 с.

219. Мальцев, А. С. Коллизионно-правовое регулирование трансграничных гражданско-правовых отношений, возникающих в процессе электронного взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Мальцев Антон Сергеевич. – М., 2006. – 26 с.

220. Мальцев, А. С. Коллизионно-правовое регулирование трансграничных гражданско-правовых отношений, возникающих в процессе электронного взаимодействия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Мальцев Антон Сергеевич. – М., 2006. – 175 с.

221. Миненкова, Н. В. Международно-правовое и национально-правовое регулирование электронной торговли : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Миненкова Наталья Владимировна. – М., 2008. – 224 с.

222. Моченов, В. Ю. Правовое регулирование электронной коммерции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Моченов Владимир Юрьевич. – М., 2006. – 175 с.

223. Муратова, О. В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: от материально-правового к коллизионному регулированию : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Муратова Ольга Вячеславовна. – М., 2017. – 178 с.

224. Симонович, П. С. Правовое регулирование отношений, связанных с совершением сделок в электронных информационных сетях в России, США и ЕС: : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Симонович Павел Сергеевич. – М., 2004. – 173 с.

225. Степанищева, А. М. Правовое регулирование и юридическая квалификация преддоговорных отношений в международном частном праве :

автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Степанищева Анна Михайловна. – М., 2015. – 30 с.

226. Степанищева, А. М. Правовое регулирование и юридическая квалификация преддоговорных отношений в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Степанищева Анна Михайловна. – М., 2015. – 185 с.

227. Шишаева, Е. Ю. Правовое регулирование использования электронного документа в предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Шишаева Елена Юрьевна. – М., 2005. – 28 с.

Комментарии к нормативным актам

228. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров : Комментарий / [М. М. Богуславский и др. ; Ред. В. И. Кулешова]. – М.: Юрид. лит., 1994. – 315 с.

229. An International Approach to the Interpretation of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (1980) as Uniform Sales Law. – Cambridge University Press, 2007. – 528 p.

230. Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) / [edited by] Peter Schlechtriem, Ingeborg Schwenzer. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 1480 p.

231. Commentary on the UN sales law (CISG) / edited by Christoph Brunner, Benjamin Gottlieb. – Alphen aan den Rijn, The Netherlands; Frederick, MD : Wolters Kluwer, 2019. – 752 p.

Зарубежная литература

Монографии

232. Basu, K., Mishra, A. Law and Economic Development. Behavioral and Moral Foundations of a Changing World / K. Basu, A. Mishra. – Palgrave Macmillan, 2023. – 279 p.

233. Berger, K. P. Private Dispute Resolution in International Business: Negotiation, Meditation, Arbitration / K. P. Berger. – 2nd Edition. – Wolters Kluwer Law

& Business, 2009. – 968 p.

234. Honnold, J. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention / J. Honnold. – 5th edition. – Kluwer Law Intl, 2021. – 984 p.

235. IBM iSeries e-business Handbook: A V5R1 Technology and Product Reference [Electronic resourse] – IBM. October 2001. – 356 p. – Mode of access: https://www.redbooks.ibm.com/redbooks/pdfs/sg246711.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

236. Jackson, L. P., Harris, P. M. Eckersley E-Business Fundamentals / L. P. Jackson, P. M. Harris. – London; New York : Routledge, 2011. – 272 p.

237. Langvardt, A. W. Business law : the ethical, global, and e-commerce environment / A. W. Langvardt,. – New York : McGraw-Hill Education, 2019. –1648 p.

238. Lutzi, T. Private International Law Online: Internet Regulation and Civil Liability in the EU | T. Lutzi. – Oxford University Press, 2020. – 272 p.

239. Makesinis, B., Underath, H., Johston, A. The German Law of Contract: A Comparative Treatise / B. Makesinis, H. Underath, A. Johston. – Hart Publishing, 2006. –1040 p.

240. Online Auction Market 2025-2029. – TechNavio, 2024. – 201 p.

241. Online Auction – Global Strategic Business Report. – Global Industry Analysts Inc..2025. – 172 p.

242. Online Auction Market Report 2025 (Global Edition). – Cognitive Market Research, 2025. – 265 p.

243. Roberts, J. International Sale of Goods. In International Transactions. Trade and Investment, Law and Practice / ed. by Wilde M. – The Law Book Company Limited, Melborne, 1993. – 531 p.

244. Thomas, L. Mesenbourg. Measuring Electronic Business. U.S. Bureau of the Census [Electronic resource] / Mesenbourg L. Thomas. – Mode of access: https://www.census.gov/content/dam/Census/library/working-papers/2001/econ/ebusasa.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

245. Schneider, G. P. E-Business, Ninth Edition, Schneider, Ph.D., CPA / Gary P. Schneider. – Printed in the United States of America, 2011. – 534 p.

246. Schwenzer, I., Schroeter, U. G. Schlechtriem & Schwenzer: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) / I. Schwenzer, U. G. Schroeter. – 5th Edition. – Oxford University Press, 2023. – 2144 p.

247. Starke, J. Introduction to International Law / J. Starke. – 10-th ed. – London: Butterworths, 1989. – 708 p.

248. Quintavalla, A., Temperman, J. Artificial Intelligence and Human Rights / A. Quintavalla, J. Temperman. – Oxford University Press, 2023. – 689 p.

249. Wang, F. F. Internet Jurisdiction and Choice of Law : Legal Practices in the EU, US and China / F. F. Wang. – Cambridge University Press, 2010. – 261 p.

250. Wild, Ch., Weinstein, S., MacEwan, N., Geach, N. Electronic and Mobile Commerce Law: An analysis of trade, finance, media and cybercrime in the digital age / Ch. Wild, S. Weinstein, N. MacEwan, N. Geach. – University Of Hertfordshire Press, 2011. – 579 p.

251. William, W. P. Arbitration of International Business Disputes: Studies in Law and Practice / W. Park William. – Oxford University Press, 2006. – 776 p.

252. Yasmin, I. E-commerce in the World Trade Organization: History and latest developments in the negotiations under the Joint Statement / Ismail Yasmin. – International Institute for Sustainable Development and CUTS International, Geneva, 2020. – 29 p.

Научные статьи на иностранных языках

253. Christoph, S. Conclusion of contracts by electronic agents. In Proceedings of the 10th international conference on Artificial intelligence and law (ICAIL '05) / Sorge Christoph // Association for Computing Machinery, New York, USA. – 2005. – P. 210 – 214.

254. Collins, H. Flipping Wreck: Lex Mercatoria on the Shoals of Ius Cogens [Electronic resource] / H. Collins // Contract Governance: Dimensions in Law and Interdisciplinary Research (Oxford). – 2015. – Mode of access: https://academic.oup.com/book/11486/chapter-abstract/160228969?redirectedFrom=fulltext (дата обращения: 18.03.2025).

255. Fischer, J. P. Computers as Agents: A Proposed Approach to Revised U.C.C. Article 2 / J. P. Fischer // Indiana Law Journal. – 1997. – Vol. 72. – Issue 2. – Article 13. – P. 545 – 570.

256. Godefroy, L. Le code algorihmique au service du droit / L. Godefroy // Recueil Dalloz. – 2018. – № 14/7771. – P. 713 – 792.

257. Huang, Y., Cummings, J. R., Spahr, R., Sunderman, M. A. Public Auction versus Private Negotiation in Residential Property Sales / Y. Huang, J. R. Cummings, R. Spahr, M. A. Sunderman // Journal of Housing Research. – 2022. – Vol. 32 (3). – P. 1 – 20.

258. Huq, A. Z. Artificial Intelligence and the Rule of Law / A. Z. Huq // Public Law and Legal Theory Working Paper Series. – 2021. – №. 764. – P. 5 – 14.

259. Kablan, S. A. Pour une évolution du droit des contrats: le contrat électronique et les agents intelligents [Ressource électronique] / S. A. Kablan // Faculté de droit. Université Laval Québec. – Mode d'accès: https://corpus.ulaval.ca/jspui/handle/20.500.11794/19829?locale=en (дата обращения: 20.03.2025).

260. Klein, J. Repenser le contrat à l'èrè numérique / J. Klein // Revue des juristes de science PO. –2019. –№ 17. – P. 68 – 75.

261. Lerouge, J.-F. The use of electronic agents questioned under contractual law: suggested solutions on a European and American level / J-F. Lerouge // Journal of Computer & Information Law. 1999. Vol. 18. Issue 2. P. 403 – 433.

262. Lima, P. U., Paiva, A. Autonomous and Intelligent Robots: Social, Legal and Ethical Issues / P. U. Lima, A. Paiva // Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law, Law, Governance and Technology. – 2024. – Series 58. – P. 182 – 199.

263. Maniruzzaman, A. F. M. The Lex Mercatoria and International Contracts: A Challenge for International Commercial Arbitration? / A. F. M. Maniruzzaman // American University International Review. – 1999. – Vol. 14. – Issue 3. – P. 657 – 734.

264. Michaels, R. The Re-State-Ment The Re-State-Ment of Non-State Law: The State, Choice of Law, and the Challenge from Global Legal Pluralism / R. Michaels //

Wayne Law Review. – 2005. – Vol. 51. – P. 1209 – 1259.

265. Mulgan, T. Corporate Agency and Possible Futures / T. Mulgan // Journal of Business Ethics. – 2019. – Volume 154. – P. 901 – 916.

266. Neguerrand, M. Les smart contracts en Belgique: une destruction utopique du besoin de confiance / M. Neguerrand // Dalloz IT/IP. – 2019. – № 1. – P. 22 – 26.

267. Nwana, H. S. Software agents: an overview / H. S. Nwana // Knowledge Engineering Review. – 1996. – Vol. 11. – № 3. – P. 205 – 244.

268. Nwana, H., Wooldridge, M. Software Agent Technologies / H. Nwana, M. Wooldridge // BT Technology Journal. – 1996. – № 14 (4). – P. 68 – 78.

269. Patrikios, A. Resolution of Cross-border E-business Disputes by Arbitration Tribunals on the Basis of Transnational Substantive Rules of Law and E-business Usages: The Emergence of the Lex Informatica / A. Patrikios // University of Toledo Law Review. – 2006 – 2007. – № 38. – P. 271 – 305.

270. Rahbari, E., Rezaee, A. The role of electronic agents in concluding of contract / E. Rahbari, A. Rezaee // Law Quarterly. – 2011. – № 41 (4). – P. 159 – 178.

271. Rašević, Ž., Despotović, D. Public Procurement in Serbia as the Special Regime of Contract Law / Ž Rašević, D. Despotović // Kultura polisa. – 2023. – № 20 (1). – P. 126 – 139.

272. Rochet, J. C., Tirole, J. Platform competition in two-sided markets / J. C. Rochet, J. Tirole // Journal of the European economic association. – 2003. – Vol. 1. – № 4. – P. 990 – 1029.

273. Solum, L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences / L. B. Solum // North Carolina Law Review. – 1992. – Vol. 70. – № 70. – P. 1231 – 1287.

274. Svantesson, D. J. Extraterritoriality and targeting in EU data privacy law: the weak spot undermining the regulation / D. J. Svantesson // International Data Privacy Law. – 2015. – Vol. 5. – P. 226 – 234.

275. Trakman, L. E. From the Medieval Law Merchant to E-Merchant Law / L. E. Trakman // The University of Toronto Law Journal. – 2003. – Vol. 53. – № 3. – P. 265 – 304.

276. Teubner, G. Breaking Frames: Economic Globalization and the Emergence

of lex mercatoria [Electronic resource] / G. Teubner // European Journal of Social Theory. – 2002. – № 5. – P. 199 – 217. – Mode of access: http://www.jura.uni-frankfurt.de/42852780/frames_eng.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

277. Valenzuela, E. G. International electronic contracting: offer and acceptance / E. G. Valenzuela // European Scientific Journal. – 2018. – Vol. 8. – № 28. – P. 266 – 282.

278. Windscheid, B. Lehrbuch des Pandektenrechts / B. Windscheid // bearb. von Th. Kipp. Neunte Auflage. Frankfurt am Main : Literarische Anstalt Rutten&Loening. – 1906. – Bd. 2 S. 156. – № 5.

279. Wooldridge, M., Jennings, N. R. Intelligent Agents: Theory and Practice / M. Wooldridge, N. R. Jennings // The Knowledge Engineering Review. – 1995. – № 10. – P. 115 – 152.

280. Yildirim, A. E. The concept of pre-contractual duties and a comparison between the draft common frame of reference, English and Turkish legal systems / A. E. Yildirim // Ankara Avrupa Çalışmaları Dergisi. – 2017. – Vol. 16. – № 2. – P. 171 – 198.

Интернет-ресурсы

281. AERONET AErosol RObotic NETwork : website. – Mode of access: https://aeronet.gsfc.nasa.gov.

282. AliExpress CIS for sellers : website. – Mode of access: https://business.aliexpress.ru/legal-docs.

283. disserCat : научная библиотека диссертаций и авторефератов. – Режим доступа: http://www.dissercat.com.

284. Emirates SkyCargo: website. – Mode of access: https://www.skycargo.com.

285. International Comparative Legal Guides : website. – Mode of access: www.iclg.co.uk.

286. Oxford Dictionary : website. – Mode of access: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com.

287. Turkish Airlines : website. – Mode of access:

https://www.turkishairlines.com.

288. Turkish Cargo : website. – Mode of access: https://www.turkishcargo.com/en/.

289. United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL) : official site. – Mode of access: http://www.uncitral.org.

290. United Nations Commission on Trade and Development (UNCTAD) : official site. – Mode of access: http://unctad.org.